

— МЕРДЕКА! СВОБОДА! — ЗВУЧИТ ГОЛОС МОЛОДОЙ ИНДОНЕЗИИ.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 7 (1704)

14 ФЕВРАЛЯ 1960

38-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Москва. Зимнее утро.
Фото И. Тункеля.

На первой странице обложки:
— Мердека! Свобода!

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки:
Индонезийская деревня на острове Бали.

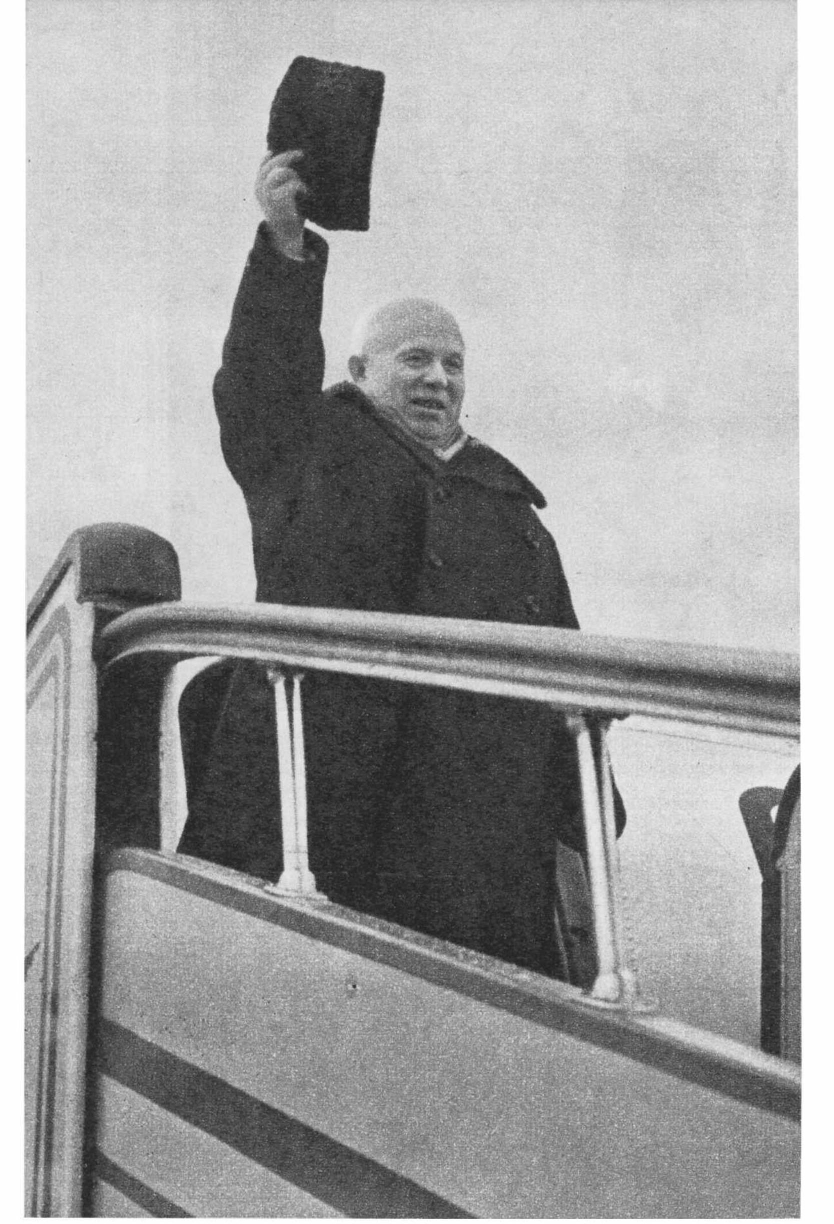

Фото А. Новикова.

СЧАСТЛИВОГО ПУТИ И УСПЕХОВ В БЛАГОРОДНОЙ МИССИИ МИРА!

Утром 10 февраля самолетом «ИЛ-18» из Москвы в Индонезию отбыл Председатель Совета Министров СССР Н. С. Хрущев.

Глава Советского правительства направился в Индонезию с визитом дружбы по приглашению президента и премьер-министра Республики Индонезии Сукарно. По пути в Индонезию Н. С. Хрущев по приглашению правительства Республики Индии и правительства Бирманского Союза посетит Индию и Бирму.

При возвращении из Индонезии Н. С. Хрущев по приглашению Его Величества короля Афганистана Мухаммед Захир Шаха и афганского правительства побывает в Афганистане.

В поездке Н. С. Хрущева сопровождают: министр иностранных дел СССР А. А. Громыко, министр культуры СССР Н. А. Михайлов, председатели государственных комитетов СССР С. А. Скачков, Г. А. Жуков и другие.

На Внуковском аэродроме, украшенном государственными флагами СССР, товарища Н. С. Хрущева провожали руководители партии и правительства, многочисленные представители трудящихся Москвы, министры СССР, маршалы Советского Союза. Среди провожающих находились иностранные дипломаты.

В этом номере:

Советский народ отмечает 10-летие подписания Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи между Союзом ССР и Китайской Народной Республикой. ★ А. И. Микоян в Гаване. Беседа с премьер-министром Кубы Ф. Кастро. Посещение американского писателя Э. Хемингуэя. ★ Как живут сегодня в Старице, откуда в 1921 году крестьяне посылали ходока к В. И. Ленину. ★ Накануне «Белой Олимпиады» в Скво Вэлли. ★ Публикуются очередные страницы для детского чтения.

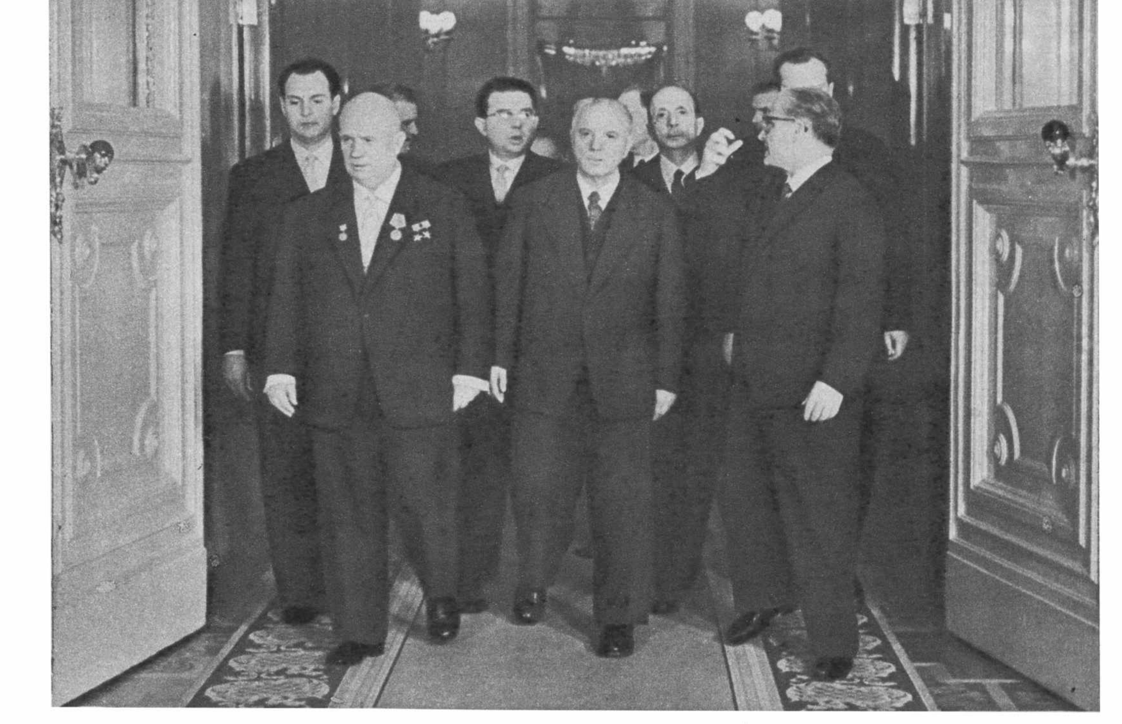
ДЖОВАННИ ГРОНКИ ГОВОРИТ:

«Можем жить по-соседски»

С 6 по 11 февраля в СССР находился Президент Итальянской Республики Джованни Гронки, посетивший нашу страну по приглашению Президиума Верховного Совета СССР. Во время визита произошел широкий обмен мнениями Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова и Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с Президентом Джованни Гронки при участии министров иностранных дел А. А. Громыко и Джузеппе Пелла.

В совместном советско-итальянском коммюнике было отмечено, что визит Президента Итальянской Республики в СССР «позволил выявить возможности дальнейшего улучшения отношений между двумя странами».

На приеме в Большом Кремлевском дворце в честь Джованни Гронки Н. С. Хрущев сказал: «Советский народ питает чувство симпатии и дружбы к итальянскому народу и искренне желает ему добра». В ответной речи Джованни Гронки заявил, что мы «можем жить по-соседски».

Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов и Джованни Гронки направляются на прием в Большой Кремлевский дворец.

Президент Джованни Гронки и госпожа Гронки осмотрели московское метро.

9 февраля в Москве было подписано советско-итальянское культурное соглашение.
Фото А. Новикова.

Джованни Гронки посетил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова. Он преподнес ректору университета И. Г. Петровскому каталог экспонатов, хранящихся в музее Николая Гвалтиери — философа и члена Флорентийской академии.
Фото В. Соболева и В. Егорова (ТАСС).

44 ЧАСА В ДОЛИНЕ КАТМАНДУ

Ник. **ДРАЧИНСКИЙ**,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

...Самолет летит на север. Он везет в дружественный Непал высоких советских гостей: Председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, первого заместителя Председателя Совета Министров СССР Ф. Р. Козлова, депутата Верховного Совета СССР Е. А. Фурцеву. Самолет взбирается все выше и выше, а земля, кажется, неотступно поднимается вслед за ним. Альтиметр показывает 3,4 тысячи метра высоты, но глядишь в окно, а земля близко-близко, под самым крылом. Путь в Непал издревле считался труднейшей дорогой. В кольце высочайших гор, за снежными перевалами лежит это государство среди Гималайских хребтов. Но и в наше время, когда за считанные часы преодолеваются огромные расстояния, дорога в Непал нелегка.

Обычно мы пишем: «Под крылом самолета развернулось...» Но про воздушную дорогу в Непал сказать так невозможно. Не под ним, а над крылом взметнулись в синь безбрежного неба высочайшие вершины — пики Гималаев. Самолет летит в стесненном коридоре, лавируя среди заснеженных скалистых вершин. Вот слева перед нами вырос закованный в алмазный панцирь высоченных льдов Джомолунгма — Эверест, высочайшая вершина нашей планеты.

Постепенно долина стала расширяться. На склонах гор виднеются террасы, как ступени гигантской лестницы,— это нивы и сады непальских крестьян. Как ручейки сверкающей ртути, струятся реки. Долина Катманду — небольшая, густонаселенная и плодородная часть Непальского государства, где расположены его главные города и столица королевства. Бетонная дорожка аэродрома начинается на плоской вершине гранитной скалы, вертикально обрывающейся в мутную реку. Едва самолет с советскими гостями коснулся земли, на зеленом поле среди гор разразилась буря оваций. Тысячи жителей долины Катманду собрались на аэродроме, чтобы приветствовать посланцев великой дружественной державы.

У трапа самолета представителей советского народа встречали король Непала Махендра Бир Бикрам Шах Дева, премьер-министр Б. П. Коирала, члены королевской семьи, министры, депутаты парламента. А над аэродромом не умолкали овации.

— Русские и непальцы...— начинает глашатай.

И тысячи людей отвечают:

— ...братья, братья!

Приветственные голоса катятся по долине, и горы возвращают их звонким, многоголосым эхом.

На всем пути от аэродрома до столицы стоят на дороге толпы непальцев. У одних в руках зажженные светильники, другие по старинным обычаям пускают навстречу гостям облачко пурпурной пыльцы, бросают лепестки цветов. Над дорогой висят полотнища с лозунгами. Некоторые из них написаны по-русски: «Добро пожаловать, К. Е. Ворошилов!», «Привет Ф. Р. Козлову!», «Добро пожаловать, Е. А. Фурцева!», «Да здравствует дружба и мир!» Ничего, что некоторые из них написаны с серьезным отклонением от русской грамматики, но от этого они не становятся менее теплыми и сердечными. На дороге воздвигнуты арки. Одна из них вся в золотистых початках кукурузы, другая сооружена из глиняных кувшинов, третья украшена народными музыкальными инструментами. Это непальские труженики — ремесленники и земледельцы — демонстрируют гостям свое мастерство.

На площади в центре столицы гостей ждет карета, запряженная шестеркой лошадей. Вокруг всадники в пышных пурпурных мундирах, вооруженные пиками. К. Е. Ворошилов и король пересаживаются из новейшего автомобиля в старинную карету — это традиция. Впереди кавалерийского эскорта трещат мотоциклы, лошади храпят и взвиваются на дыбы.

Все население города, вышедшее на улицу, шумно приветствует гостей из великой дружественной страны. Гирлянды флажков и зелени развешаны вдоль всего пути до дворца Ситал Нивас — резиденции делегации. Старинный дворец стоит на высоком холме над городом. Отсюда далеко видна плодородная долина Катманду.

Неприступные горные хребты защищали долину от нашествия завоевателей. Но колонизаторы, захватившие многие страны Азии, добрались и сюда. В начале прошлого века британские войска вторглись в Непал. Воспользовавшись предательством феодалов, они подчинили себе страну. Непальский народ на долгие годы остался в кабале иностранных монополий. В стране воцарился дикий произвол феодалов. Непал стал называться «страной за семью замками».

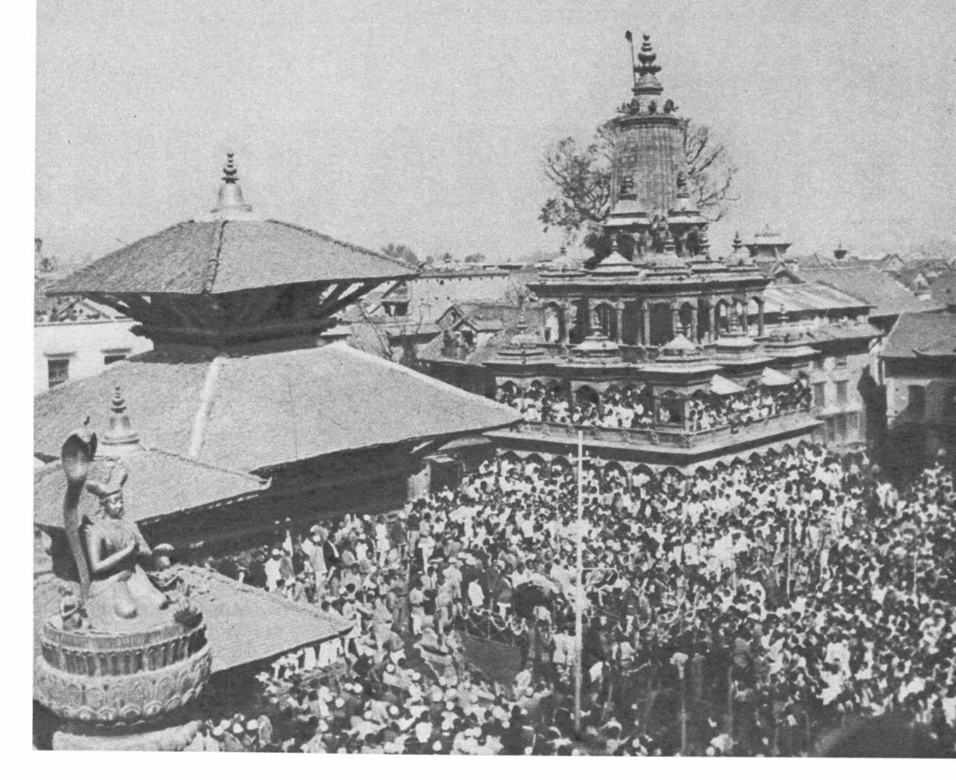
Скоро исполняется девять лет, как непальский народ с оружием в руках изгнал колонизаторов и сверг деспотическую тиранию. Но не просто отсталой стране сразу перейти из века феодализма в век Космоса. Прогулки по улицам Катманду иногда напоминают экскурсию в далекое прошлое. Но сквозь эту старину, преодолевая тысячелетний груз, смело пробивают себе дорогу ростки нового. В народе разрастается порыв к переустройству своей жизни. Идет строительство дорог, проектируются гидроэлектростанции, промышленные предприятия. В осуществлении этих планов оказывает бескорыстную помощь Советский Союз. Здесь уже работают советские специалисты, которые отдают свои знания и опыт делу прогресса в дружественной стране.

Непальские хозяева показали советским гостям памятники древней культуры и новые достижения, которых добилась страна в последние годы. По приглашению премьер-министра Ворошилов и Козлов осмотрели первую в государстве ремесленную школу, где готовят квалифицированные кадры промышленных рабочих. В то же время Е. А. Фурцеву пригласили к себе в гости женщины непальской столицы. В просторном зале женской гимназии собрались руководители союза женщин, девушки, учащиеся школ. С огромным вниманием слушали они рассказ Екатерины Алексеевны о Советской стране, о судьбах советских женщин.

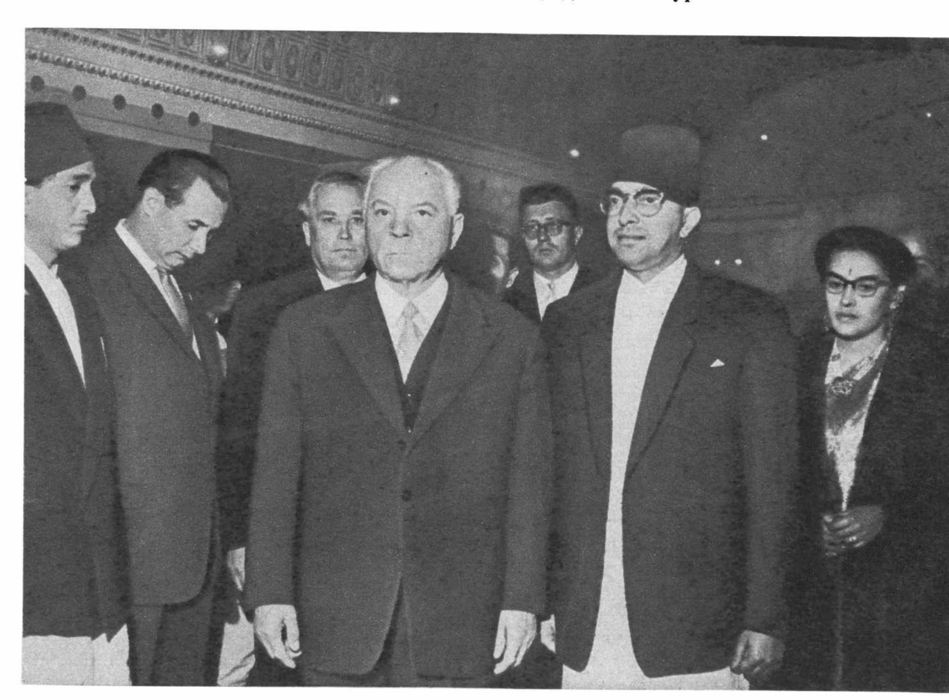
Самой яркой манифестацией дружбы между нашими народами явились многолюдные гражданские приемы в столице государства и Лалитпуре, древнейшем городе долины Катманду. Его центральная площадь — памятник древней непальской архитектуры. Она украшена старинными храмами и пагодами. Особенно нарядной эта площадь была в дни, когда сюда приехали гости из Советской страны. Тысячи и тысячи людей запрудили площадь и все прилегающие улицы. Они стояли на ступеньках храмов, на балконах, на крышах домов.

Навсегда запомнятся встречи в Непале, народ которого с открытым сердцем принял посланцев Страны Советов.

После пребывания в Непале высокие советские гости вернулись в Дели и оттуда вылетели в Москву. 6 февраля Москва встречала К. Е. Ворошилова, Ф. Р. Козлова, Е. А. Фурцеву и сопровождавших их лиц. Советские гости привезли с собой теплые чувства дружбы народов Индии и Непала к советским людям.

Митинг в честь советских гостей в городе Лалитпур.

На приеме, устроенном советской делегацией в Катманду.

Е. А. Фурцева на собрании женщин Катманду.

ПЫЛАЮЩИЙ ОСТРОВ

Г. БОРОВИК

Специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора
(переданы по фототелеграфу).

Куба сегодня живет спокойно. Как обычно, люди отправляются по утрам на работу, начистив предварительно штиблеты до блеска, как обычно, заполняют по вечерам кафе, чтобы выпить крошечную чашечку трехцентового кофе, ходят в церковь, выращивают сахарный тростник, скатывают на отполированных временем круглых досках знаменитые кубинские сигары.

Но спокойствие Кубы напряженно. Я пишу эти строки и слышу за окном отеля чеканный шаг сотни ног и ритмичные крики: «Уно, дос, трес, куатро; уно, дос, трес, куатро!» Это марширует отряд народной милиции. Рабочие, продавцы галантерейных магазинов, шоферы такси, художники, школьники в свободное время обучаются основам военной науки, чтобы в случае необходимости...

Кубу называют иногда пылающим островом, имея в виду охватившее страну пламя революционных идей и свершений. К сожалению, это определение здесь имеет не всегда переносный смысл. Двадцать восьмого января, в день памяти национального героя Хосе Марти, над сахарными плантациями провинции Камагуэй появился двухмоторный самолет под номером 325 с красными полосами на крыльях и на кабине пилота. Одетый в черный пуловер, с черным шлемом на голове, летчик на бреющем полете прошел над пушистыми султанами сахарного тростника и сбросил несколько зажигательных бомб. Погибли тысячи тонн сахара. Не все бомбы сработали. Крестьяне нашли и подобрали несколько неразорвавшихся. Каждая бомба носила на себе клеймо американского завода «Бристоль». Видимо, кое-кто очень хочет сбить пламя революции встречным огнем пожаров, вызвать в стране голод и экономические затруднения. Но зловещие вспышки зажигательных бомб, какой бы большой ущерб они ни приносили стране, ничтожны по сравнению со светлым пламенем революции.

На далекой Кубе, в столице ее Гаване, открылся недавно крошечный островок Страны Советов. Пятого февраля красную ленточку, преграждавшую вход на Советскую выставку, перерезал первый заместитель председателя Совета Министров СССР Анастас Иванович Микоян.

За много дней до открытия, как только возле здания Дворца изящных искусств, где устроена выставка, появились люди с голубыми значками на рубашках «Экспозисион Советика», сюда стали приходить гаванцы. Посмотреть, послушать, поспорить. По первым, еще не полностью собранным экспонатам кубинцы старались разглядеть и понять далекую страну, о которой из-за завесы клеветы, распространяемой иностранными информационными агентствами, они знали столько же правды, сколько о невидимой стороне Луны. И возле площадки с советскими тракторами, комбайнами, автомобилями шли горячие разговоры. О чем? Больше всего о будущем Кубы. Это волнует всех, об этом никто не может говорить равнодушно. Вот почему группы людей не расходились до поздней ночи.

А на самой выставке кубинские рабочие, участвовавшие в ее подготовке, внимательнейшим образом изучали каждый экспонат, каждую диаграмму, каждую цифру. Часто можно было видеть, как человек в потрепанной одежде откладывал на минутку молоток и что-то тщательно записывал в книжечку. А по вечерам родные и знакомые этого человека ждали его, чтобы задать сотни вопросов.

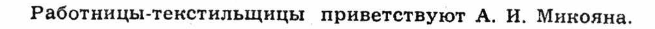
Наконец выставка открылась. Вместе с Анастасом Ивановичем Микояном ее осмотрели многие государственные деятели Кубы, в том числе глава правительства Фидель Кастро. Не менее внимательно, чем кубинские рабочие, Кастро изучал экспонаты выставки. Он прошел по всем залам и, пожалуй, не пропустил ни одного стенда.

После осмотра выставки я спросил Фиделя Кастро, каково его впечатление о советской экспозиции.

— Это невероятно впечатляет,— ответил премьер-министр. — До удивления. Я бы даже сказал — выставка потрясающа! Мы восхищены успехами советского народа, ростом его промышленности и культуры. Мы увидели в истинном свете то, чего достиг советский народ и чего может достигнуть Куба. Мы увидели будущее наших отношений, и мы очень благодарны вам за эту возможность.

Премьер-министр Кубы Фидель Кастро и А. И. Микоян на открытии Советской выставки в Гаване.

Работницы-текстильщицы приветствуют А. И. Микояна.

— Что вам больше всего понравилось на выставке?

— Трудно выделить что-нибудь. Очень многое меня здесь потрясло. Ну, например, ракеты и спутники, конечно. Производство стали и переработка нефти. Мы видели, как значительно возросло производство предметов потребления в Советском Союзе. Очень хорошо преподнесены и впечатляют статистические данные.

Фидель Кастро собирался уже закончить это маленькое интервью, но, подумав, добавил:

— Я говорил вам о своем личном мнении, но уверяю вас, что все кубинцы, которые посетят эту выставку, вынесут не менее благоприятное впечатление о ней.

И Кастро не ошибся. Книга отзывов, заполненная восторженными записями, тому доказательство. О популярности выставки говорит хотя бы тот простой факт, что на другой же день после ее открытия к зданию Дворца изящных искусств перекочевали торговцы фруктами, чистильщики сапог и продавцы лотерейных билетов, галантерейной мелочи со всех улиц и переулков вокруг выставки; сейчас это самое многолюдное место в Гаване.

Сразу после осмотра выставки Фидель Кастро предложил Анастасу Ивановичу поехать в восточный район Гаваны, посмотреть строящиеся жилые кварталы.

Этими простыми, но удобными домами гордится революционное правительство Кубы. Квартиры будут отданы рабочим семьям в собственность с выплатой их стоимости в двадцать пять лет. Здесь же строится спортивный городок, несколько детских садов.

— Мы хотим,— говорит Фидель Кастро,— покончить с эксплуатацией бедняцких семей владельцами домов.

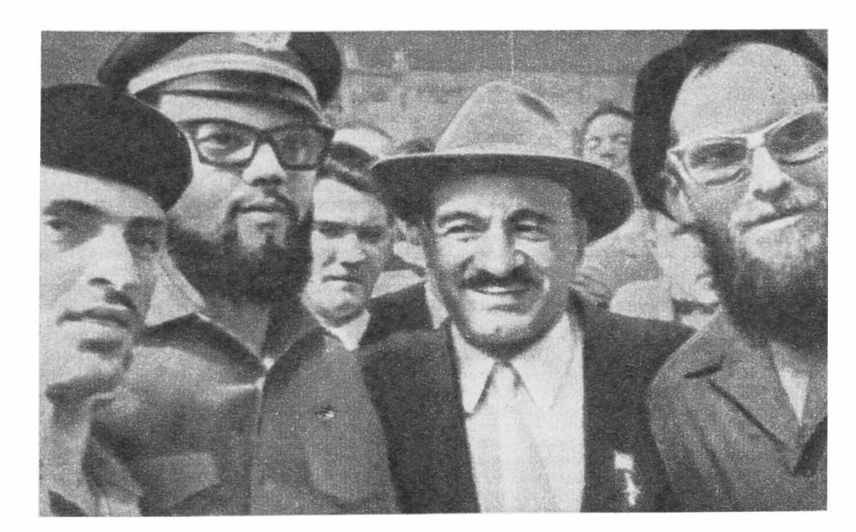
— Что-то это не похоже на «американский образ жизни», хотя дело и происходит в Америке,— улыбаясь, замечает Анастас Иванович.

— Нет, эта идея не заимствована из США,— отвечает Кастро,— она возникла у меня, когда я еще был в горах Сьерра-Маэстры. Ночами я обдумывал ее во всех деталях.

— Это кусочек вашего будущего,— говорит А. И. Микоян,— серьезная опора вашего революционного режима.

В гостях у Эрнеста Хемингуэя. А. И. Микоян преподносит писателю модель советского спутника.

А. И. Микоян среди кубинцев.

— Да,— соглашается Фидель Кастро,— это наши окопы.

Строители встретили Анастаса Ивановича Микояна и Фиделя Кастро восторженными криками: «Вива Фидель, вива Микоян!»

Не было ни одного возвышения, где не стояли бы люди в одежде, испачканной известью, песком, строительной пылью. А. И. Микояна и Фиделя Кастро сразу окружила толпа народа. И, наверное, не так уж много домов удалось бы Фиделю Кастро показать советскому гостю, если бы сами рабочие, взявшись за руки, не образовали два луча, сходящиеся острым углом. Так эти два живых луча и двигались вперед по территории строительства, освобождая дорогу и бережно ведя за собой двух людей...

«Окопы» революционного режима на Кубе не только в Гаване. Они прежде всего в осуществлении аграрной реформы, в ликвидации латифундий, в создании кооперативов, в строительстве больниц вместо солдатских казарм. Все это опора народа, охваченного порывом борьбы за новую жизнь.

Честные люди повсюду, независимо от национальности или гражданства, на стороне кубинской революции.

Под Гаваной живет замечательный американский писатель, гражданин США Эрнест Хемингуэй. Его посетил в один из дней своего пребывания на Кубе Анастас Иванович Микоян. Хемингуэй показал гостю дом, который он приобрел здесь в тридцать девятом году, кабинет, в котором работает, стоя у высокой конторки,— чтобы, как он говорит, не засиживаться,— коллекцию голов убитых им на охоте зверей, библиотеку. Анастас Иванович и американский писатель долго и дружески беседовали.

А. И. Микоян рассказал Хемингуэю, как популярны его произведения в Советском Союзе, как любят его в нашей стране, как считают «своим», хотя он писатель, конечно, глубоко американский. Потом речь зашла о Кубе.

— Это замечательный народ,— соглашается Хемингуэй с Анастасом Ивановичем,— но он голодал здесь долгие-долгие годы. Я знал в этом районе многих людей, знал еще детьми. Они играли с моими ребятами, потом выросли и были полны желания найти работу, трудиться. Но они не смогли где-либо применить свои силы и голодали. Тогдашнее правительство грабило Кубу, обворовывало народ.

— Я почувствовал здесь, как ненавидят кубинцы своих бывших правителей,—замечает Микоян.

— Эта революция стала исторически необходимой, ее продиктовали исторические условия.

— Да, никакой дальнейший прогресс невозможен был бы на Кубе без аграрной реформы, например,— соглашается Анастас Иванович.— Это было исторически необходимо, как необходима, скажем, была аграрная реформа во Франции сто семьдесят лет назад.

— Я никогда не вмешивался в политику,— замечает Хемингуэй,— но то, что произошло на Кубе, мне кажется, находит поддержку повсюду. Иначе и не может быть. Волей-неволей хороший писатель в своих произведениях должен стать хорошим политиком.

— К сожалению, очень редко политик становится хорошим писателем,— шутит А. И. Микоян.

— Сейчас на Кубе очень честные политические деятели, очень честное правительство,— говорит Хемингуэй.— Никогда страна эта не имела честных руководителей. Политики раньше рассматривали свою деятельность только как средство обогащения, получения жизненных удобств. И страна, которая сама по себе очень богата, бедствовала. Я приехал сюда снова в этом году,— продолжает Хемингуэй,— чтобы быть поближе к событиям революции...

Анастас Иванович Микоян говорит, что если Хемингуэй когда-нибудь захочет посетить Советский Союз, его примут там, как дорогого гостя.

— Я всегда собирался попасть в СССР, посмотреть вашу страну,— отвечает писатель.— Но все никак не удавалось, всегда мешали какие-нибудь планы. Мне ведь шестьдесят лет, и не так уж много времени осталось, чтобы выполнить все мои намерения. Я обычно работаю очень напряженно и долго. Сейчас я тружусь над новой вещью, которая, надеюсь, будет не хуже, а может быть, и лучше «Фиесты», но как только время позволит, я воспользуюсь первым же случаем, чтобы побывать в Советском Союзе...

Много друзей у маленького острова в Карибском море. Эти друзья разбросаны по всему свету. Их гораздо больше, чем врагов. Потому что друзья пылающего острова — это все, кто честен.

Так встречают советского гостя.

4 февраля в Москве, в Большом Кремлевском дворце, состоялось подписание Декларации государств — участников Варшавского договора. Эта декларация была принята на происходившем в этот день Совещании Политического Консультативного Комитета стран — участниц Варшавского договора. Совещание прошло в обстановке полного взаимопонимания и прочной дружбы.

На снимке: момент подписания Декларации.

Фото А. Новикова.

Советские государственные деятели в США

Визит делегации советских государственных деятелей во главе с Председателем Совета Министров РСФСР Д. С. Полянским в США свидетельствует, что «дух Кэмп Дэвида» становится активной силой во взаимоотношениях между США и Советским Союзом. Всюду, где побывали советские гости — в Филадельфии, в Майами, в Чикаго, в Спрингфилде,— американцы тепло и радушно приветствовали их.

Посланцы из СССР прибыли в США с желанием укрепить дружеские связи между нашими народами, и это желание нашло хороший отклик у американцев. Новая встреча Америки с советскими людьми показывает американцам, что мирное сосуществование и сотрудничество между нашими странами возможно и необходимо.

Во время поездки по США делегация советских государственных деятелей посетила Майами (штат Флорида).

На снимке: Глава делегации Д. С. Полянский приветствует учеников одной из школ Майами.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

БУДАПЕШТ БУДЕТ ЕЩЕ КРАШЕ

Пятнадцать лет назад, 13 февраля 1945 года, Будапешт был освобожден Советской Армией от гитлеровских оккупантов. Еще за полтора месяца до этого советские войска, сломив сопротивление гитлеровцев, завершили окружение Будапешта. В ультиматуме, который от имени советского командования маршалы Толбухин и Малиновский предъявили обреченным фашистским дивизиям, им предлагалось сдаться, чтобы избегнуть лишнего кровопролития и сохранить Будапешт. Фашисты вероломно убили советских парламентеров и обрекли один из красивейших городов Европы, по праву названный жемчужиной Дуная, на страшные разрушения. Они устраивали опорные пункты в красивейших зданиях. Из окон парламента выглядывали стволы пулеметов, с визгом неслись мины из коридоров университета, в дот была превращена Королевская опера, взорваны все мосты через Дунай.

— Тем, кто не был тогда в Будапеште, даже трудно представить себе сейчас развалины 1945 года,— говорит главный архитектор венгерской столицы доктор Имре Переньи.— Советские солдаты сразу помогли нам навести первые мосты через Дунай, очистить город от мин...

На стенах просторного кабинета товарища Переньи — огромные планы города, фотографии его кварталов, сделанные с самолета, рабочий стол завален эскизами. На них — красивые многоэтажные дома с широкими окнами и легкими балконами.

— Это проекты? — спрашиваем мы.

— Нет, в этих «проектах» уже живут люди. Недавно правительством был принят пятнадцатилетний план жилищного строительства. В период выполнения второй нашей пятилетки, то есть до конца 1965 года, в Будапеште будет строиться ежегодно десять — двенадцать тысяч квартир. В ближайшие пятнадцать лет у каждой венгерской семьи будет благоустроенное жилье...

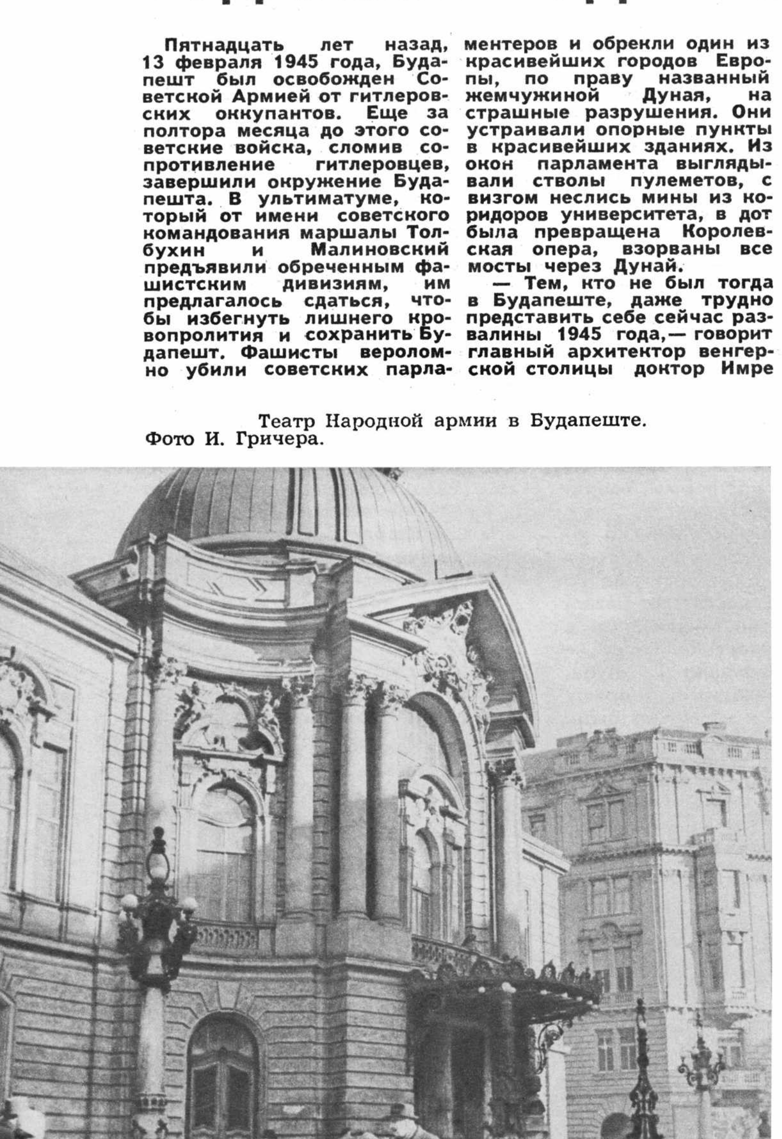
С увлечением рассказывает архитектор о будущем родного Будапешта, о реставрации памятников старины, о планах постройки нового метрополитена, новых мостов через Дунай. И когда вечером мы снова идем по улицам Будапешта, мы словно уже видим этот новый, прекрасный город.

Одна из улиц выводит нас к мосту Эржебет — единственному невосстановленному мосту через Дунай. Даже в тумане отсюда хорошо видна гора Геллерт. Четкий силуэт женщины с пальмовой ветвью в руках вознесся над городом. Он напоминает о советских солдатах, отдавших пятнадцать лет назад свои жизни за этот город на Дунае, подарившых счастье и свободу Будапешту, замечательной столице новой, социалистической Венгрии.

Я. ГОЛОВАНОВ

Будапешт, февраль.

Театр Народной армии в Будапеште.
Фото И. Гричера.

КНИГА

Семен ОЛЕНДЕР

Она в тисненом переплете
Стоит на полке. Тишина.
Когда же вы ее возьмете,
Откроет двери в мир она.

Вы с нею вместе поплывете
По океанам и морям,
Вы с нею вместе на охоте
Бродить начнете по лесам.

Она поймет вас, успокоит,
Научит вас, как дальше жить,
И с нею радоваться стоит,
А если надо, погрустить.

В ней старина поет седая,
В ней бьется сердце наших дней.
Она живет, не умирая,
И трудно нам расстаться с ней.

Она стоит на книжной горке,
И я не раз ее читал.
Недаром книгу мудрый Горький
Великим чудом называл!

Пройдена половина пути

Сало ФЛОР,
специальный корреспондент «Огонька»

Шахматный ансамбль состоит из восьми гроссмейстеров и двенадцати мастеров. По воле жребия в восьмом туре состоялся своеобразный матч на восьми досках между гроссмейстерами и мастерами. Но по турнирному положению после девятого тура, которым заканчивается первая половина чемпионата, нельзя сказать, что гроссмейстеры особенно оторвались от мастеров. Идет борьба равных.

Хорошее настроение у новосибирского мастера Н. Крогиуса. Он идет в турнире без проигрыша, нанес поражение Е. Геллеру и является одним из лидеров первенства. Если мы, шахматисты, составим футбольную команду, то в ней в качестве защитника мог бы играть Крогиус. Какой это крепкий орешек! В трех партиях—с Б. Спасским, Ю. Авербахом, М. Таймановым—он потерял лишь одну пешку. Но все три партии Крогиус спас! Тайманова это обстоятельство слегка расстроило: это он, гроссмейстер, не выиграл с лишней пешкой, к тому же в свой день рождения!

Оригинально, как обычно, глубоко играет чемпион Москвы мастер В. Симагин. Разгром, учиненный им В. Корчному, произвел сильное впечатление. Эта партия пока что конкурирует среди красивейших партий чемпионата и претендует на приз журнала «Огонек».

Мастер Л. Шамкович два — три раза развлекал зрителей. В партии с Полугаевским последний, будучи в сильном цейтноте, воскликнул: «Предлагаю ничью!» Шамкович молниеносно ему ответил: «Я согласен». И тут же, так сказать, «не отходя от кассы», Шамкович увидел, что он мог дать мат не позже пятого хода.

Корчного Шамкович на протяжении двадцати пяти ходов прекрасно атаковал, но медлил с нанесением решительного удара. Дело кончилось тем, что Корчной «выкрутился», и публика аплодировала ему дважды: сперва, когда партия была отложена, и вторично, когда Шамкович сдался. «Хватит шутить»,— решил Шамкович. В восьмом туре он частично расплатился за неудачи и нанес первое поражение Д. Бронштейну. В творческом отношении для Бронштейна это было обидное поражение. Он построил оригинальную позицию или, как любит выражаться президент нашей шахматной федерации В. Алаторцев, «создал красивое полотно». Но «нарисовать» Бронштейну ничего хорошего не удалось. Одна ошибка, правда, достаточно грубая,— и его картина рухнула, как карточный домик.

Мастер Л. Полугаевский из восьми законченных партий сделал восемь ничьих! Если во второй половине турнира он будет продолжать в таком же духе, то второго гроссмейстерского балла ему получить не удастся.

У грузинского мастера Бухути Гургенидзе целая коллекция партий с упущенными возможностями. Не удивительно, что Бухути иногда расстроен чуть ли не до слез. В чем дело? Сам Гургенидзе объясняет свои неудачи тем, что он никак не может привыкнуть к нововведенному правилу, по которому спортсмену нельзя курить во время соревнований. Если шахматист хочет закурить, он должен выйти в коридор. Это, конечно, не так сложно, когда у тебя есть время. Но Гургенидзе в вечном цейтноте. И как ему идти в коридор, когда существует угроза, что флажок на часах упадет?! В такой напряженный момент Гургенидзе больше всего хочется закурить, но тут бдительный и зоркий глаз главного судьи напоминает: курить на турнире не полагается. Бедный Бухути! В девятом туре он опять «смазал» выигранную партию с В. Симагиным. Чемпион Москвы после партии сказал: «Я, как бывший курильщик, сочувствую Гургенидзе».

Ленинградцы, как известно, вежливые и гостеприимные люди, но они и не скрывают своих желаний видеть чемпиона СССР, прописанного в Ленинграде. Их огорчает, что Б. Спасский и М. Тайманов пока не проявили себя в полной мере. Радуют ленинградцев удачи Корчного. Этого высокоталантливого гроссмейстера не смущают некоторые поражения. Они как бы стимулируют дальнейший успех. После его проигрыша последовали три победы. У Корчного наибольшее количество побед — шесть.

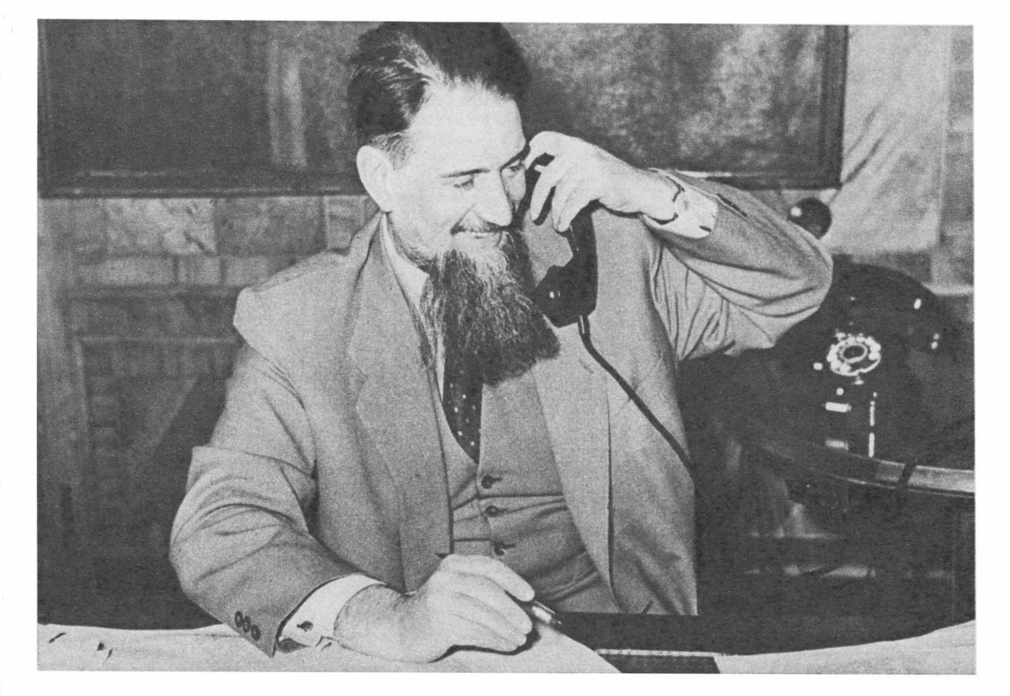
Для Тиграна Петросяна вторая неделя чемпионата протекала также успешно. Каждый участник турнира старается отнять у чемпиона страны хоть половину очка. Из-за этих половинок Петросян несколько задержался в пути, но счастливая случайность в доигрывании с Шамковичем дала ему возможность не отстать от Корчного.

Хорошее положение занимает Е. Геллер. Упорно и старательно играет Ю. Авербах, но для полного счастья ему не хватает главного: единиц.

Результат В. Смыслова — загадка. Вы думаете, экс-чемпион мира не старается? Он защищается, как лев, атакует, контратакует, жертвует фигуры, искусно маневрирует, но победы ни одной! Много упорства, энергии, настойчивости он вложил во встречу с Петросяном, который, как известно, опередил его в недавнем турнире претендентов. Чувствуется, что Смыслов хочет «отомстить». Поединок продолжается уже сто пять ходов, тринадцать часов. Партия отложена в третий раз. Дуэль Смыслов — Петросян не единственный случай, когда за половину очка идет упорная борьба. Партия Суэтин — Бронштейн из первого тура кончилась вничью: в ней сделано 128 ходов.

Пройдена половина турнира. Практика показывает, что вторая половина наших чемпионатов проходит всегда острее. Ведь не может быть, чтобы в борьбе за первое место участвовали только Т. Петросян, В. Корчной и вклинившийся между ними Н. Крогиус. Остальные участники начнут вторую половину под девизом: вперед!

Ленинград.

И. В. КУРЧАТОВ

Умер один из любимых сынов советского народа. Умер один из славной когорты ученых, чей ум и титанический труд приблизили человечество к овладению сокровенной тайной природы, к управлению термоядерными реакциями.

Трижды Герой Социалистического Труда академик Игорь Васильевич Курчатов стоял у колыбели отечественной атомной науки. Под его руководством и при его участии создавалась и строилась советская атомная техника, поставленная нашим народом на службу народному хозяйству, миру и человеку.

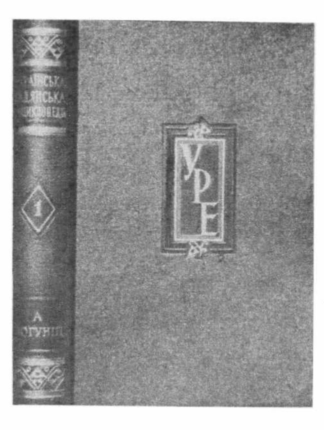
Депутат, коммунист, страстный борец за мир, И. В. Курчатов был человеком большой души и открытого сердца. Выступая незадолго до смерти на сессии Верховного Совета СССР, Игорь Васильевич говорил:

«Я счастлив, что родился в России и посвятил свою жизнь атомной науке великой Страны Советов. Я глубоко верю и твердо знаю, что наш народ, наше правительство только благу человечества отдадут достижения этой науки».

На снимке: Игорь Васильевич Курчатов в своем рабочем кабинете.

Фото Н. Петрова.

Украинская Советская Энциклопедия

Выходит из печати первый том Украинской Советской Энциклопедии. Главный редактор энциклопедии академик Академии наук УССР Микола Бажан в беседе с корреспондентом «Огонька» рассказал:

— Украинская Советская Энциклопедия (УРЕ[1]) — первая энциклопедия украинского народа — создается в знаменательную эпоху развернутого строительства коммунизма в Советской стране.

УРЕ — это универсальный справочник по различным отраслям современной науки, техники и культуры, общий свод важнейших завоеваний мировой цивилизации. Естественно, что наиболее подробно в УРЕ показываются исторический путь, хозяйство и культура Украины. Особое внимание уделено жизни украинского народа со времени Великой Октябрьской социалистической революции, в условиях советского общества, когда сформировалась украинская социалистическая нация, а Украина под руководством Коммунистической партии в единой семье братских советских республик стала социалистическим индустриально-колхозным суверенным государством.

Украинская Советская Энциклопедия показывает братское единство украинского народа с великим русским и всеми другими народами Советской Отчизны, их общую борьбу против царизма, помещиков, капиталистов и иностранных захватчиков, за построение социализма и коммунизма, всю многовековую историю Украины, которую пытались и пытаются фальсифицировать и извратить украинские буржуазные националисты. В духе пролетарского интернационализма подробно освещается история и современное положение зарубежных стран, сотрудничество стран социалистического лагеря, развитие международного коммунистического и рабочего движения, освободительная борьба народов, порабощенных империалистами.

Украинская Советская Энциклопедия направлена против проявлений реакционной буржуазной идеологии, прежде всего украинского буржуазного национализма, против всех и всяческих уклонов от учения марксизма-ленинизма, против ревизионизма, против догматизма.

Общий справочный материал в УРЕ излагается кратко, шире подаются справки, касающиеся территории УССР: не только о больших или исторически известных городах, но и обо всех районных центрах и отдельных селениях, значительных промышленных и сельскохозяйственных предприятиях, культурных заведениях, научных учреждениях, о флоре и фауне Украины, реках и водоемах.

УРЕ дает читателю информацию о выдающихся людях как прошлого, так и современности. Надлежащее место отводится передовым людям Украины дореволюционного и нынешнего периода: деятелям Коммунистической партии и Советского государства, новаторам производства, передовикам сельского хозяйства, ученым, военным деятелям, писателям, мастерам искусств.

В Украинской Советской Энциклопедии использованы труды научно-исследовательских учреждений и высших учебных заведений УССР и всего Советского Союза, достижения мировой науки.

УРЕ издается в шестнадцати томах на протяжении четырех — пяти лет. В каждый том, состоящий из восьмидесяти — девяноста авторских листов, включается около пятисот иллюстраций и карт. Всего в энциклопедии будет помещено более пятидесяти тысяч слов-статей. Ко многим статьям дается библиография.

Первый том энциклопедии выходит в свет в феврале текущего года.

[1] УРЕ — Українська Радянська Енциклопедія.

ТУДА, ГДЕ ТРУДНЕЕ

Первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. ПАВЛОВ рассказывает о работе VII пленума ЦК комсомола

Вопрос. Каковы особенности VII пленума ЦК ВЛКСМ?

Ответ. Это был необычный пленум. Необычный хотя бы потому, что, кроме членов ЦК, на нем присутствовали комсомольцы, приехавшие из разных уголков нашей страны. Это молодые полеводы, доярки, мастера выращивания свеклы и кукурузы. Это лучшие секретари комсомольских организаций и секретари райкомов. Словом, все те люди, которым есть что рассказать о своих делах, которые могут поделиться опытом и посоветовать нам при решении больших государственных дел. Два вопроса обсуждал пленум: об участии комсомольских организаций в выполнении постановления декабрьского Пленума ЦК КПСС «О дальнейшем развитии сельского хозяйства» и о повышении роли комсомольских организаций в борьбе с нарушениями общественного порядка.

Еще совсем мало времени прошло с тех пор, как закончился декабрьский Пленум ЦК КПСС. Но какое огромное влияние уже оказал он на нашу молодежь!

Выступали свинарки, доярки, полеводы, комсомольские работники. Но порой казалось, что это выступают экономисты, председатели крупных артелей, директора совхозов. На пленуме шел большой, деловой, требовательный и взволнованный разговор о том, что могут и должны сделать молодые труженики деревни, чтобы помочь быстрее и лучше выполнить решения декабрьского Пленума ЦК КПСС. Речь шла о месте комсомольцев, молодежи в борьбе за высокие урожаи, удои молока, снижение себестоимости сельскохозяйственной продукции. Главное, говорили о человеке, о его быте, образовании, культуре. И тут уж всем нам пришлось выслушать много справедливых упреков.

Почему еще так мало филиалов институтов на селе?

Почему бы настоящих, заслуженных полеводов и животноводов не принимать в сельскохозяйственный институт прямо без экзаменов?

Почему в деревню редко посылают выпускников консерваторий, музыкальных училищ и школ? Ведь многие художественные коллективы держатся в основном на одном энтузиазме.

Много таких «почему» раздавалось с трибуны пленума.

Вопрос. Расскажите о некоторых наиболее интересных делах молодых тружеников деревни.

Ответ. Мне запомнилось выступление Лиды Микрюковой из совхоза «Газырский», Краснодарского края. Она свинарка, работала на ферме с двумя подругами. Теперь в их звене будет четверо. Все они читали выступления Чижа на Пленуме ЦК КПСС и вот что решили: обогнать его во что бы то ни стало. А что они для этого сделают? Сами будут выращивать корм, готовить «стол» свиньям. Обязательно станут трактористками. Сами подготовят поля, на которых будут пасти свиней.

Интересно было выступление и Тамары Бубновой — председателя колхоза «Красный боец», Новгородской области. Тамаре всего двадцать один год. Она выросла в этом колхозе, получила образование агронома. Девушке было очень обидно, что непутевый председатель разваливает артель. На одном из заседаний правления решался вопрос: оставаться ему председателем или нет? И Тамара спросила тогда:

— Долго ли мы будем пьяницам доверять колхоз?

— Может быть, тебе колхоз доверить? — глядя на нее в упор, спросил председатель.

И Тамаре действительно доверили колхоз. Всего год, как она руководит артелью. И уже можно сказать: хорошо руководит.

Желающих выступить на нашем пленуме было очень много. И, конечно, далеко не все получили слово. Поэтому мне хочется самому рассказать о некоторых из них.

Анатолий Сенников был секретарем райкома комсомола в городе Харькове. В числе тридцатитысячников поехал в отстающий колхоз. Скоро артель реорганизовали в Двуречанский совхоз. Сенников стал директором. И вот производство мяса здесь возросло в пять раз по сравнению с 1953 годом. Сейчас Сенников увлекся разведением птицы. Центнер утки в совхозе стал дешевле центнера свинины.

Не могу не сказать о трактористе Иване Воронове из Понизовской РТС Смоленской области. Он со своим напарником Михаилом Рыжиковым вывез за год на поля колхоза 104 тонны торфа — столько, сколько по плану должен был вывезти весь район.

Хочется упомянуть о наших не совсем обычных участниках пленума — школьниках. О тех самых школьниках из Осетии, которые вырастили высокий урожай кукурузы. Ребята собрали со 146 гектаров по 170 центнеров зерна. О своих успехах они написали Никите Сергеевичу Хрущеву и вскоре получили от него теплое письмо.

Вопрос. Молодежь активно участвует в борьбе с нарушителями общественного порядка. О каких новшествах в работе дружинников рассказывали участники пленума?

Ответ. Нарушителей общественного порядка в городах и селах становится все меньше и меньше. Об этом говорят сами дружинники. Но здесь еще много нерешенных вопросов и порой формализм мешает живому делу.

Вот выступала секретарь Ивановского обкома комсомола товарищ Курбатова. Она говорила:

— Недавно мы пришли к выводу, что кое-где комсомольские организации относились к делу формально, только регистрировали преступления. Сейчас в Иванове комсомольская организация пединститута шефствует над исправительно-трудовой колонией. Студенты и преподаватели часто бывают там, выступают с лекциями, помогают воспитанникам колонии учиться в школе рабочей молодежи. Все это дает свои хорошие результаты. Не так давно обком комсомола направил семерых воспитанников этой трудовой колонии в целинные совхозы. Честно говоря, мы очень волновались. Но опасения оказались напрасными. Валентина Ш. из Акмолинской области написала нам: «Работаю дояркой, работа нравится. Правда, трудновато, но ничего, обойдется! Думаю: как бы создать здесь коммунистическую бригаду. Эх, была бы я комсомолка! Но я непременно ею буду». А ведь это пишет девушка, отбывавшая наказание за воровство!

Дружинники правильно ставили на пленуме вопрос: главное сейчас — предупреждать преступления. Главное — профилактика. Говорили и о том, что брать на поруки — гуманное и необходимое дело. Но беда в том, что это становится в какой-то степени модой. Бывает, берут на поруки просто «по-приятельски», не думая о том, что в данном случае человеку это не поможет. Бывает, берут на поруки и тут же забывают о том, за кого поручились. А случаются и такие курьезы: на одном ленинградском заводе обвиняемый в воровстве сам отказался от поручительства. Тем не менее «добрые люди» все-таки взяли его на поруки...

Мне хочется еще рассказать об интересных начинаниях комсомольцев Севастополя. Они решили превратить этот славный приморский город в город высокопроизводительного труда, образцового порядка и культуры. Их девиз: «Работай так, чтобы рядом с тобой не было отстающих». Их интересует и то, что делает молодежь после работы: «А как ты отдыхаешь? Во дворе у тебя проводятся спортивные игры. А участвуешь ли ты в них? Стала ли твоя улица лучшей?»

Это уже не только лозунги. Комсомолия здесь действует, и действует активно! Ей тут до всего есть дело: ее заботят и витрины магазинов, и порядки в кино, и чистота улиц. Комсомольцы превращают Севастополь в прекрасный город-сад.

Это — хорошее начинание. И очень отрадно, что комсомольцы других городов берут с севастопольцев пример.

ЯМАЛ — КОНЕЦ ЗЕМЛИ

Полуостров Ямал — край пурги и метелей. Суровое Карское море лежит у его северных границ.

С давних пор русские люди в поисках пушнины проникали за Уральский кряж — Полярный Урал, к Карскому морю. В 1595 году в низовьях реки Обь русские землепроходцы заложили Обдорский острог. Ныне это город Салехард — центр Ямало-Ненецкого национального округа.

Наше знакомство с городом Заполярья началось в Салехардском гражданском аэропорту, на ледовом аэродроме на реке Обь. Отсюда воздушный лайнер доставляет пассажира в любой из городов Советского Союза.

На полуострове Ямал нет больше отдаленных медвежьих углов. Жители тундры — оленеводы, рыбаки и охотники — широко пользуются местным воздушным транспортом.

Пока мы беседовали с начальником аэропорта, дежурный пригласил пассажиров на посадку. Жена охотника ханта Мария Кимнина из колхоза «Север», окончив курс лечения в Салехарде, вместе со своими детьми возвращалась домой на санитарном самолете «ЯК-12».

В аэропорту есть станция санитарной авиации: стремительные «ЯКи» в любую минуту готовы доставить врача к побережью Карского моря и в другие районы округа.

Вместе с группой пассажиров, прибывших с Обской губы, из Нового Порта, мы направились в город. После недавней пурги автобус долго нырял по снежным ухабам, добираясь до центра города.

Человека приезжего, прибывшего сюда впервые, удивит количество учебных заведений: музыкальная школа, техникумы, где занимаются представители народов Севера. В Салехардском зооветеринарном техникуме можно встретить ненцев, хантов, манси, саха.

В трехэтажном здании расположилось национальное педагогическое училище. Его питомцы, получив диплом педагога школы-интерната Севера, возвращаются в родные селения.

По соседству с педагогическим училищем — школа-интернат № 4. Здесь хорошо организовано не только обучение, но и отдых ребят. В свободное время дети рисуют и режут по кости, занимаются спортом. Случается, к зданию школы-интерната подкатывает тройка оленей. Это, соскучившись по своему малышу, из тундры приезжают заботливые родители.

Ямало-Ненецкий национальный округ поставляет пушнину. В тундре встречаются не только белый медведь и песец, которые водятся на всем побережье Ледовитого океана, но и росомаха, выдра, куница. Южнее живут соболь, горностай и колонок. По добыче песца Ямал занимает ведущее место в Советском Союзе.

Ближе к весне на оленях и самолетах охотники доставляют на Салехардскую базу «пушное золото», которое пользуется неизменным успехом и спросом на ежегодном международном пушном аукционе в Ленинграде.

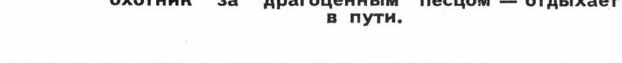

Уроженка Ямала ненка Варвара Лаптандер — студентка техникума, будущий ветеринарный фельдшер.

Фото Вл. МИНКЕВИЧА.

В тундре Полярного Урала. Палладий Чупров — охотник за драгоценным песцом — отдыхает в пути.

В школе-интернате час уборки. Дежурит ученица Таня Салиндер.

Куда только не доставят вас быстроногие ямальские олени!

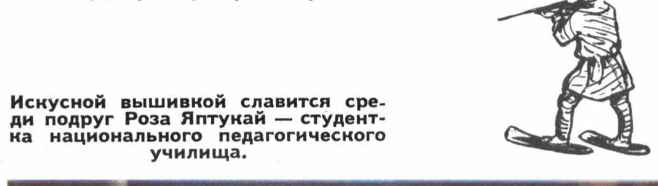

С далекой Камчатки приехала в Салехард, чтобы учиться в зооветеринарном техникуме, Васса Яганова.

Отличные меха сдаются на Салехардскую пушную базу.

Искусной вышивкой славится среди подруг Роза Яптукай — студентка национального педагогического училища.

ВЕЛИКАЯ ДРУЖБА ВЕЛИКИХ НАРОДОВ

14 февраля — знаменательная дата в истории мирового социалистического лагеря. В этот день, десять лет тому назад, был подписан Договор о дружбе, союзе и взаимной помощи между двумя крупнейшими социалистическими державами: Советским Союзом и Китайской Народной Республикой. Этот выдающийся документ нашего времени отразил в себе революционное единство наших народов.

За дружбу с китайским народом стояли лучшие люди старой России еще в прошлом веке: Чернышевский, Герцен, Менделеев; огромное значение союза с китайскими трудящимися подчеркивал не раз В. И. Ленин; великий китайский демократ Сун Ятсен горячо приветствовал победу рабочего класса России в 1917 году над капиталистами и мечтал о едином революционном фронте китайских и советских трудящихся.

Октябрьская социалистическая революция донесла до Китая идеи марксизма-ленинизма. Под знаменем этих идей Коммунистическая партия Китая сплотила народ и добилась разгрома реакционного гоминдановского режима, ставшего марионеткой в руках западных колонизаторов. Образование Китайской Народной Республики в 1949 году было новой великой победой мирового социалистического движения: от капиталистической системы отпала огромная страна, на долю которой приходится четвертая часть населения мира. К этой победе китайский народ, его авангард — коммунисты — пришли с заветной мыслью: построить новое общество, свободное от эксплуататоров.

Сейчас китайский народ строит социализм под руководством славной Коммунистической партии Китая во главе с товарищем Мао Цзэ-дуном, плечом к плечу с советским народом, в единой семье братских социалистических стран. Идейное единство, общая цель составляют нерушимую основу нашей дружбы, дружбы навеки. Советско-китайский договор никому не угрожает, не преследует никаких иных целей, кроме совместной обороны от возможной агрессии со стороны империалистических держав и тесного сотрудничества в развитии экономики и культуры обеих стран.

Могущество этого мирного объединения двух великих социалистических держав знают империалистические агрессоры: оно было проверено событиями прошедших десяти лет. Оно удерживает самых рьяных врагов мира от безумных авантюр. Советско-китайская дружба стала оплотом безопасности народов Азии и Дальнего Востока.

Пышно расцвела за эти годы дружба народов СССР и Китая. Она проявилась в широких экономических связях, в братской, бескорыстной взаимопомощи. Советский народ делится с китайским народом опытом социалистического строительства, помогает китайским друзьям создавать современную промышленность, развивать науку и культуру, готовить национальные кадры специалистов, квалифицированных рабочих для растущей индустрии. Десятки тысяч советских людей побывали в Китае, десятки тысяч китайских граждан посетили СССР, учились и учатся у нас в институтах и на заводах. Наши связи по всем линиям стали тесными и очень полезными.

Быстро меняется облик древнего Китая. Растет индустрия. Построены тысячи крупных заводов и фабрик, с помощью СССР сооружено или создается около 300 предприятий. Выполнив за год до срока задания первой пятилетки (1953—1957 годы), трудящиеся КНР с еще большим подъемом приступили к решению задач второй пятилетки (1958—1962 годы).

В февральские дни в Китае отмечается праздник весны, и крестьяне приступают к посеву летних культур. В нынешнем году этот праздник будет особенно ярким и радостным: он совпадает с десятой годовщиной советско-китайского договора, с опубликованием прекрасных итогов, которые завоевал китайский народ в 1959 году.

Советские люди высоко ценят дружбу с великим народом-братом; они радуются успехам своих китайских друзей и желают им новых больших побед в строительстве социализма.

В. МИХЕЕВ

我的第一個上級

МОЕ ПЕРВОЕ НАЧАЛЬСТВО

Рассказ

МА ФЫН

Рисунки Л. СЫЧЕВА.

Назначение на работу в этот уезд я получил летом прошлого года, вскоре после окончания специального технического училища при провинциальном управлении энергетики и водного хозяйства. Все мы волновались перед распределением, много думали о предстоящей работе, поэтому я чувствовал себя не очень уверенно. Вероятно, такое же чувство испытывает каждый вчерашний студент, впервые вступающий на самостоятельный путь.

К месту будущей службы я выехал засветло на велосипеде и уже к полудню был в уездном центре. Все шло хорошо. Но тут со мной произошел неприятный казус. Я гнал велосипед, нажимая, что говорится, на все педали, как вдруг увидел впереди какого-то чудаковатого старика. Погода в этот день была жаркая — стояли самые знойные дни лета, когда и в майке изнемогаешь от духоты,— а он был в застегнутом на все пуговицы ватнике, таких же стеганых штанах, плотно обтягивавших икры ног, и тяжелой, надвинутой на лоб шляпе. Или он спасался от жары, или, наоборот, хотел таким образом сберечь тепло — кто знает! Он шел посредине улицы, низко опустив голову и заложив руки за спину.

Я предупредительно позвонил, однако старик даже не поднял головы. Шаг его был медлительный, вялый. Лишь в двух—трех метрах от меня он посторонился и уступил дорогу. Но было уже поздно: миг — и я валялся в пыли вместе с прохожим. Усталый, голодный, я готов был избить его.

— Глухой ты, что ли?! — раскричался я, поднимая велосипед.— Ведь звонил тебе!..

Но уже в следующее мгновение я понял, что веду себя, по меньшей мере, бестактно. В конце концов, ведь он уступил мне дорогу, пусть и с некоторым опозданием. И, кроме того, не он сбил меня с ног, а я его,— какая уж там ему радость? Я не сомневался в том, что скандала не миновать. Вопреки моим ожиданиям все обошлось благополучно.

— Ну, чего ты кричишь? — спокойно проговорил он, поднимаясь с земли и подбирая свою шляпу.— Ведь я не браню тебя! Упали мы оба, поэтому давай разойдемся, и дело с концом.

Только теперь я смог разглядеть его более внимательно. Прежде всего он оказался вовсе не таким уж старым: на вид ему можно было дать не более сорока лет. У него было красивое, чисто выбритое лицо, правда, чересчур бледное... Но главное не это. Он в самом деле не сердился!

Окинув меня безразличным взглядом, он отряхнулся от пыли и пошел своей дорогой вразвалку, опустив голову и заложив руки за спину, словно никакого столкновения между нами не произошло. Я так растерялся, что не знал, как себя вести. Только когда он свернул за угол, я наконец опомнился и поехал дальше, думая все время о нем: действительно, чудак человек!..

В орготделе уездного комитета партии меня сразу направили в штаб по борьбе с наводнением, предупредив, что назначение туда временное. Я принял его без слов.

Штаб помещался в одном доме с орготделом и занимал довольно просторное помещение на южной стороне двора. Встретил меня какой-то юноша, примерно одних лет со мной.

— Цинь Юн-чан,— запросто отрекомендовался он.— Можешь называть меня и Лао Цинем и Сяо Цинем — дело твое.— Затем обвел комнату широким жестом и сказал: — Тут у нас все: и канцелярия, и общежитие, и зал заседаний. В общем, единый комплекс!..

Сяо Цинь производил впечатление сметливого, расторопного паренька. Он отнесся ко мне доброжелательно: помог устроить постель, перетащил вещи, затем принес чайник с теплой водой, чтобы я мог умыться с дороги. Пока я умывался, он успел раздобыть где-то половину огромного арбуза... Не прошло и часа, как мы с ним были настоящими друзьями.

О деле Сяо Цинь заговорил после того, как я отдохнул. Штаб по борьбе с наводнением, сообщил он, создан недавно. Его начальником назначен первый секретарь укома, а помощником — заместитель заведующего отде-

лом сельского строительства товарищ Тянь. Все остальные работники занимают свои посты по совместительству, так как одновременно работают в различных уездных учреждениях. Из рассказа Сяо Циня следовало, что единственным человеком, непосредственно занимающимся делами штаба, является он сам, хотя тоже переведен сюда временно из отдела ирригации и водного хозяйства.

— Кто же конкретно руководит штабом? — спросил я.

— Товарищ Тянь, я уже назвал его. Пошли, познакомлю! — ответил он и решительным шагом направился к выходу.

Мне ничего не оставалось, как последовать за ним.

Отдел сельского строительства находился наискосок от здания укома — в обычном, закрытом с улицы дворике с несколькими внутренними пристройками. Кабинет Тяня, одновременно служивший ему и жильем, был на восточной стороне. Когда мы вошли, Тянь что-то писал, склонившись над столом.

— Лао Тянь, тут к нам из оргтодела прислали одного товарища, — обратился к нему мой провожатый.

— А? Хорошо! — буркнул тот, не отрываясь от бумаг.

Он был так увлечен своим занятием, что мне на память невольно пришли крылатые слова: «Без сноровки и писарем не станешь».

— Это товарищ Пэн Цзе, — бесцеремонно продолжал Сяо Цинь. — Он не из наших, учился в специальном училище при управлении энергетики...

Товарищ Тянь поднял голову, и тут мне стало не по себе. Это был тот самый чудаковатый прохожий, которого часа два назад я сбил с ног. Так вот кто будет моим «первым начальством»!.. Можете вы понять мое состояние?

Сяо Цинь держался так, будто здесь он был хозяином. Переставив стул ближе к столу, он пригласил меня сесть, налил из термоса стакан горячей воды, стал наводить порядок. Тем временем товарищ Тянь коротко ввел меня в курс дела. Он посоветовал мне сперва изучить по имеющимся в штабе материалам водные ресурсы уезда, после чего лично познакомиться с положением на местах, объездив несколько наиболее важных деревень. Говорил он тихо, растягивая слова, и таким вялым голосом, словно с утра ничего не ел. Вдруг он спросил меня:

— Постой-ка, что-то мне твое лицо очень знакомо! Где же я видел тебя?.. Нет, конечно, где-то видел!

— Где? — быстро переспросил Сяо Цинь, воспользовавшись паузой, и повернулся ко мне. — Чего же ты молчишь?

Я чувствовал, что краснею от стыда. Как ответить ему? К счастью, в это время к начальнику заглянул с кипой бумаг кто-то из работников отдела, и это меня спасло.

Когда мы вернулись в канцелярию, Сяо Цинь снова пристал ко мне с расспросами, где и когда я мог познакомиться с Лао Тянем. Мне пришлось рассказать все начистоту.

— Подумаешь! — выслушав меня, воскликнул он. — Ничего особенного. К таким пустякам Лао Тянь не придирается. Нашел из-за чего огорчаться!

— Пойми ты меня, — сказал я смущенно, — ведь я действительно был зол на него. Звоню, звоню, а он и не смотрит в мою сторону. Увалень какой-то!

— Звонил! — рассмеялся Сяо Цинь. — Да ты можешь из пушки палить по нему, он и ухом не поведет. Такой уж это человек. Флегматик!.. Послушай-ка, что я расскажу. Как-то ему пришлось заночевать в одной деревне. Ночью поднялся ветер, да такой сильный, что чуть было крышу не снес в доме, где он спал. Проснулся. Высунул голову из-под одеяла. Слушает. А на улице черт знает что творится. Крыша скрипит, вот-вот унесет ее ветром. Другой бы на месте Лао Тяня убежал, пока жив. А ему хоть бы что, даже не поднялся. Посветил карманным фонариком — стропила над головой так и ходят, еще минута — и рухнут на тебя. «Все равно не верю!» — сказал Лао Тянь, повернулся на бок и заснул, как ни в чем не бывало.

История была скорее грустная, чем смешная, поэтому я спросил Сяо Циня, не сочиняет ли он. Однако тот дал мне слово, что такой случай действительно имел место. Позже, когда я перезнакомился с остальными работниками штаба, мне стали известны и не такие чудачества моего начальства.

Я проработал уже около недели, однако все еще не имел случая познакомиться с ним ближе. В канцелярию он заходил всего два или три раза — узнать, как на местах готовятся к возможному разливу рек, и тотчас исчезал. Во мне все больше крепло убеждение, что это действительно какой-то флегматик. Ходил он всегда медленно, вразвалку, с низко опущенной головой и заложенными за спину руками. Говорил вялым, тягучим голосом, никогда не давал прямого ответа на вопрос, двадцать раз переспрашивал, прежде чем что-нибудь сказать, а с ответом тянул, выматывая все жилы. Казалось, ничто не могло ни заинтересовать его, ни взволновать. Я злился, но что было делать, раз уж мне так не повезло с начальством!

Первое время моя главная обязанность заключалась в ознакомлении с общей обстановкой и оказании помощи Сяо Циню, так как паводок все же ожидался. Карту уезда, на которую были нанесены все реки, речки и каналы, я изучил досконально. Не удовлетворившись этим, я прочитал уйму справочной литературы по вопросам водного режима. На территории нашего уезда протекали три реки — все в одном направлении, с запада на восток, держа путь из высокогорного района к равнине. Но какие это были реки! Одно название. Почти на всем своем протяжении они высохли, поэтому причин для серьезных опасений я не видел. Из статистических материалов мне было известно, что за последнее десятилетие эти реки выходили из берегов только один раз, в августе 1954 года. Наводнение тогда действительно было серьезное. Но ведь с тех пор вот уже несколько лет все обстоит нормально! Я полагал, что и в этом году ничего серьезного не произойдет, так как период подъема воды в реках был на исходе и никаких тревожных сигналов ниоткуда не поступало. Кто мог знать, что разбушевавшиеся потоки воды хлынут на нашу равнину так неожиданно! Это произошло ночью, на девятые сутки после моего приезда.

Утро в этот день было ясное, солнечное; в переданном прогнозе погоды ни слова не говорилось о возможном дожде. Лишь к вечеру на западе стали собираться тучи, но такие легкие, что никто не придал им значения. Сяо Цинь завалился спать, как всегда, в десять часов, а я устроился поудобнее возле лампы и стал читать какой-то роман. Вдруг раздался телефонный звонок. Я отложил книгу в сторону и снял трубку. Звонили из Чжанцзягоу. Уполномоченный штаба тревожным голосом сообщил, что на Юнаньхэ начался подъем воды с расходом примерно в сто единиц. Я не на шутку испугался: из материалов, просмотренных мною, трудно было сделать вывод о возможности такого быстрого изменения водного баланса в речушке, в которой даже во время паводка 1954 года расход воды не составлял и семидесяти единиц. Положив трубку, я разбудил Сяо Циня, и мы принялись обзванивать все деревни в пойме Юнаньхэ. Но тут опять зазвонил телефон. При первых же словах я содрогнулся.

— В Аньлэчжуане прорвало! — крикнул я Сяо Циню и побежал сообщить новость Лао Тяню (самого начальника не было, утром его вызвали в окружком на какое-то совещание).

Лао Тянь спал. На столе тускло горела керосиновая лампа.

— Товарищ Тянь! Вставайте же! — затормошил я его. — На Юнаньхэ начался подъем воды. В Аньлэчжуане прорвало дамбу!..

Я не сомневался, что он тотчас отправится вместе со мной в штаб. Но этого не произошло. Он продолжал спокойно лежать на кане, лицо его было бесстрастным.

— Какой расход воды? — равнодушно спросил он.

Я ответил.

— Так-так, — проговорил он и, словно нехотя, спросил, велика ли ширина прорыва.

Мой ответ он выслушал как что-то совершенно обыденное, хотя дамбу прорвало на участке шириной более четырех чжанов, в непосредственной близости от нового шоссе.

— Пустяки, — сказал он, позевывая. — Что ж поделать? Ну, подмочит несколько деревень в низовье.

— Вы что, не расслышали? — срывающимся голосом воскликнул я. — Прорвало дамбу в Аньлэчжуане!

— Ну, прорвало. А что делать? Ведь загородить ее сейчас не загородишь. Пусть течет.

Его спокойствие выводило меня из себя. Вода с каждой минутой прибывает, а ему и дела нет! Какой же это начальник?!

Но в это время вбежал растерянный Сяо Цинь:

— Саньчахэ вышла из берегов!..

Не успел он передать содержание полученной телефонограммы, как Лао Тянь соскочил с кана, да с таким проворством, какого я от него, признаться, не ожидал.

— Расход? — резко спросил он.

Сяо Цинь, волнуясь, ответил, что телефонограмму передал секретарь волостного народного комитета, который сам ничего толком не знает. Единственное, что от него удалось выяснить, — это что вода уже подошла к храму Лун-вана.

— Значит, не меньше девяноста единиц! — уверенно заключил Лао Тянь, накидывая на плечи ватник, и повернулся ко мне: — Немедленно дай знать в Хаймэнь и Тяньцзячжуан, пусть всех выводят на дамбу. Живо!

Мы с Сяо Цинем стремглав бросились назад.

В канцелярии штаба все уже были в сборе: секретарь Хэ, заведующий канцелярией укома Ван, начальник отдела воинских повинностей Ню, многие другие работники; очевидно, Сяо Цинь успел их оповестить. Человек пять столпились вокруг разложенной на столе карты уезда и громко о чем-то спорили. Лица у всех были хмурые, напряженность чувствовалась во всем.

— А Лао Тянь? — в один голос спросили они нас.

— Сейчас будет здесь, — ответил Сяо Цинь. Я бросился к телефону и попросил вызвать Хаймэнь.

В это время вошел Лао Тянь. В одной руке у него была палка, в другой — брезентовый дождевик. Хотя он был одет, как обычно, однако весь его вид изменился. Это был совсем другой человек — подтянутый, сосредоточенный, с одухотворенным лицом и точными, сдержанными движениями. Он вошел твердым

шагом, бросил на кровать дождевик и окинул собравшихся быстрым взглядом.

— Лао Ню! — позвал он.— Немедленно собери всех младших командиров ополчения, пусть ведут своих людей, и иди с ними на южный участок дамбы.

— Есть! — четко отрапортовал тот, словно перед ним был сам командующий, и, круто повернувшись, вышел.

А Лао Тянь уже обзванивал одну деревню за другой.

Все молча ждали, когда он кончит. В комнате был слышен только его голос: «Узел связи? Будешь соединять меня в таком порядке: Дуцунь, Шаньшэ, Гучэн... Понял? Давай!.. Дуцунь? Кто на проводе?.. Говорит Лао Тянь. Хорошо слышишь?.. Приоткройте третий отвод... Что? Как открыли? Постой, постой! А вы не поторопились? Два отвода немедленно заприте... Ну да, ведь канал провели только в прошлом году, разве можно так сразу? Что-нибудь случится?.. Нет-нет, бояться не надо. Ну, затопит часть полей—это не страшно. Основного напора воды следует ожидать во второй половине ночи. Понял? Возле второго отвода выставьте надежную охрану!..» Таким же спокойным тоном он разговаривал и с Шаньшэ и с Гучэном, указав, на каких участках дамбы должна быть выставлена охрана, в какие отводы подачу воды прекратить, какие водосборники заполнять в первую очередь, какие — во вторую... Пока он отдавал распоряжения, я успел разложить перед ним карту уезда, однако он и не взглянул на нее. Можно было удивляться, как запомнил он такое множество каналов, отводов, водосборников и прочих ирригационных сооружений. Он называл их по памяти, словно пересчитывал пальцы на руке, ни разу не ошибившись или перепутав номер.

Кончив говорить по телефону, он вытер взмокший лоб и подозвал заведующего канцелярией укома:

— Слушай, Лао Ван, ты останешься здесь с Сяо Цинем, будете дежурить у телефонов. Ты, товарищ Хэ, и все остальные пока что можете идти спать.— Разыскав в толпе меня, он быстро встал.— Мы с тобой отправляемся в Хаймэнь. Боюсь, как бы там не случилось чего-нибудь на южном участке.

— Что вы, на южном участке все в порядке! — возразил я.— На северном — другое дело: там основание непрочное...

За южный участок я действительно был спокоен, так как всего два дня назад был в Хаймэне и исходил всю дамбу вдоль и поперек.

— А ты не почувствовал ветерка с северо-востока, когда возвращался от меня? — поднял Лао Тянь прищуренный взгляд.

Его вопрос несколько смутил меня. Я тоже обратил внимание на холодный, порывистый ветер, дувший мне в спину на обратном пути, но в суматохе сразу же забыл о нем.

— Лао Тянь, ведь тебе нездоровится, лучше я поеду с ним,— заикнулся было заведующий канцелярией, но тот только махнул рукой.

Я выбежал, на ходу надевая ватник. У ворот нас уже ждал укомовский вездеходик.

— В Хаймэнь! — приказал Лао Тянь водителю.— Скорее!

Шофер дал газ, и вездеходик рванул на полной скорости.

По правде говоря, я действительно не узнавал Лао Тяня. Он был совсем другим. Я и не думал, что он может быть таким решительным, властным, уверенным в себе. Что-то в нем оставалось для меня загадкой. Почему он так равнодушно встретил известие о прорыве аньлэчжуанской дамбы и, наоборот, сразу же всполошился, как только узнал о подъеме воды в Саньчахэ? Ведь там расход составляет всего каких-нибудь девяносто кубометров в час! В чем же дело? Саньчахэ, правда, река своенравная, горя с ней немало, но ведь за последние годы в ее бассейне сооружена целая система водоразделов и отводов, а совсем недавно вырыто еще несколько водосбросов. Теперь в нижнем течении она достаточно широка, чтобы пропустить все двести кубометров. Неужели такая уж угроза — девяносто единиц?.. Лао Тянь предупредил, что во второй половине ночи следует ожидать еще большего подъема воды. Какие у него основания для такого вывода?

Все эти вопросы я и задал ему, пока мы ехали в машине.

— Какой постоянный коэффициент на Юнаньхэ? — спросил он.

— Пятьдесят тысячных,— недоумевая, ответил я.

— А площадь водной поверхности в верхнем течении?

— Около девяти квадратных ли.

Все это мне было хорошо известно. Но...

— Верно,— ответил он, прерывая мои размышления.— Вот тут-то и особенность Юнаньхэ. Крутизна большая, а опасность паводка невелика. Поэтому пусть тебя не смущает быстрый подъем воды. Через четыре часа река войдет в свое русло, а там и вовсе обмелеет. Так что ничего страшного. Поля на восток от шоссе засеяны в основном неколосовыми — кукурузой, гаоляном,— а они и при большом напоре воды не погибнут. Наоборот, стекая в оросительные каналы, вода напоит засушливые участки севернее Аньлэчжуана — что тоже неплохо...

— А вы уверены в том, что во второй половине ночи на Саньчахэ начнется подъем воды? — быстро спросил я.

— Даже не сомневаюсь,— спокойно сказал он.— Девяносто единиц — это ведь только из главного рукава. А южный и северный отводы питаются за счет гор, там воды скапливается много. Чтобы она сошла, нужно по крайней мере часа три. Во второй половине ночи обязательно начнется подъем.— Некоторое время он молчал.— В низовье крутизна падения меньше, на участке от Хаймэня до Шацзячжэня коэффициент совсем незначительный — лишь одна тысячная. Сам посуди: количество воды огромное, а сток замедленный. Опасно это? Еще бы! — Он замолчал, о чем-то задумавшись.

Я тоже ни о чем не расспрашивал его. Вспомнился первый день нашего знакомства. Сяо Цинь назвал Лао Тяня «доморощенным» специалистом-ирригатором. Я подумал, что он просто подшучивает над ним. Как я ошибался! Сяо Цинь говорил правду: мой начальник действительно был знатоком своего дела.

Уездный центр находился примерно в двадцати ли от Хаймэня. Ехать оставалось еще около трех, как вдруг Лао Тянь велел водителю остановить машину.

— Во втором отводе вода уже должна быть, возвращайся-ка ты домой,— сказал он.

Водитель резко затормозил...

Небо было затянуто тучами, лишь кое-где в разрывах между облаками мелькали редкие звезды. Порывистый северо-восточный ветер дул в лицо. Лао Тянь шагал впереди, нащупывая дорогу палкой. Он шел так быстро, что мне приходилось чуть ли не бежать. Вскоре мы были у насыпи второго отвода; как и предполагал Лао Тянь, вода успела подойти уже и сюда. Перейдя канал вброд, мы обошли деревню стороной и направились прямо к южному участку дамбы. Он начинался сразу за гаоляновым полем. В темноте то здесь, то там мелькали многочисленные огни фонарей. Люди бежали по дамбе, ветер доносил до нас их тревожные крики и шум воды. Лао Тянь пошел быстрее. Я бежал, задыхаясь. Когда мы поднялись на дамбу, вода плескалась уже у кромки площадки, на которой в беспорядке были навалены камышовые циновки, бревна, мешки с песком... Суматоха стояла невообразимая. С трудом протиснувшись через толпу, мы выбрались на восточный участок дамбы, затем свернули к видневшемуся невдалеке глинобитному домику командного пункта штаба. Вокруг всюду были навалены груды строительного материала. Маленькая комнатка командного пункта не могла вместить в себя всех желающих. Среди собравшихся я узнал секретаря волостного комитета Чжая, парторгов из Хаймэня и Тяньцзячжуана, нескольких председателей кооперативов. Все сидели насупленные, угрюмые. В комнате было так накурено, что хоть топор вешай. Мы стояли в дверях уже несколько минут, но никто не обращал на нас внимания. В это время с улицы вошла молоденькая девушка с перекинутой через плечо санитарной сумкой и повязкой красного креста на рукаве, по-видимому, врач. Заметив нас, она всплеснула руками:

— Товарищ Тянь, вы?!

Ее возглас всполошил всех.

— Товарищ Тянь!

— Мы знали, что ты придешь!

— Пришел все-таки!..

Хмурое настроение как рукой сняло. Разгладились морщины на насупленных лицах, никто не скрывал своей радости. Чувствовалось, что Лао Тяню здесь верят и надеются на него. Теперь их уже не страшил паводок.

Лао Тянь спросил, сколько людей мобилизовано в аварийные команды, быстро ли прибывает вода.

— Час назад она заполняла только выемку,— вздохнул Чжай.— А теперь гляди, что делается! До отметки дошла!

Лао Тянь задумался.

— Это из северного рукава,— сказал он в наступившей тишине.— Скоро начнется новый подъем, пожалуй, посильнее будет. Надо укрепить дамбу циновками. Несите все, что есть. Время не ждет. Думаю, до утра ветер не стихнет.

Несколько человек бросились выполнять его распоряжение.

Лао Тянь метнул взглядом по лицам оставшихся.

— А почему нет старого Цзяна?

— Да мы все думали, что ничего не случится, поэтому никого за ним не посылали,— как бы оправдываясь, ответил хаймэньский парторг Лао Цзинь.

— Не посылали! — сердито буркнул Лао Тянь.— Пока гром не грянет, бояться нечего, стало быть?

С этими словами он схватил телефонную трубку, но Лао Цзинь предупредил его, что на линии произошел обрыв.

— Тогда вот что,— сказал Лао Тянь, кладя трубку.— Придется тебе самому привести его. Сяо Пэн! — обернулся он ко мне.— Пойдешь с ним. Оттуда позвонишь товарищу Ню и предупредишь его, чтобы немедленно приступил к укреплению дамбы. Особенно пусть следит за участком возле Ванцзяфэня.

Выслушав его приказание, я побежал догонять парторга.

Когда мы поднялись на дамбу, люди уже укладывали на ней циновки. Работа шла ходко. До моего слуха донесся обрывок разговора. «Теперь не страшно, раз Лао Тянь здесь»,— сказал кто-то. «Не страшно? — усмехнулся другой.— Придет он тебе, если нет опасности!» «А у тебя уже душа в пятки ушла? Ведь старого Цзяна еще не позвали, чего дрожишь?..»

Я тихо спросил моего спутника, кто такой этот старый Цзян, имя которого слышу уже второй раз.

— Мастер промоины заделывать,— неохотно ответил он.— В общем, так: когда его зовут,— значит, дело не к добру.— Он вздохнул и минуту спустя добавил: — Если в самом деле прорвет дамбу, затопит тогда наши семь деревень по южному берегу непременно. Как мышиные норы, затопит, поверь мне!..

Нельзя сказать, чтобы от этих слов мне стало легче. Но нужно было как-то успокоить его, и я сказал, что в будущем году угроза наводнений перестанет существовать, так как осенью в бассейне Саньчахэ начнется сооружение новых водосбросов. Я нисколько не преувеличивал: в уезде меня уже познакомили с генеральным планом реконструкции этой реки.

Спустившись с насыпи, мы побежали. В деревне Лао Цзинь отправился разыскивать старого Цзяна, а я зашел в правление кооператива, чтобы позвонить по телефону. Вскоре Лао Цзинь вернулся с каким-то седобородым старичком лет семидесяти, которого представил мне как «мастера Цзяна». Старичок был такой дряхлый, что еле держался на ногах, Лао Цзинь даже поддерживал его под руки. Но когда он сказал, что идет седлать для старика ослика, тот категорически воспротивился.

— Что, у тебя другого дела нет? — набросился он на него.— Иди, куда надо, а я потихоньку дойду сам. Иди, иди! Как бы со второй половины ночи не нагрянула беда!

— Конечно, иди,— сказал я.— Дедушке я помогу.

Мы не спеша направились к дамбе. Первое время шли молча. Вдруг старик остановил меня.

— А как здоровье Лао Тяня? — спросил он.— Все еще хворает? Да-а, долго же он не поправляется!..

— Разве он болен? — сорвалось у меня с языка. Я впервые слышал о том, что Лао Тяню нездоровится.

— Работаешь с ним и не знаешь! У него же в ногах болезнь, у всех на виду. Зимой с кана сойти не мог, так мучался. Как она называется? Суставной ревматизм.

Вот почему Лао Тянь ходит так странно! Теперь мне стало ясно, что заставляет его кутаться даже в самую жару. Я вспомнил, как час тому назад бежал за ним, чтобы не отстать. «Попробуй узнать у человека, болен он или нет! — подумал я.— Как только он терпит такие муки?!»

— Ревматизм у Лао Тяня застарелый, еще с пятьдесят четвертого года,— разговорился старик.— Осень тогда выдалась дождливая, с утра до вечера лило. Паводок начался, какого в этих местах и не помнили. Весь район затопило. Семь суток не вылезал Лао Тянь из воды. В каждой деревне побывал, весь народ поднял на борьбу с наводнением. Ну, а когда вода сошла, вот тогда он и признался, что занемог, ноги у него распухли... Что и говорить, работяга! — сочувственно вздохнул старик.— Весь в отца!

Я молчал, а он продолжал свой рассказ, из которого передо мной постепенно вырисовывался совсем другой образ моего начальника. Семья Лао Тяня жила всего лишь в двух ли от Хаймэня, в деревне Тяньцзячжуан. Отец его до самой смерти дружил со старым Цзяном; оба славились умением заделывать промоины и считались незаменимыми специалистами в этом деле. Прорвет где-нибудь дамбу — тут же зовут их. Давно это было, еще в старое время, когда существовал в уезде «Комитет службы рек». Объявил он повременный сбор взносов на ремонт дамбы. Такую развил бурную деятельность, что куда там! Но, как видно, господа из этого комитета ни о чем другом не думали, кроме сбора денег. Сколько они их собрали, никому не известно, а только дамба все разрушалась и разрушалась. На одну — две промоины никто и внимания не обращал, так как часто бывали дела пострашнее. Промелькнет в газетах сообщение о возможных осадках, и господа из комитета, забыв обо всем, бегут, поджав хвост, куда глаза глядят. Вместе с ними, конечно, исчезали и деньги, которые народ вносил на ремонт дамбы. Волей-неволей приходилось залезать в новые долги...

Лао Тяню было десять лет, когда отец взял его в первый раз с собой заделывать промоину. Мальчик оказался смелым, бесстрашным, а главное, любознательным. Отец и старый Цзян сразу приметили в нем достойную смену. В двадцатилетнем возрасте юношу знала уже вся округа — такой это был парень! После Освобождения его выдвинули на работу инспектора по ирригации. Взялся он за дело с жаром. Всюду поднимал народ на большие дела, разъяснял важность ирригационного строительства, сам руководил работами по расчистке рек, по рытью отводов. Вскоре он был послан на специальные курсы, где приобрел необходимые знания, и теперь принимает самое деятельное участие в планировании всех ирригационных сооружений, затеваемых в уезде...

Незаметно мы подошли к южному участку дамбы. Я стал помогать старому Цзяну взбираться наверх, но вдруг он замахал руками и потребовал вести его кружным путем, через кукурузное поле. В ответ на мой недоуменный вопрос он рассмеялся:

— Если на дамбе увидят меня, переполох будет. Еще вообразят невесть что!..

В опустевшей комнатке командного пункта за столом сидели только Лао Тянь и девушка-врач. Говорил один он:

— Прошу тебя, Гуй-лань, побудь здесь, у телефона. Зачем тебе идти на дамбу? Но, смотри, не вздумай бежать, если даже небо обрушится!..

По-видимому, связь уже была восстановлена.

Он обернулся на скрип двери и увидел нас.

— Вот и хорошо! — обрадованно сказал он, здороваясь со стариком.— Не устал?

— Как на дамбе? — вместо ответа спросил тот.— Выстоим?

Лао Тянь нахмурился.

— Ветер сильный, не нравится мне это... Вот что, дядя, забирайся-ка ты на кан, благо его протопили, и поспи. Когда понадобишься, позовем. А мне нужно на восточный участок...

Вода в реке значительно поднялась за то время, что я отсутствовал. Правда, до кромки дамбы оставалось еще около метра, но огромные волны, подгоняемые ветром, обрушивались на нее с такой яростью, что становилось страшно: выдержит ли она? Откатываясь назад, волны словно набирали силу и снова шли на штурм. Если бы не слой циновок, вряд ли дамба могла выдержать этот бешеный натиск. Мы прошли не так уж далеко, но уже успели промокнуть до нитки. Вдруг впереди раздался могучий всплеск, и сразу же призывно загремел гонг.

Никаких сомнений не было: дамбу прорвало!

Не ожидая приказаний Лао Тяня, я побежал назад, за стариком. Навстречу уже бежали люди из аварийной команды, размахивая лопатами, подгоняя друг друга громкими криками. Гонг гремел все настойчивей...

Возле командного пункта меня уже ждал старый Цзян.

— Где прорвало? — тревожно спросил он.— Где?

Я махнул рукой на восток и подбежал к нему. Но старик отказался от помощи и широким шагом пошел в ту сторону, где мелькали огни. Я даже ахнул: откуда у него взялась такая прыть?

На дамбе от многочисленных фонарей было светло, как днем. В сплошном крике ничего нельзя было разобрать. На небольшом клочке земли образовалась давка. Как только в толпе узнали старого Цзяна, все расступились, чтобы дать ему дорогу. Мы подошли к краю дамбы. Я не представлял себе всей серьезности момента, пока не увидел своими глазами, что произошло. Дамбу прорвало в двух местах, обе промоины были шириной не менее двух чжанов. Потоки вспененной воды с ревом перекатывались через край, размывая грунт. Никогда еще мне не приходилось видеть волн такой силы. Растерянный, я стоял рядом со старым Цзяном и не знал, что предпринять.

Из оцепенения меня вывел голос начальника. Лао Тянь стоял спиной ко мне, я не мог видеть выражения его лица, но он так уверенно подавал команды, так спокойно руководил заделкой промоины, что его спокойствие передалось и мне.

Мутные волны с неудержимой силой устремлялись в образовавшуюся промоину. Сколько бы мешков ни кидали в эту прорву, их сразу же относило течением вниз. Дамбу продолжало размывать, брешь с каждой секундой расширялась. На другой стороне спасательными работами руководили секретарь волостного комитета Чжай и Лао Цзинь. Мешки с песком исчезали один за другим в ревущей пучине, но пользы от этого было мало.

Старик молча стоял у обрыва, наблюдая за силой воды. Чего он медлит? Ведь сейчас дорога каждая минута!

— Стой! — вдруг закричал он хриплым голосом.— Стой!

Лао Тянь быстро обернулся на крик.

— Это ты мне? — сложив ладони рупором, закричал он.— Что делать? Не попытаться ли выставить заслон из свай?

— Попробуем. Но сперва надо обеспечить безопасность. Тут все равно что на плаху идти.

— Тогда распоряжайся ты, а я займусь другим делом,— согласился с ним Лао Тянь и подозвал меня.— Беги звонить в уезд. Скажешь, что у нас тут аврал, но особенно не пугай. Брешь мы сумеем заделать. Обязательно заделаем!

Расталкивая толпу, я побежал на КП. В моих ушах все время звучал уверенный голос начальника: «Брешь будет заделана, будет!»

Когда я вернулся, на дамбе уже царил порядок. Люди стояли в два ряда, передавая из рук в руки сваи, циновки, мешки с песком. Обойдя дамбу низом, чтобы не мешать работающим, я увидел перед промоиной пять свай; две из них были забиты, аварийная команда, руководимая старым Цзяном, заколачивала в илистое дно третью. Старик, насупленный, отрывистым голосом подавал команды, а Лао Тянь торопил людей скорее передавать мешки. Тяжелые мешки с песком грузно шлепались в воду. Вот над водой показался первый мешок. Правда, его тут же захлестнуло волной, но все почувствовали, что дело пошло на лад. Успех окрылил и аварийную команду, работавшую на той стороне промоины. Глухие удары деревянной «бабы», которой заколачивали сваи, шум воды, ветра, отрывистые команды — все слилось в один гул, грозный и напряженный.

Восстановление дамбы успешно продолжалось. К трем часам ночи промоина сузилась до одного чжана. Еще несколько минут — и она будет окончательно заделана. Но тут на дамбу хлынул такой водяной вал, что заградительный барьер из свай и мешков с песком был снесен им, словно пушинка. Удар следовал за ударом. Следующей волной с дамбы смыло вцепившихся в уцелевшую сваю парней из аварийной команды, а заодно с ними и старого Цзяна. К счастью, все они были привязаны к канату, поэтому волны не смогли унести их далеко.

Вытащенный на берег старик, весь мокрый, посеревший, облепленный илом, дрожал от холода.

— Беда! — тяжело отдуваясь, проговорил он.— Не знаю, что теперь придумать. Не завалить нам промоины!

Толпа зашумела.

— Лао Тянь! — взмолился старик, словно ища поддержки.— Пока не поздно, вели людям возвращаться назад. Еще есть время спасти вторую дамбу! Не сделаем этого — снесет нашу деревню, вот увидишь, снесет!

В толпе послышался глухой ропот. Кто-то крикнул:

— Все слышали, что сказал мастер Цзян?

Несколько человек повернулись с явным намерением бежать.

— Ни с места! — раздался властный голос Лао Тяня.— Пусть хоть кто-нибудь сделает один шаг! — Выражение его лица было безжалостным, глаза горели гневом. Дрогнувшая на миг толпа в испуге шарахнулась назад. Угроза начальника была встречена гробовым молчанием. Лао Тянь, словно тигр, готовящийся к прыжку, впился взглядом в старого Цзяна.— Надо завалить, слышишь?! Чего бы это нам ни стоило, завалить надо! Если еще раз скажешь подобный вздор, я первый сброшу тебя вниз. Посмей только сеять смуту, паникер!.. Ну, чего стоишь, беги!..

Старик так оробел, что лишился дара речи. Несколько минут он молчал, наконец бессильно опустился на корточки и закрыл лицо руками. А Лао Тянь уже отдавал распоряжения работавшим на другом конце промоины:

— Собирай людей, Лао Чжай! Придется самим лезть!

Через минуту оттуда послышался громкий голос из рупора:

— Коммунисты и комсомольцы! Все, кто умеет плавать, ко мне!.. Приготовиться!..

Приказав столпившимся на дамбе нести новые мешки с песком и сваи, Лао Тянь стал торопливо рыться в карманах кителя. Я понял, что он тоже собирается лезть в воду.

— Товарищ Тянь! — испуганно воскликнул я.— У вас же ревматизм, вам нельзя!

Он удивленно вытаращил глаза, ни слова не говоря, сунул мне свой блокнот, авторучку и повернулся к толпе.

— Умеющие плавать, за мной!

В толпе растерянно закричали:

— Товарищи, что же это такое?!

— Лао Тянь!

— А чего мы стоим, как чурбаны?!

Шестеро молодых парней выбежали вперед и встали рядом с Лао Тянем. К ним присоединилось еще несколько человек, затем еще несколько. Люди сплелись за руки и стеной пошли к воде. Первым в воду вошел Лао Тянь, сразу же погрузившись до пояса. Еще шаг — и вода была людям уже по грудь. Лао Тянь вел их за собой, упорно преодолевая силу течения. Мутный поток швырял смельчаков то в одну, то в другую сторону, однако они не обращали на него никакого внимания и продолжали двигаться вперед. Навстречу им двигалась другая цепочка людей, которых вел Чжай. Вот-вот обе цепочки должны были соединиться и перегородить промоину. Но разъяренные волны не унимались. Трижды пытался Лао Тянь ухватиться за протянутую ему руку, и трижды водяной вал сбивал его с ног, отбрасывая назад. На дамбе, затаив дыхание, следили за единоборством человека со стихией, но ничем не могли помочь. Вдруг старый Цзян, понуро сидевший на корточках у самой воды, вскочил на ноги и закричал толпе:

— Скорее же! Несите телеграфный столб!

Столб тотчас был принесен, и старик показал, как надо перебросить его через промоину.

— Хватайтесь скорей за него, ребята! — скомандовал он.— Только не выпускайте из рук, не то унесет!..

Лао Тянь с благодарностью взглянул на старика. Держась за столб, смельчаки смогли наконец сойтись и взяться за руки. Они выстроились плотно сомкнутым рядом, не давая столбу сдвинуться с места. На дамбе громкими криками приветствовали победу. В воду один за другим бросились новые смельчаки, и вскоре поперек промоины стояла живая, непробиваемая стена.

Волей людей поток был остановлен. Но волны не хотели сдаваться. Шипя и пенясь, они стучались в эту стену, пытаясь взломать ее, убрать со своего пути. Гигантские водяные валы, один яростнее другого, обрушивались на головы смельчаков. Люди то исчезали под водой, то снова появлялись, и волны, бессильные что-либо сделать, откатывались назад. Пользуясь минутной передышкой, люди сплевывали забивавшую рот тину, набирали полную грудь воздуха, чтобы быть готовыми встретить новый удар.

На дамбе работы уже велись полным ходом. Старик командовал забивкой свай, остальные подносили мешки с песком. Мы передавали их из рук в руки с такой быстротой, что у меня не было времени взглянуть, как себя чувствует Лао Тянь. Ветер продолжал гнать по реке волны, но теперь они наталкивались на такую преграду, которую не могли одолеть. Время отсчитывало минуту за минутой. С каждой новой сваей, вбитой в илистый грунт, рос защитный барьер. Работавшие на заделке промоины уже не успевали принимать от нас мешки с песком. Брешь постепенно суживалась, мешки прочно ложились на грунт.

Был тот предрассветный час, когда на небе становится особенно темно. Ветер не стихал, больше того — он принес с собой похолодание. Я стоял на берегу, зябко кутаясь в ватник, и со страхом думал о том, как себя чувствуют наши смельчаки. Они все еще стояли сомкнутым строем в воде и, стиснув зубы, сдерживали ее бешеный натиск. Они молчали. И лишь временами до нас доносился хриплый, простуженный голос Лао Тяня:

— Держитесь, товарищи! Мы должны выстоять! Наша... наша победа!

Он, казалось, вдохновлял не только людей, связанных с ним одной целью, но и самого себя.

К рассвету промоина была окончательно заделана. Паводковые воды, побежденные, стремительно катились по руслу реки, огражденному с обеих сторон дамбами. Наступил момент, которого все ждали.

— Укрощен дракон! — радостно крикнул старик.

Эти слова встретили восторженной овацией. Все закричали, запрыгали, замахали руками. На дамбу, опережая один другого, стали вылезать из воды наши товарищи, до того залепленные илом, что их никто не узнавал. Они дрожали от холода, их зубы отбивали барабанную дробь, и все же все они улыбались, простодушно, может быть, даже глупо, но улыбались во весь рот. Вокруг уже пылали костры, чтобы они могли отогреться и обсохнуть. Вдруг я заметил, что на реке кто-то еще есть. Присмотревшись, я узнал в нем Лао Тяня. Глаза его были закрыты, зубы стиснуты, руки обнимали телеграфный столб. Очевидно, подняться он уже не имел сил.

— Спасите! — закричал я, бросаясь к нему.— Лао Тянь!

За мной уже бежали секретарь Чжай, мой старик, еще кто-то... Общими усилиями мы вытащили Лао Тяня на дамбу и положили около костра. Он был без сознания... Встревоженные, мы отнесли его в домик КП, где Чжай стал вызывать по телефону уком. Он оторвался от телефона только для того, чтобы передать распоряжение приготовить носилки. Тем временем мы осторожно раздели Лао Тяня, вытерли сухими полотенцами. Старый Цзян накинул на него свой халат, я обернул ему ноги своим ватником. По лицу старика текли слезы. В низенькую дверь с улицы стали передавать куртки, сухие рубахи, теплую одежду. Я вышел предупредить, что уже ничего не нужно, но меня сразу обступили со всех сторон и засыпали вопросами.

Когда я вернулся, Гуй-лань уже успела сделать Лао Тяню укол и теперь растирала ноги скипидаром. Колени у него не разгибались, они распухли, посинели, обе голени покрылись густой сеткой расширенных вен.

Прошло не меньше получаса. Жизнь медленно возвращалась к Лао Тяню. Он глубоко вздохнул всей грудью.

— Держитесь, товарищи! — чуть слышно прошептал он.— Мы должны выстоять!.. Выстоим!..

Старик наклонился над ним и стал звать. Лао Тянь молчал. Но вот веки его задергались, он открыл глаза и узнал старика.

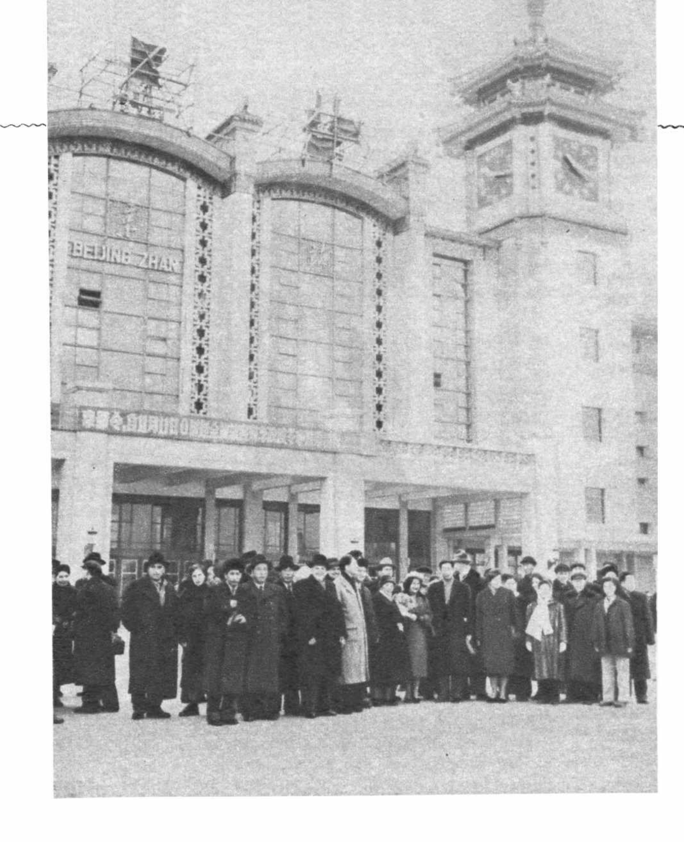
— Это ты, дядя?— спросил он, с трудом разжав зубы.— Выругал я тебя. Мне...

— Да что ты, мальчик мой! Не смей говорить этого! Ты правильно поступил, так мне и надо, старому!..

В домик внесли связанные наспех носилки и доставленные кем-то из деревни одеяла. Мы осторожно переложили Лао Тяня, закутали. Два рослых парня подхватили носилки и направились прямо к дамбе. Из-за пригорка поднялось солнце. Ветра не было. Река спокойно текла по равнине. Вдоль дороги на всем ее протяжении молча стояли жители окрестных деревень, которые уже знали, что случилось, и вышли проводить Лао Тяня. Возле второго рукава канала нас уже ждал укомовский вездеходик...

Спустя два месяца Лао Тянь вышел из больницы. Как и в первый раз, я встретил его на улице. Казалось, он нисколько не изменился за это время. Шел он все так же медленно, опустив голову и заложив руки за спину, хорошо знакомой мне качающейся походкой. Но движения его стали более осторожными — это я заметил сразу,— да и сутулился он тоже больше прежнего. Я издали наблюдал за ним, а в душе у меня поднималось какое-то щемящее чувство. Ведь это был не тот странный чудак, над которым когда-то я не прочь был посмеяться, а мое первое начальство — простой человек из народа, рядовой работник партии, наконец, просто хороший товарищ, пользующийся у людей заслуженным уважением.

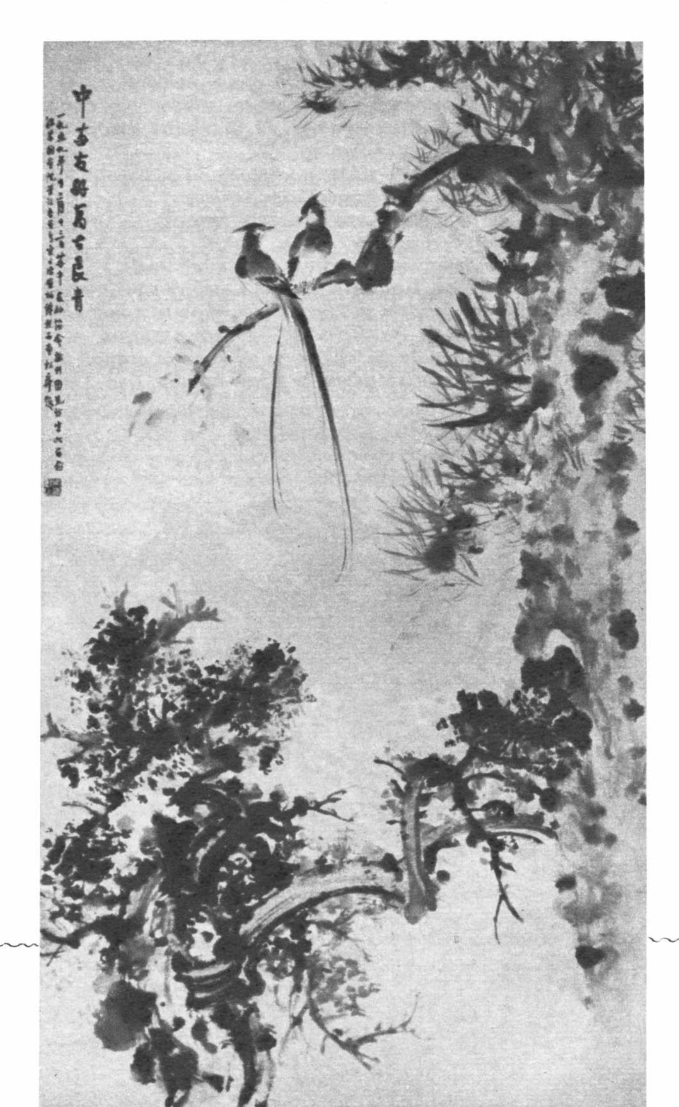
Перевел с китайского Агей ГАТОВ.

Группа активистов Общества советско-китайской дружбы на вокзале в Пекине.

ДЕСЯТЬ ПАМЯТНЫХ ДНЕЙ

Картина китайских художников Фу Бао-ши, Е Цзюй-у и Сун Вэнь-чжи.

Нас было 29 человек — ученые, писатели, руководители крупных колхозов-миллионеров, врачи, искусствоведы... В состав нашей группы Общества советско-китайской дружбы входили москвичи, ленинградцы, минчане, новосибирцы, ташкентцы, алмаатинцы. Несколько человек ранее длительно работали в Китайской Народной Республике, но все переживали радостное волнение, вступив на землю братского Китая.

Столица Китайской Народной Республики встретила нас ярким, солнечным днем. И первое наше соприкосновение с китайскими друзьями еще ярче озарило нас теплотой улыбок и исключительной сердечностью.

Мы побывали в Гуанчжоу, в Ханчжоу, Шанхае, Нанкине. Недалеко от Шанхая, в промышленном районе Минхан, мы познакомились с одним из строящихся городов-спутников. Там же, на электромеханическом заводе, мы видели выстроившиеся в ряд советские станки-великаны, являющие собой как бы свидетельство нерушимой дружбы двух великих народов — Советского Союза и Китайской Народной Республики.

Мы услышали от секретаря партийного комитета завода товарища Чжэн Чжуна яркий рассказ о роли Советского Союза, о его помощи в оснащении завода самой новейшей техникой. В настоящее время завод производит турбогенераторы мощностью в 100 тысяч киловатт, по качеству превосходящие английские и американские.

Теплые, непринужденные встречи были у нас и с крестьянами недалеко от Гуанчжоу и под Шанхаем. Они с гордостью рассказывали о своих первых успехах в организации крупных коллективных хозяйств.

Надолго запомнятся посещения университетов в Пекине, Гуанчжоу, Шанхае и в Нанкине. Встреча со студентами Нанкинского университета вылилась в массовую демонстрацию китайско-советской дружбы. Более тысячи студентов окружили нас у автобуса. Стихийно возник митинг, зазвучала многоголосая песня «Москва — Пекин».
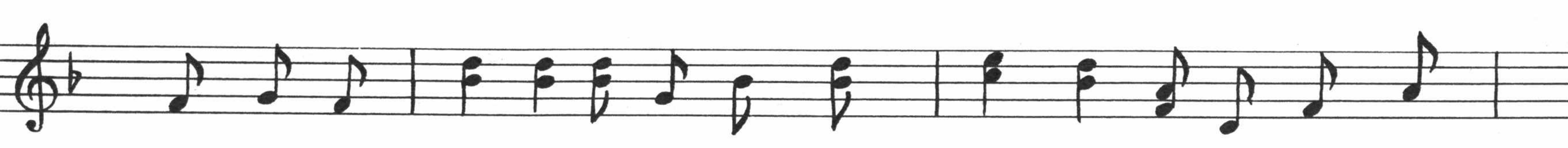
В Пекине, Гуанчжоу, Шанхае и Нанкине на вечерах дружбы мы встречались с людьми науки, культуры и искусства. Быстро находили общий язык люди одной профессии, завязывались новые знакомства, которые, мы уверены, будут сохранены на всю жизнь.

Наши товарищи из Сибирского отделения Академии наук СССР были благодарны Китайско-Советскому обществу дружбы и китайскому «Интуристу» за возможность встретиться с работниками Академии наук КНР. Искусствоведы из состава нашей группы были воодушевлены встречами с видными художниками. Врачей радушно приняли в Институте народной медицины. Многие товарищи побывали в Институте национальных меньшинств, а историки посетили ряд памятных мест: остров Хуанпу, недалеко от Гуанчжоу, и домик в Шанхае, где заседал исторический первый съезд Коммунистической партии Китая.
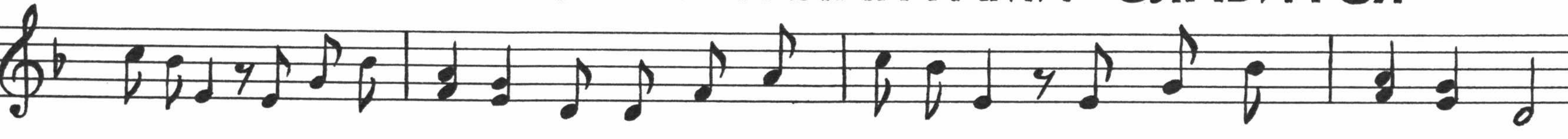
Мы увезли на родину ценный дар — картину. Эту картину в присутствии наших товарищей написали в Нанкине директор Института китайской живописи известный художник Фу Бао-ши вместе с художниками Е Цзюй-у и Сун Вэнь-чжи.

Вернувшись в Пекин после поездки по стране, мы узнали, что наши китайские друзья из Института международных отношений в сотрудничестве с Народным университетом за семь дней перевели на китайский язык учебное пособие «Новейшая история», часть II (1939—1959 годы). Эту книгу мы привезли с собой из Москвы, и вот все 42 печатных листа были уже готовы к изданию на китайском языке.

А. ДУБИНСКИЙ

ЗЕМЛЯ РЯЗАНСКАЯ ТАЛАНТАМИ СЛАВИТСЯ

Л. КАФАНОВА

Фото О. КНОРРИНГА.

— Приехали! Приехали! — закричали караулившие на горке мальчишки, издали завидев автобус, и, размахивая сорванными с головы ушанками, кинулись распространять эту новость по колхозу.

И не успел автобус подъехать к клубу, как все свободное от дел население колхоза «Россия», Рыбновского района, Рязанской области, вышло навстречу гостям.

Широко прославилась в этом году Рязанская земля. О «чуде в Рязани» написали почти все газеты мира. Многие приезжали сюда посмотреть на тех, кто сотворил это «чудо». Сегодня в гости к славным рязанцам приехали с творческим отчетом известные московские композиторы Анатолий Новиков, Серафим Туликов, Александра Пахмутова.

Зрительный зал клуба переполнен. Первые ряды, как обычно, заняли ребятишки. А за ними сидят доярки, свинарки, птичницы, трактористы, комбайнеры.

Анатолий Григорьевич Новиков сообщил колхозникам приятную новость: Оргкомитет Союза композиторов РСФСР принял решение взять шефство над колхозом «Россия». Композиторы будут приезжать в колхоз, знакомить колхозников со своими новыми сочинениями, помогать кружкам самодеятельности.

Композиторы и артисты осмотрели богатое колхозное хозяйство. Побывали они и на свиноводческой ферме. Заведующая фермой Нина Ивановна Печенкина за большие трудовые успехи получила высокую награду — орден Ленина.

Анатолий Григорьевич Новиков написал новую песню — «Земля Рязанская», песню о своих земляках,— и впервые исполнил ее здесь, в колхозном клубе. Песню записали на магнитофон.

Дочка колхозников Котягиных Галя учится в сельской музыкальной школе не первый год, но сегодня девочка волнуется, как будто села за рояль впервые: ведь ее слушает композитор Александра Пахмутова!

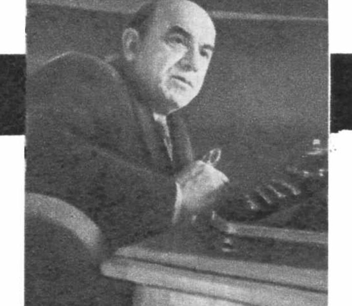

Колхоз «Россия» гордится не только высокими надоями и богатыми урожаями. Хор колхоза — лауреат VI Всемирного фестиваля молодежи. Колхозным вокалистам есть о чем поговорить с певицей Галиной Зенковой и композитором Серафимом Туликовым, песню которого «Ленин всегда живой» они исполняют.

Когда наш фотокорреспондент приготовился снимать участниц хора, к нему подошли колхозники.

— Уж вы, пожалуйста, не снимайте наших девушек,— улыбаясь, попросили они.— А то поместили в «Огоньке» фотографию нашей доярки, солистки хора Нины Мордасовой. Ее увидел слесарь с Камчатки Алексей Трофимов, влюбился, стал переписываться. Недавно приехал, женился на Нине и теперь собирается увезти ее из колхоза.

— Мы, конечно, не против, чтобы на наших девчатах женились парни со всего Советского Союза,— смеется колхозник Николай Васильевич Бобров.— Только, чур, уговор! Девчат не увозить! Пускай женихи сами переезжают в наш колхоз!..

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Всю жизнь я пишу биографию своего современника. Написал ли я ее? Нет, конечно. Мой современник, хороший, советский человек, творец и созидатель новой жизни, такими шагами идет вперед, так красиво растет на моих глазах, что закончить его биографию мне и трудно и, пожалуй, еще не очень хочется. Значит, задуманное еще не сделано.

Сделано — это когда писатель ставит точку и пожимает руку своему герою: прощай, мол! Я сыт тобой по горло! А он не отходит от меня, все кочует из рассказа в роман, оттуда — снова в рассказы, очерки, киносценарии. Сейчас он посматривает на меня с последних страниц второй части «Волшебного камня». Но на этот раз я, кажется, немного перехитрю его.

Почему немного? Потому что далеко от него уйти не удастся, всего лет на 50 назад, в маленькую, глухую горную деревушку, в которую когда-то хищники-подрядчики провели дорогу, чтоб вывезти ценные породы леса. Вместе с дорогой пришли в деревушку все беды старого мира, и жители деревни снялись с места, ушли еще выше, в бездорожье. Нужен был Великий Октябрь, чтобы эти люди, отцы моих современников, спустились с гор в солнечные долины Грузии.

Недавно я рассказал об этом очень подробно, как будто все уже написано. Было это неожиданным для самого себя, на встрече с комсомольскими работниками. Они спросили меня, над чем работаю, и я рассказал.

А думал я об этом много лет, делал заготовки.

Судьба такой горной деревни — судьба Грузии. Герои — духовные отцы моего современника, мои отцы. Я постоянно их чувствовал где-то за спиной. А теперь, когда обнародовал свои планы, назад пути нет. Надо писать. Надо идти в ногу с современником, ибо, как утверждает народная мудрость, дорогу осилит идущий. Так я и решил назвать свою новую повесть.

Конст. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

Индонезийские пантуны

Излюбленной формой индонезийской народной поэзии является пáнтун — четырехстрочная, иногда шестистрочная лирическая песенка, снабженная перекрестной рифмой. Как правило, пантун делится на две равные части. Основной смысл песенки заключен в ее последних строках; первые же две лишь подготавливают слушателей к его восприятию. В этом отношении пантуны очень напоминают наши частушки.

Советскому читателю индонезийские пантуны пока мало известны. Скоро он сможет познакомиться с ними в русском переводе: Издательство восточной литературы готовит сейчас сборник малайских (индонезийских) народных песен, основную часть которого составляют пантуны. Приведенные ниже пантуны взяты из этой книги. Переводы выполнены по сборнику профессора Г. Невермана (ГДР).

Знакомясь с индонезийскими песнями, следует иметь в виду, что в них, как и во всякой народной поэзии, имеется своя символика. Мотылек может обозначать не только бабочку, но и юношу, шмель — влюбленного, гранат или бутон цветка — девушку, куст базилика символизирует любовь... Нельзя, например, правильно понять приведенный здесь пантун о кембодже, если не знать, что цветами этого растения убирают могилы, а цветы жасмина обычно служат украшением на праздниствах, особенно на свадьбах.

Вьются мотыльки, трепещут
над волнáми,
Много·их, упавших,
рыбе-меч досталось...
О любви еще твержу,
твержу губами,
А в душе ее ни капли
не осталось.

Лошадь пала, — но зреют
орехи,
Берега зеленеют речные.
Умер друг, — но печаль
не навеки:
Будут в жизни друзья
другие!

Малаец свой платок
расстилает
И ловит в него гранат
кровавый.
Пеструю шкуру тигр
оставляет,
А человек — добрую славу.

(Перевод А. Жовтиса.)

Вырос в поле маленький
базилик.
Слон пришел — и растоптал
побеги.
Только мы друг друга
полюбили,
Бог пришел — и разлучил
навеки.

Ты не ищи мне цветов
кембоджи,
Лучше жасмин с тобою
поищем.
Ты не жди меня в царстве
божьем,
Лучше сегодня за старым
кладбищем.

Тыквы и дыни вкусны
на редкость,
Но сладкий гранат
предпочту сорвать я.
Сладок сон под москитной
сеткой,
Но много слаще у милой
в объятьях.

(Перевод Г. Пермякова.)

Боевая юность Аркадия Гайдара

«Городок наш Арзамас был тихий, весь в садах, огороженных ветхими заборами. В тех садах росло великое множество «родительской вишни», яблок-скороспелок, терновника и красных пионов...

Город был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители. Много у нас в городе было чудотворных святых икон, но чудес в самом Арзамасе происходило почему-то мало...»

Так начинается известная повесть Аркадия Гайдара (Голикова) «Школа». Примерно две трети повести посвящены Арзамасу. В этом городе прошли детские и юношеские годы замечательного советского писателя-коммуниста. Арзамас Аркадий Гайдар называл своей второй родиной (родился он во Льгове, Курской губернии).

В Арзамасе, еще мальчиком, будущий писатель встретился с большевиками и выполнял их боевые поручения. В октябре 1917 года тринадцатилетнему мальчугану выдали винтовку, и он вместе с красногвардейцами защищал революцию от врагов.

Недавно в партийном архиве Горьковского обкома КПСС обнаружены интересные документы.

Найден «Анкетный лист коммуниста городской организации Арзамасского уезда Аркадия Голикова», лично заполненный им 24 декабря 1918 года. Гайдар записал в анкете, что ему шестнадцать лет, прибавив себе два года, чтобы получить право вступить в партию и в Красную Армию.

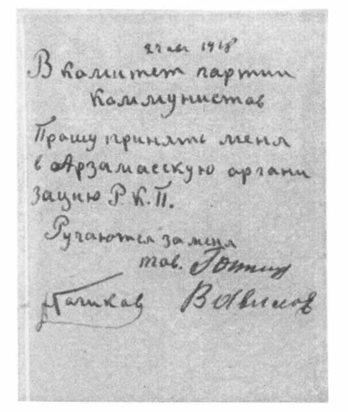
Анкета рассказывает о начале трудового пути Аркадия Голикова: в июле — августе 1918 года он секретарь большевистской газеты «Молот», органа Арзамасской организации РКП(б) и Арзамасского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, а в сентябре — делопроизводитель комитета партии.

Сохранилось заявление Гайдара от 27 августа 1918 года:

«В комитет партии коммунистов.

Прошу принять меня в Арзамасскую организацию РКП.

Ручаются за меня
тов. Гоппиус
Вавилов.
А. Голиков».

27 авг 1918

В комитет партии
Коммунистов

Прошу принять меня
в Арзамасскую органи
зацию Р.К.П.

Ручаются за меня
тов. Гоппиус
Голиков Вавилов

Среди документов 1918 года найдена одна из расписок Аркадия Голикова о получении денег от Костянского волостного Совета за газету «Молот». Гайдару приходилось заниматься не только секретарскими делами: газета выходила небольшим тиражом, и работники редакции стремились, чтобы все экземпляры доходили до рабочих и крестьян. Расписка Гайдара как раз и свидетельствует о том, что он принимал активное участие в распространении большевистской газеты.

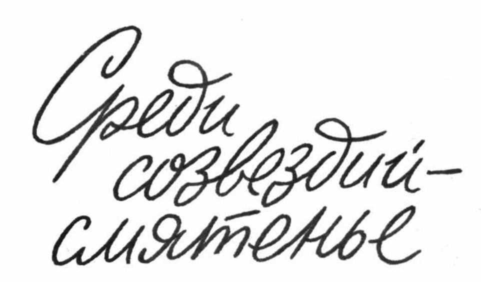
По заданию комитета партии он организует коммунистические ячейки в уезде. В архиве имеется протокол первого собрания коммунистов села Старо-Иванцово 16 ноября 1918 года. Секретарем собрания был Аркадий Голиков. Вот резолюция, подписанная и отредактированная Гайдаром: «Мы, граждане с. Старо-Иванцово, выслушав доклад тов. Коляда о задачах и тактике коммунистической партии, заявляем, что по первому зову пойдем на защиту трудящихся и организуем в с. Старо-Иванцово ячейку организации коммунистов».

Вскоре Гайдара приняли в ряды Красной Армии, и он уехал из Арзамаса.

В. МАЛЮГИН,
В. КАЗАКОВ

Дом в Арзамасе, где жил Аркадий Гайдар.

Валдис ЛУКС

Среди созвездий — смятенье.
Нахмурился Водолей:
— Что там за фокусы?
Натриевый туман
клубится пара белей!

Среди созвездий — смятенье.
Смотрит Орел взглядом острым:
— Кого там несет в тумане?
Скажите,
звездочки-сестры!

А те
с любопытством ребят,
моргая глазами зелеными,
вниз глядят:
— Где?
Там?
Не человек ли к нам?

А радиоволны
несутся в космической дали.
— Видали,—
кричат,—
видали,
как светел сегодня на солнце
лунный серп?
Около моря Спокойствия,
около моря Ясности
сверкает советский герб!

Перевел с латышского
Вл. НЕВСКИЙ.

ПО МАСТЕРСКИМ ХУДОЖНИКОВ

Л. С. Щипачев. Жена приехала.

К. Д. Китайка. Последний барьер.

Р. Г. Максютов. Новый Подольск, улица Ленина.

М. А. Кузнецов-Волжский. Русские кружева.

ПО СЛЕДАМ ХОДОКА

Павел **ПОДЛЯШУК**

Фото Б. Кузьмина.

Морозным утром

Ребята очень озябли. Они дуют на свои покрасневшие, все в цыпках руки, притопывают валенками. Заказав восемь стаканов чаю «с двойным сахаром», присаживаются к моему столу и неторопливо, с видимым удовольствием прихлебывают горячую влагу.

Происходит это воскресным морозным утром в чайной города Старицы, районного центра Калининской области. Скоро обветренные ребячьи лица становятся пунцовыми, почти равняясь с пионерскими галстуками, аккуратно повязанными на их курточках. «Оттаяв», мои соседи охотно рассказывают о себе.

Толя Уткин, Витя Потапов — ученики пятого класса. Из деревни Малые Лединки, из колхоза имени Кирова. От города десять километров ехали на попутных санях, а обратно добежим пешочком, не первый раз... Зачем приехали? В Дом пионеров, учиться играть на горне. Именно их, Толю и Витю, облекли доверием, отобрали из всей школы.

Разговор коснулся будущего.

Для коренастого крепыша, широколицего, кареглазого Вити Потапова вопрос: «Кем быть?» — решен бесповоротно:

— Конечно, шофером.

Толя Уткин, русый, худенький паренек, до недавней поры определенно шел в матросы. Но, по правде говоря, теперь как будто передумал. Может быть, удастся работать... в ракете.

Толя не переоценивает своих возможностей, он понимает: охотников найдется немало. Но надо внести ясность: не прокатиться он желает, не путешествовать на Луну или так просто жертвовать собой для науки,— работать!

Хорошие ребята, юные ленинцы, внучата Ильича! Порадовался бы Владимир Ильич, доведись ему послушать речи этих деревенских мальцов, вникнуть в их планы и мечты! Вот почему беглым рассказом про встречу с Витей и Толей мне показалось уместным начать очерк о Старице и ее людях, новых и старых.

А привели меня в Старицу поиски Гусева.

В Старицу, на районный съезд колхозников, направляются лучшие люди колхоза имени Жданова.

Степан Васильевич Рябов.

Драгоценное слово

Был такой же вот морозный, ядреный денек, когда старицкий крестьянин Александр Ильич Гусев шагал с Николаевского вокзала к Кремлю.

Москва, 30 января 1921 года. Пустынные улицы, сугробы, стужа. Старицкий ходок, делегат Тверской губернской беспартийной крестьянской конференции, спешит к Ленину. Мужички наказали непременно побывать у Владимира Ильича, передать крестьянские просьбы, а главное, вызнать у «самого», в какую сторону повернется жизнь.

И вот Кремль. Гусев в приемной председателя Совнаркома; ждет, мысленно повторяет слова приветствия.

Но лучше предоставим слово Александру Гусеву.

«Вхожу я в кабинет (к) тов. Ленину, признаться, волнуясь — хочу приветственную речь говорить.

А Владимир-то Ильич выходит быстро из-за стола — ухватил меня за руку и здоровается.

— Ладно, спасибо за приветствие, как поживаешь? — спрашивает он меня.— Как твое хозяйство?..

По первой встрече выходило, что будто мы с ним давно знакомы...

Совсем он расположил меня к себе своим приемом. Как друг какой старый принял.

Стал он меня расспрашивать — как и что у

Екатерина Ивановна Цыганкова.

нас в деревне, что мужички хотят, да не обижает ли их кто-нибудь...»

Это отрывок из рассказа крестьянина Гусева о посещении В. И. Ленина, опубликованного газетой «Тверская правда» в феврале 1921 года. Тогда же рассказ вышел в Твери отдельной книжкой. Простой, бесхитростный, но именно потому особенно сильный и яркий документ.

Пятьдесят минут беседовал вождь революции с делегатом старицких крестьян. Переговорили о многом: о земельном вопросе и о том, как поднять крестьянское хозяйство; про концессии и про золотой запас; о пользе беспартийных крестьянских конференций и о том, как действуют комиссары в деревне...

Ленин по просьбе Гусева рассказал ему о международном положении.

«Сказал я ему, что у нас в деревне улучшения ждут, потому что война закончена, пришел мир.

— Да,— ответил мне товарищ Ленин.— **Надеяться на улучшение можно».**

И Владимир Ильич растолковывает своему собеседнику, как складываются отношения Советской России с буржуазными странами. Далее он объясняет, каковы перспективы снабжения сельскохозяйственным инвентарем (**«В этом году с косами лучше будет положение — нам пришлют из-за границы за наше сырье»**), однако не следует думать, что так-то просто сразу восстановить разрушенное хозяйство. «Но все же можно отметить,— записывает Гусев ленинские слова,— что перелом в лучшую сторону уже произошел».

Ленин в те дни был занят разработкой новой экономической политики, намечал переход от продразверстки к натуральному налогу. Чрезвычайно важно уловить настроение крестьянской массы! Чем живут в Старице, о чем думают, как относятся к Советской власти? Ленина в те же дни заботит реорганизация Наркомпроса. Хозяйственное строительство неотрывно связано с культурной революцией. Как на этот счет в уезде, волости, деревне?

Обратимся вновь к рассказу А. И. Гусева.

«Спрашивал меня тов. Ленин дальше уже о том, как крестьяне учатся, есть ли школы, курсы, библиотеки, не засели ли в отделах образования попы?

— **Хорошо бы,**— говорит,— **чтоб в каждой волости библиотека была, а это от вас зависит; составьте заявление в уездный отдел образования, а оттуда вам книг пришлют.**

— А попов у нас, тов. Ленин, не слушают...

— Это хорошо, хорошо... **А есть ли у вас газеты!**

— Нет, Владимир Ильич, мало очень, почти что нет — на волость две газеты. А центральных и не видим.

— **Это вот плохо. Газетами можно было бы снабдить...»**

На прощание Гусев просит Владимира Ильича дать ему «записку с собственной подписью»: память будет да и подтверждение знакомства... В книжке приведен ленинский автограф:

«Товарищу Александру Ильичу Гусеву на память о беседе 30.1 — 1921.

В. Ульянов (Ленин)».

Эту записку Гусев потом вставит в рамку и будет бережно хранить в своей избе.

А пока, выйдя из кабинета Владимира Ильича, не отвечая на расспросы, не обращая внимания на окружающих, он самозабвенно записывает в книжицу все сказанное Лениным. Это позволило старицкому ходоку сохранить для потомства драгоценное слово вождя и учителя.

«Лидер»

Родом Гусев из деревни Льгово, расположенной неподалеку от Старицы, на большаке. Но ходок, вернувшись из Москвы, не сразу попал в отчий дом. Отчитывался в Твери, в Старице, в волостном центре — сельце Ефимьянове.

Оказавшись наконец в своей деревне, Гусев первым долгом поспешил к Голышу. Так подеревенски прозывали деда Голышева Василия Ильича, чья кособокая избушка служила местом сборищ льговских мужиков. Бедняк был, истинный голыш, а человек общественный; жена, бабка Вера, ему под стать: любила общество.

Вот и сходились к Голышевым мужички. До глубокой ночи, бывало, сидят, курят — дым коромыслом,— спорят, обсуждают вопросы. Кто за большевиков, кто против. Здесь политический клуб, а порой и «законодательное собрание»: у Голыша что порешат, то и на общем сходе принято будет!

Деревенские остряки назвали однажды голышевские сборища «Учредиловкой», да так это и привилось. А Гусев получил прозвище «Лидер».

Метко сказано! Хорошо грамотный, способный, говорливый и красноречивый Саша Гусев, вернувшись с гражданской войны во Льгово, стал действительно местным лидером, вожаком. Однако, куда вести, понимал не очень-то ясно. К большевикам тянуло классовое самосознание (был он сыном бедняка; в зиму, подобно многим старицким крестьянам, ходил с отцом «в отход», работал пекарем-бараночником). Но в «Учредиловке» у Голыша слышались и мутные эсеровские речи и анархистские буйные выкрики. Путаница в головах была изрядная.

Поездка в Москву, беседы и встречи (помимо Владимира Ильича, с Гусевым разговаривали Смидович, Горбунов и другие руководители центральных советских организаций)—все это направило на верный путь. Уезжал в Москву старицкий делегат недоверчивым, подозрительным, брюзжащим. Вернулся окрыленным, глубоко уверовавшим в силу ленинских идей, в правоту партии большевиков.

«Уж больно внушили мне там доверие к власти»,— читаем мы заключительные строки брошюры-рассказа Гусева. И вывод: «Послужу, как могу, верой и правдой».

Александр Ильич Гусев стал одним из организаторов коллективной покупки машин крестьянами деревни Льгово, совместной обработки земли. Сынка-первенца назвал Владимиром. В честь великого своего знакомца.

Через год—другой поступил на работу в Старицу, «двинул по кооперативной линии». Но жил во Льгове, участвовал во всех полезных начинаниях местного общества. В колхоз вступил одним из первых, газеты соседям читал, разъяснял...

До 1936 года жил Гусев с семейством во Льгове, работал в Старице. А в тот год случился в деревне большой пожар, чуть ли не все Льгово выгорело. И гусевская изба. Говорят, что «красный петух» уничтожил и записку Ленина, ту, что ходок попросил на память.

Переехали Гусевы в Ленинград. Это по традиции старичане всегда в Питер тянулись, там у каждого родственников да свойственников полно. А в войну, в блокаду, погиб Александр Ильич...

— Преданный был человек, честный, но проявить себя особенно ни в чем не проявил. Видать, не по той стежке пошел. Но дело, понятно, не в Гусеве. Представляете: не один только наш ходок, вся деревня, весь уезд в тот январский день присутствовали в кабинете Ильича. А Гусеву спасибо: донес до нас ленинское слово...

Так говорил мне житель деревни Льгово Степан Васильевич Рябов, старый колхозный столяр.

Сегодня во Льгове

Степан Васильевич — высокий, гнутый старик, с бритым лицом и огромными, обожженными политурой и махоркой руками — доживает свой век вдовцом-бирюком; старуха померла, дочери — одна зубной врач, другая бухгалтер — работают в городе. А привел меня в избу к Рябову бригадир льговской комплексной колхозной бригады Володя Вишняков. Его, собственно говоря, следовало величать Владимиром Степановичем — и по возрасту, и по должности, и потому хотя бы, что он отец троих ребят,— но столь приветлив и словоохотлив этот человек, что его все во Льгове кличут Володей. Кличут — и он охотно откликается.

Втроем мы и беседовали.

Степан Васильевич вспоминал бывальщину, Володя ему вторил — оказалось, что он с детских лет хорошо помнит Гусева, знает множество деревенских историй. Воспоминания перемежались рассказами о сегодняшних делах.

Дед Рябов — книголюб, хороший знаток литературы. Любимого Некрасова декламирует наизусть, помнит «Илиаду». Был рьяным читателем, в колхозной библиотеке перебрал уйму книг, сейчас глаза шалят—газету только удается прочесть. Все больше радио слушает.

Кстати, я узнаю, что во Льгове на тридцать три дома выписывают двадцать экземпляров районной газеты, десяток центральных да столько же экземпляров областной. (Вспомните, как Гусев отвечал Ленину: «...на волость две газеты. А центральных и не видим».) Из Льгова, из старого дома Степана Васильевича Рябова, сегодня виден весь мир...

Комментируется поездка Никиты Сергеевича Хрущева в США (вчера все население Льгова — от мала до велика! — ездило на машинах в Старицу, в кино, смотреть документальный фильм).

Затем обсуждается жгучий вопрос: кого наряжать за столбами? Дело в том, что Льгово нынче электрифицируется, присоединяется к высоковольтной линии. Скоро Старицкий район станет районом сплошной электрификации.

Попутно выясняется, что колхоз имени Жданова — средний колхоз в среднем районе не очень-то плодородной Калининской области — приобрел техники на полмиллиона рублей. Девять тракторов, четыре зерновых комбайна, пять автомашин...

Стоит вдуматься в эти цифры. Они звучат особенно внушительно, если напомнить, что гитлеровцы превратили здешние места в «зону пустыни». (И вновь на ум приходит рассказ ходока Гусева. «В этом году,— записал он ленинские слова,— с косами лучше будет положение — нам пришлют из-за границы за наше сырье». Как, в сущности, недавно это было, и ведь давным-давно!)

...Тем временем Рябов с Вишняковым занялись увлекательным делом: стали припоминать, кто из их деревни в «большие люди» вышел. Тут и некий «доктор научных работ», принадлежащий к семье Никаноровых, и еще Ни-

канорова — ветеринарный врач, и Лебедева — секретарь райкома партии в Калинине, и Пискарева Нина — инженер, и Ганов Николай — полковник...

Долго бы еще, наверно, перечисляли имена, но зимний день затухал, пора было уезжать.

На прощание Степан Васильевич, порывшись в каких-то своих бумагах, вытащил на свет божий тоненькую, лохматую от старости книжку без переплета. «За 5 лет» — так называется этот сборничек, изданный в Старице в 1922 году, к пятой годовщине Октября.

— Прочту вам только малый отрывок из стихотворения без названия. Автор местный был, наш человек, Нил Грачев.

И Рябов стал читать с выражением, стариковским своим простуженным голосом:

...И увеличатся поля для жатвы
драгоценной.
Мы семенами лучшими засеем новые
равнины.
А Наш Хозяин закрома построит новые
И соберет в них славный урожай,
сам-сто!

Помолчав, пояснил:

— Хозяином с большой буквы поэт, думаю, называл трудовой люд. Так по смыслу. Может, вам нескладным показался стих? — спросил он затем.— А мне, знаете, нравится, главное, мысль большая. И учтите: вполне оправдалась. Обращу внимание ваше на эпиграф.— Он сделал ударение на «а», и слово прозвучало както особенно внушительно.— Написано: «Посвящается дорогому Ильичу».

Богатырь

Когда Ленин отпускал старицкого ходока домой, он — так записано в рассказе Гусева — наказал ему: «Передайте, что если не будут нам крестьяне помогать, разве справимся мы со своими декретами».

В этой связи хочется рассказать об одной моей старицкой знакомой — о Цыганковой Екатерине Ивановне.

Эта сорокалетняя женщина, мать двоих детей, была дояркой в колхозе «Прогресс». Колхоз передовой, и доярки его отличались, особенно Цыганкова «гремела по всему району». Удоев добивалась самых высоких.

Так было года два назад. А потом о Цыганковой ни слова: ни на районных собраниях, ни в газете. В чем дело? Оказалось, по каким-то домашним обстоятельствам уехала Екатерина Ивановна из «Прогресса», переселилась семья в Дорохово, в колхоз «Родина».

Ну, там дело совсем другое. И коровы не те, и фермы «Прогрессу» не чета.

Кое-кто не преминул позлословить: «Закатилась слава Кати Цыганковой! В хороших-то условиях передовой не так трудно слыть! Пусть-ка теперь попробует...»

Попробовала.

Взяла на свое попечение отстающую группу коров — одиннадцать самых захудалых, комолых да норовистых буренок. Словом, отпетых, от которых доярки обеими руками открещивались.

И за одиннадцать месяцев 1959 года увеличила надой в своей группе на восемьсот литров молока с каждой фуражной коровы! Плюс огромный, если учесть, что взят такой прирост от животных запущенных, чуть не бросовых.

...Вот сидит в президиуме районного съезда колхозников высокая черноволосая и темноглазая женщина в ярко-зеленой вязаной кофте. Сильные руки спокойно лежат на коленях. Сидит не шелохнется. А на трибуне докладчик, секретарь райкома КПСС Василий Федорович Кудрявцев, о ней говорит.

— Богатырь!.. — восклицает Кудрявцев, и никого в зале не удивляет, что это определение адресовано женщине, доярке. Наоборот, зал дружно рукоплещет богатырю Цыганковой.

Поистине богатырский труд нужен был, чтобы достичь такого результата. Как добилась его Катя?

— Да просто. Раздоила. Кормовой рацион ввела правильный. И уход. Долгонько спать, конечно, не пришлось...

Это уже сама Цыганкова на трибуне делится своим опытом. Скупа она на слова и быстро заканчивает речь:

— Вношу предложение, вернее, призыв. Передовым дояркам отказаться от привычных своих рекордисток — от них молоко любая девчушка получит,— а лучшие доярки пусть возьмут под свою опеку плохих коров. И сделают их хорошими! Вот это будет по-гагановски...

В перерыве я заговорил с Екатериной Ивановной. Она раскраснелась, оживилась:

— Подбросила я уголька товаркам-дояркам, хлопали, а не все, наверно, довольны. Не беда...— И добавила доверительно: — В 1960 году от моих «инвалидов» получу по три тысячи литров молочка. Почему не объявила об этом с трибуны? Так лучше. Я думаю, сперва надо сделать, а потом уж и отчитаться...

Начался концерт. Со сцены полилась песня. Исполнение, как объявил конферансье, посвящалось Екатерине Ивановне Цыганковой.

Светлый дом

Стоит этот дом на углу улиц Школьной и Пролетарской, и помещается в нем Старицкая средняя школа. Гордятся ею не только в районе, но и в области; книги пишут об опыте, приезжают на экскурсии. В чем же слава Старицкой школы? Она дает прочные знания и воспитала уже не одно поколение хороших людей. Из сорока семи педагогов школы восемнадцать — ее бывшие питомцы.

Рабочий, трудовой дух пронизывает всю деятельность этой школы. Среди девятисот учеников не найти белоручки.

Есть смышленые, и есть тугодумы, прилежные и с ленцой, дисциплинированные и озорные... Есть, разумеется, разные характеры и темпераменты, но нет таких, которые чурались бы труда. И вот характерный штрих: отношение ребят к учителю определяется порой и тем, как учитель относится к «простой» работе. Однажды на воскреснике в колхозе преподавательница математики Прасковья Ивановна Гусева столь искусно и ловко теребила лен, что вызвала восхищение всей школы. У математички появились последователи...

А какое уважение ребят снискал учитель немецкого языка Всеволод Михайлович Богданов, когда узнали, что он не только хороший педагог, но и квалифицированный токарь: до института несколько лет работал на заводе!

...В городе строился водопровод — первыми рыли траншеи учителя и старшие ученики. Участвовали в проводке электросети. На месте пустырей, оставленных войной, разбивали скверы. Помогали строить новые здания, когда школа расширялась; своими силами соорудили котельную, провели в классы и мастерские паровое отопление. А на сбереженные деньги была куплена грузовая автомашина. Чинят школьную мебель, красят полы и двери — все сами ребята. И самообслуживание — с пятого класса — полное: отпала необходимость держать в штате четырех технических сотрудниц...

Однако школа-то расположена в сельскохозяйственном районе, и, естественно, львиная доля труда школьников отдана колхозному производству. Свой учебно-опытный участок, дающий неплохие урожаи, кролиководческая ферма, парники, птичники. И постоянная работа на полях, на фермах и в мастерских подшефного колхоза «Слава».

...Заслуженный учитель. Почетное это звание вызывало у меня всегда представление о седовласом старце, оканчивающем свой славный учительский век. Но вот, познакомьтесь: Вершинский Евгений Федорович, директор, заслуженный учитель РСФСР. Невысокий мужчина средних лет. Лоб большой, выпуклый. Улыбка живая. Руки в известке, пальто нараспашку, в кармане — трубка чертежей.

— Мастерские строим, типовые, и физкультурный зал.

Раздается телефонный звонок. Из редакции «Ленинского знамени» просят подсказать, где у Маяковского искать такие-то строчки... Не успел положить трубку — новый звонок: из райисполкома спрашивают насчет технической документации. И завхоз рядом стоит: в Калинин собрался за трубами, ждет последних напутствий.

— Так день-деньской. Крутишься, как белка в колесе! А ведь еще уроки, не забудьте. Устаешь чертовски, но, знаете... Живешь! Понастоящему живешь, весело!

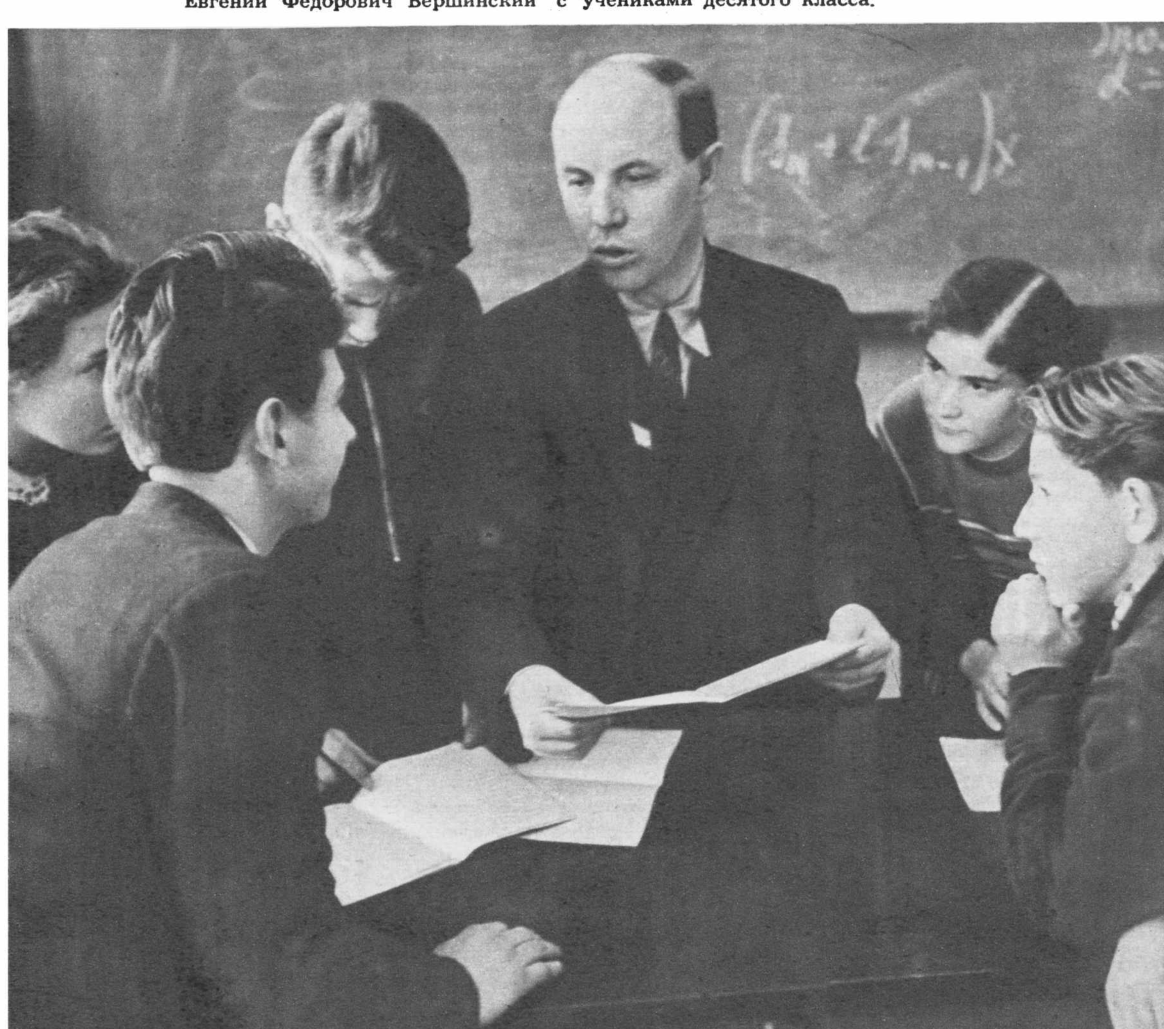
Вершинского приглашали в Калинин преподавать в педагогическом институте. Обещали «создать условия».

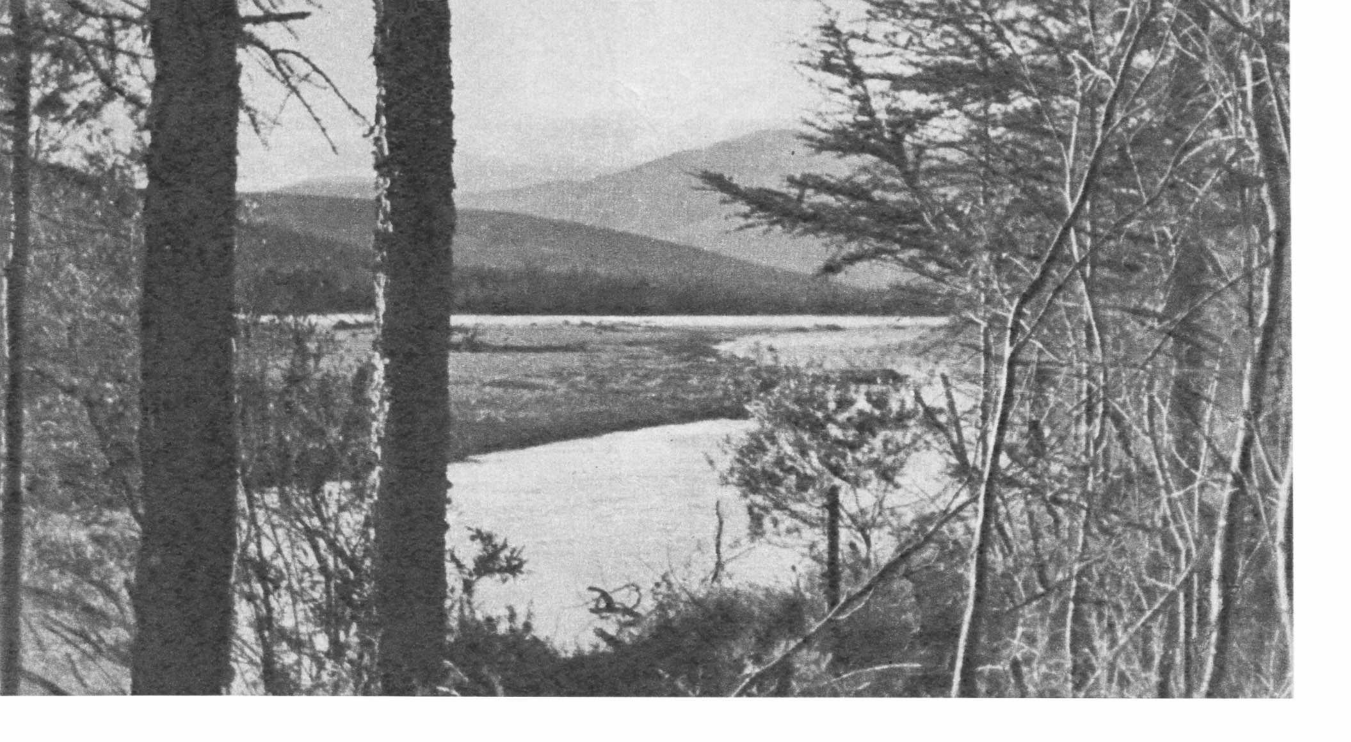
Нет, никуда он не поедет. Корнями в Старицу врос. И не подумайте, что в тепленький домик, в устоявшийся быт. Нет, не жить ему без веселой этой суетни, без строек и походов, вдали от пытливых ребячьих глаз, от здешних крутых берегов Волги...

Покинул я Евгения Федоровича, когда он вместе с помощниками отбирал экспонаты для выставки, что откроется на Всероссийском съезде учителей.

Как славно, что и другие учителя узнают о делах старичан!

Евгений Федорович Вершинский с учениками десятого класса.

своюкарту «пятачки», где смог бы, появись в этом нужда, сесть и взлететь! Таких площадочек у него на учете уже сорок.

Вот она, душа северного летчика!

Вечером в лагере произошло важное событие: прибыла кинопередвижка; впервые за несколько недель. Лагерь сразу оживился: одни тащат аппарат, другие — коробки, третьи — простыни для экрана. Я заметил, что все это делается без киномеханика, и спросил, где же он.

— А мы и без него обойдемся, сами все умеем! — раздается в ответ.

И тут же мне рассказали: киномеханик в тайге — редкость, он на вес золота. Если попадет в какую-нибудь партию — скоро не вернется оттуда: не отпустят. А как же быть другим? Им тоже хочется смотреть фильмы. Вот геофизики и задумали овладеть специальностью киномеханика.

И теперь — порядок!

Демонстрацию фильмов начал один из таких энтузиастов, «кинобульдозерист» Борис Козлов. В «зале» (та же палатка) погас свет. Сперва просмотрели все полнометражные, потом — все короткометражные, потом — на выбор, по второму разу, те фильмы, которые больше понравились, потом — только отдельные части, самые интересные.

До четырех утра длился киносеанс. И не удивительно: ведь месяцами здесь ничего не видят! Почта приходит раз в две-три недели (а в полевых поисковых партиях совсем ее нет), прочитывают прессу всю подряд, от корки до корки. Кстати, одна из девушек-коллекторов сказала мне:

— Знаете, сколько я недосмотрела кинокартин из-за тайги? Сто тридцать четыре! Когда я наверстаю упущенное? Нужно выбираться на «материк»,— она улыбнулась,— здесь я рискую своей духовной жизнью...

ЗОЛОТО СЕВЕРА

Вл. РУДИМ,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора.

В ненастные дни

Меж лиственниц и стланика белеют палатки: это лагерь партии геофизической разведки. Здесь живут геологи и летчики, ведущие поиски полезных ископаемых с воздуха. Мне повезло: сразу же встретился старый знакомый — командир экипажа Леонид Сергеев, богатырь этак килограммов на сто. С ним мы уже виделись на Колыме год назад. Сейчас он быстро перезнакомил меня со всеми своими товарищами. Начальник партии Владимир Крайнов гостеприимно указал на какой-то ящик:

— Садитесь, угощайтесь.

На низком, вбитом в землю столе лежали хлеб, вареное мясо, стояли откупоренные банки консервированного компота, которые, словно кубки в древней Руси, ходили по кругу.

На мое плечо легла рука Леонида Сергеева, и я ощутил нечто такое, как если бы на меня положили хорошую лиственницу.

— Правильно сделал, что к нам завернул,— говорил он.— Полетай с нами, увидишь, что за работенка у нас. Ты как переносишь полеты?

Бортоператор Геннадий Соболевский (он запомнился мне больше других по желтому берету, с которым не расставался, как острили друзья, даже в бане) засучивает рукав и показывает мне глубокий шрам:

— Иногда у нас случается и такое.

— Что же именно?

— В прошлом году в сопку врезались. Самолет — вдребезги. Мотор выворотило, нас всех вышвырнуло. Вот какая у нас работа! Мы ведь не просто летаем — нам нужно «прочесать» определенную территорию на небольшой высоте. И сворачивать с прямой нельзя! Долина — идем долиной, за нею сопка — лезем на сопку. А сопки-то бывают всякие!..

Не поэтому ли Сергеев спросил меня, как я переношу полет? И уж после моего оптимистического ответа он повернулся к Крайнову:

— Володя, разрешишь корреспонденту полетать?

Леонид называл Крайнова просто: Володя. И это отнюдь не умаляло авторитета начальника партии. Как я заметил, в тайге любые дружеские отношения нисколько не мешали делу и тем правам, которыми были наделены люди.

...Меня разбудили какие-то звуки. Прислушиваюсь: это кричат пролетающие над лагерем гагары. Часы показывают третий час ночи. Пора подниматься.

— Ветерок из-за той сопки тянет. Там Восточно-Сибирское море; та сторона всегда портит погодку,— недовольно говорит Леонид Сергеев.

Через несколько минут мы шагаем к взлетной полосе. Под ногами зеленые мягкие кустики; их веточки, как у елки, с той разницей, что эти иглы еще короче, толще и мясистей. А на веточках черные круглые ягоды. Это шикша. Сколько ее тут! На вкус вяжущая, чуть приторная, немного напоминает паслен. Язык сразу становится черно-фиолетовым, как от шелковицы.

Возле двух сросшихся лиственниц Леонид останавливается и показывает на вершину. Там приткнуто к веткам круглое гнездо.

— Тут белочка-летяга живет.— Он стучит пальцами по стволу.

Из гнезда показывается серенькая мордочка, бусинки глаз — точь-в-точь шикша! — уставились на нас. Белка сердито зацокала на нарушителей ее покоя.

— Ну, дурешка, пикируй вниз!— говорит Леонид и раскрывает ладонь. Там лежит сахар.

Белка спустилась, схватила сахар и стремительно умчалась обратно к гнезду.

Когда мы дошли до самолета, надвинулась туча, начал накрапывать дождь. В течение какого-нибудь десятка минут погода резко изменилась. Вылет отменили.

Ни на второй, ни на третий день не могло быть и речи о полетах на съемку. Мы сидим в палатке с Сергеевым, и он рассказывает о себе, вернее, о Крайнем Севере. Так как он проработал здесь уже целое десятилетие, попадал во многие переделки, то, конечно, говорит о том, что сам видел, чему сам был свидетелем, что лучше всего знал.

Взлеты с таежных «пятачков», рискованные посадки на узкие и короткие речные «кошки», авария среди снежной чукотской тундры — 170 километров пешком до ближайшего селения... Если бы человек не имел мужества рисковать, никогда не стал бы он хозяином дикого Севера! Этот риск нужен был первым землепроходцам, не обойтись без него иной раз и нашим современникам.

Сергеев показывает свою пилотскую книжку, которая украшена (конечно, украшена!) штампом: «С правом подбора площадок».

— Это — дело уже прошлое,— с грустью говорит Леонид.

Оказывается, в полной мере правом подбора площадок Сергеев пользовался тогда, когда существовал еще Дальстрой. А теперь он летает, как говорится, в системе ГВФ и обязан садиться только там, где размеры посадочной площадки соответствуют установленной норме.

— Но ведь на Крайнем Севере всякое случается! Кто же тогда летает в тайгу по неожиданным, срочным заданиям?

— Кто? Летчики полярной авиации. Они имеют такое право — садиться где угодно.

Сергеев по-хорошему завидует им. Но, пролетая мимо любой площадочки, на которой можно «прилепить», как он говорит, «Аннушку», Леонид все же наносит на

Воздушная акробатика

Наконец погода угомонилась, можно было лететь.

«Аннушка» тщательно проверена. Все на своих местах. Бортоператор Геннадий Соболевский провозглашает неожиданно:

— Итак, вперед, туда, где восходит солнце!

В руках у Крайнова схема участка, на котором предстоит летать. Она выглядит так, словно на бумаге нарисовали арфу. По этим линиям-струнам нужно сделать облет, проутюжить тайгу. Воздушные маршруты отстоят друг от друга на 250 метров.

Работа началась. Даже если не смотреть в окошечко, вы все равно будете чувствовать, какова внизу земля: «Аннушка» идет то плавно, то срывается вниз, то взмывает вверх и «пригвождает» вас к железному сиденью. Маршрут тянется вдоль цепи сопок.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 6.

Крыло почти касается лиственниц. Неба не видно; мимо проносятся склоны с ярко-зелеными пятнами стланика, острыми обнажениями пород.

...Стремительно приближается следующая сопка. Вот уже совсем хорошо различимы даже кусты. Вам становится немного не по себе. «Аннушка» ползет вверх по склону, выше, выше и вдруг теряет высоту. В то же мгновение вы чувствуете, не успев еще ничего сообразить, как самолет ложится на крыло и отваливает от сопки, скатывается по ее склону, выходит на простор долины и снова начинает набирать высоту. Впечатление, прямо скажем, сильное!

Набрав высоту и скорость, самолет заходит на то самое место, откуда отвалил, и опять идет на сопку в лоб, по прямой. И вот вторично наступает это испытание. «Аннушка» снова вынуждена отвернуть от сопки. Разворот. И в третий раз заход на сопку, на ту самую точку, на которой вторично был прерван маршрут. Вы всем своим существом чувствуете, как напрягается мотор, вы готовы отдать ему и свои силы, только бы скорее одолеть эту проклятую сопку. Наконец-то! Под крылом серая плешина сопки. Сергеев вытирает рукавом пот (фуражка давно сброшена).

Да, но впереди еще не одна такая сопка, и придется одолеть не один такой барьер, пока «Аннушка» приземлится на знакомой галечной полосе возле лагеря. Сергеев садится на упавшую шершавую лиственницу и закуривает. Эта послеполетная затяжка для него самая сладкая из всех, которые бывали на земле. Мне хочется задать Леониду несколько вопросов о полете, но не решаюсь нарушить его задумчивость.

Вот такой у Сергеева, Крайнова и их товарищей рабочий день. Шесть часов воздушной акробатики — все-таки это нелегко! Такое не всякий выдержит, даже при северных надбавках! Вероятно, я это произнес вслух, так как Сергеев тут же сказал:

— Это только на первых порах будет трудно с надбавками, а потом быстро привыкнешь к ним.

Если он шутит,— значит, можно приставать с вопросами.

— Скажи, вот та сопка, на которую пришлось лезть три раза, была очень трудной? И вообще часто такие сопки встречаются?

— Да, трудная была. Много ли их на наших маршрутах? По двери в каждый вылет. Тут один летчик на такой сопке недавно зацепил хвостом самолета куст стланика — так и прилетел с этим «украшением» на базу.

— Ну, а как же ты находишь при повторном залете ту точку, на которой прервал маршрут?

— Замечаю по каким-нибудь приметам: по лиственнице, либо камню, или еще чему-нибудь.

Я только головой покачал: в какие-то доли секунды суметь отвернуть самолет, избежать столкновения да еще найти и запомнить примету!..

Поселок Билибино.

Поселок на берегу Караля

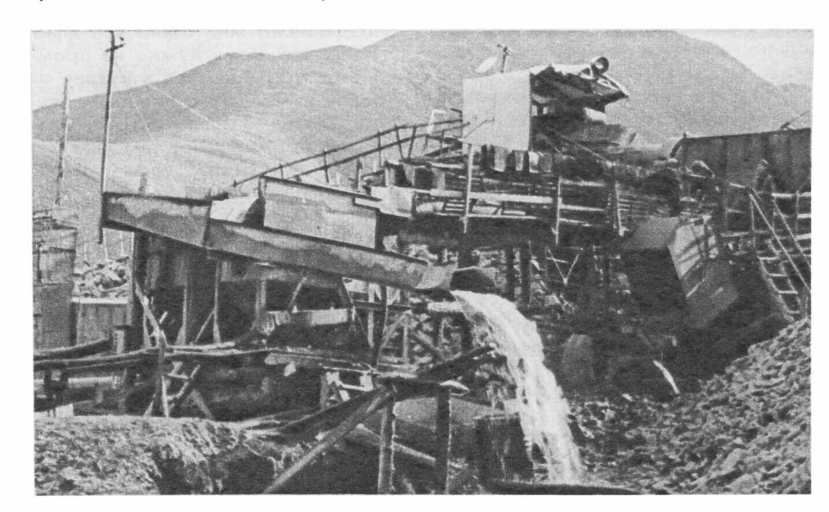
С трех сторон рыжей подковой лежат сопки. А внутри подковы — палатки, рубленые домики.

Поселка Билибино нет еще на карте. Это один из самых молодых, если не самый молодой поселок в тайге: он только-только начинает строиться. А назвали его по имени геолога Юрия Александровича Билибина — одного из первых исследователей и одного из создателей золотой промышленности Севера.

Теперь здесь два хозяина: геологи и присковики, добытчики золота.

Поселок этот очень уж необычен, непохож на другие. Билибино производит такое впечатление, как квартира, в которую вчера въехали жильцы и еще не успели расставить вещи по местам. Правда, у геологов виден порядок. Ведь они здесь старожилы: первую палатку поставили года тричетыре назад. Но прииск, он только разворачивается; здесь начата добыча золота совсем недавно — летом 1959 года. Палатки и палатки... Новые, неутепленные и старые, утепленные обшивкой из досок, засыпкой из опилок, выклеенные изнутри газетами, оберточной бумагой. Несколько рубленых домиков заняты управлением Анюйской экспедиции, почтой, магазином, больницей, гостиницей. Под ногами болото, засыпанное галькой. Но галька не всюду. Поэтому ходишь осторожно: не очутиться бы в трясине. Земля изрыта гусеницами так, словно тут происходил танковый бой... Впрочем, здесь действительно идет бой: бой человека с суровой природой, с тайгой, непроходимой от ветровалов, с вечной мерзлотой, болотами, чудовищным бездорожьем.

А внешне все очень даже живописно. Художников бы сюда! Идешь по поселку тропками, то среди кустарника, в котором еле продерешься, то под высокими тополями, скрывшими небо; по поваленным стволам или шатким временным мостикам пересекаешь бурные, ревущие потоки Караля (так здесь называют стремительный Каральваам). По самому Каралю во всех направлениях ездят грузовики, лихо рассекая радиаторами мутные воды. Караль — это дорога поселка: неглубокая речка с плотным галечниковым дном пока лучшая трасса для автотранспорта. Больше негде ездить: либо дебри, либо болото.

Промывочный прибор на участке Безымянном.

Рядом со старым поселком строится новый. Увидеть совсем близко завтрашний день Билибина мне помог план этого нового поселка, показанный начальником прииска Александром Купавцевым. На кальке — прямоугольники жилых домов, почты, школы, детского сада, поликлиники, клуба... Ой, нет, клуб не считайте: для него не отпустили денег!

— Почему же? — с удивлением спрашиваю я.— Может, у вас уже есть клуб?

— Дворец культуры! — В голосе собеседника чувствуется иро-

Вот она, переправа через северную реку!
Фото геолога С. Желнина.

ния.— Возле взлетной полосы. Разве не заметили?

«Дворец культуры» возле взлетной полосы — это приземистый, непривлекательный, тесный барак. Кинофильмы могут смотреть за один сеанс всего около ста человек. Слишком мало для сегодняшнего Билибина! Устраивают пять сеансов — все равно недостаточно. А недавно стали давать вместо пяти четыре сеанса: один сеанс «конфисковали» из-за того, что нужно же где-то репетировать самодеятельности! Что тут поднялось: «Долой самодеятельность, давай кино!»

Клуб тесен, а народ все время прибывает в Билибино.

Почему же лишают Билибино нового клуба? Мне сказали: не утверждает смету Магаданский совнархоз. Конечно, совсем ни к чему возводить громоздкие и дорогие здания на прииске, век которого ограничен запасами месторождения. Однако тут необходим просторный, вместительный, самой дешевой постройки клуб-кинозал. При желании для него вполне можно найти средства, используя внутренние резервы и инициативу трудящихся, которые охотно помогут в строительстве добровольно, в свободное от смен время.

И в тайге человек должен жить по возможности удобнее и культурнее. Кстати, это обстоятельство поможет ликвидировать или сократить до минимума текучесть кадров. А она на Севере за последнее время заметно возросла и обходится государству весьма дорого.

Дорога на край тайги

В Билибине я смог увидеть конечный результат труда геологов — добычу золота. Здесь, недалеко от Малого Анюя, находится прииск имени Билибина, самый северный в нашей стране и, вероятно, в мире. Прежде всего начальник прииска показал золотую кассу. В высоком и широком несгораемом шкафу стояли на полках маленькие, сантиметров двадцать высотой, темно-зеленые мешочки с золотом. Маленькие мешочки, но тяжелые: в каждом десять килограммов! Плоские матово-желтые кусочки золота похожи на халву.

Сюда, в Билибино, доставляют капсулы с золотом, промытым в партиях. По ним в лаборатории Анюйской экспедиции определяют содержание металла в руде. Но в капсулах есть еще примеси. Их нужно удалить. Этим занимаются отдувальщицы. Они высыпают содержимое капсул в черный металлический совок (на черном лучше видно золото) и, шевеля эту массу перышком куропатки либо совы (охотники поставляют!), осторожно удаляют эфеля, отдувают их прочь. Потом совершенно чистое золото взвешивают на точных весах.

После знакомства с кассой можно ехать и на промывочный прибор, туда, где добывается золото. От управления до ближайшего промприбора на участке Безымянном — около двадцати километров. Предлагают выбор: грузовик или лошадь.

Стоящий рядом со мной пожилой приисковик-бородач (он тоже держит путь на промприбор) с какой-то настороженностью ожидает моего ответа. Не раздумываю: что же может быть лучше машины? Удобно и быстро!

Едва я отказался от лошади, как на нее тут же вскочил бородач. Я сразу и не обратил внимания на эту поспешность, а потом (увы, с опозданием!) мне стало все ясно.

Итак, все, кому нужно на промприбор, устраиваются в кузове на дровах и мешках с печеным хлебом. Дрова — главный груз, идущий на промприбор: там уже нет тайги, там тундра, голые сопки, и поэтому каждый чурбачок, особенно зимой, на вес золота. Шофер дает газ. Поехали! Машина сползает в Каральваам.

За поворотом река подходит к крутой, отвесной скале высотой в несколько десятков метров. Взглянешь на самый верх — фуражка слетает с головы. Меж острых выступов-клыков каким-то чудом держатся лиственницы. Удивительно! Караль течет у самого подножия и, будто пила, точит скалу. Потом она становится все более пологой, и перед нами открывается живописная долина, усыпанная фиолетовым кипреем и еще какими-то желтыми цветами. Сопки самых разнообразных форм: одна напоминает Эльбрус, другая — опрокинутый таз, а вот та — прямо-таки спящий динозавр; его «хвост» оброс молодыми лиственницами и стлаником.

Ближняя к нам сопка похожа на каравай ржаного хлеба, густо присыпанного солью. Соль — это кварц, спутник золота. А дальше... То, что я увидел дальше, заставило меня поморщиться: кто, зачем вырубил все до одной лиственницы на противоположном берегу Караля? Это же варварство — так опустошать берега реки! Когда здесь снова появятся деревья? Ведь лиственница растет очень медленно!..

Вот и край тайги. Сзади осталась последняя, одинокая лиственница. Впереди сопки, покрытые разнотравьем да еще кустиками карликовых березок на склонах и редкими пятнами вечнозеленого стланика. Кузов начинает так сильно встряхиваться, что мы ударяемся друг о друга, о бревна, о мешки.

— Ну, теперь держись: по вскрыше поехали! — раздался чей-то голос.

Значит, мы уже достигли места, где залегают золотоносные пески. Сейчас их готовят к промывочному летнему сезону: снимают верхний, незолотоносный слой земли. Это и называется вскрышей торфов. Это не общеизвестный торф, а верхний слой земли вообще. Торфа могут состоять из чего угодно.

Под колесами нашей машины — перемешанная с землей галька, всевозможных размеров валуны. Вот мы и скачем сейчас по гальке, двигаясь вперед буквально по метру. Теперь мне становится понятной поспешность, с которой завладел лошадью приисковик в Билибине!

На одном из полигонов торчат маленькие свежие лиственницы. Откуда они? Ведь здесь снят весь верхний слой!

Оказывается, веточки воткнуты лишь вчера промывальщиками. Они сделали контрольную промывку и уже обнаружили золото. Веточки — условный знак для бульдозериста: больше не нужно снимать торфа, вскрыша закончена, полигон готов для добычи.

Лишь к концу третьего часа мы добрались наконец до полигона, где уже промывали пески, брали золото.

Участок Безымянный

— Перед вами наша Золотая долина,— сказал мне геолог Олег Цопанов.— Здесь, как видите, работают промывочные приборы. Но это — только начало. Скоро в этом крае появятся и мощные драги — целые заводы по добыче золота.

Долина походила на глубокую зеленую чашу с помятыми краями. Их образовывали сопки. На дне чаши, справа, несколько палаток и электростанция. А слева сам полигон, по которому, будто жуки, ползают несколько бульдозеров, подгребая пески в бункер, от которого тянется вверх, к промывочному прибору, транспортер. Сердце этого прибора — огромный вращающийся барабан с решетчатыми стенками. Сюда вместе с потоками воды устремляются пески, перемываются, попадают из барабана на железные шлюзы, в которых на дне лежат специальные жалюзи; тяжелое золото оседает меж ними, а все остальное уносится прочь.

Я долго стоял возле шлюзов; сквозь поток было видно, как гуще и гуще оседала желтая масса, напоминающая пшенную кашу.

— На дне чистое золото? — спрашиваю горного мастера.

— Нет, конечно. Там еще имеются кое-какие отходы. Мы их зовем «гали». Или по-другому: «эфеля». При съеме золота они удаляются окончательно пробуторкой. Да вы сами это увидите.

К концу смены начался съем золота. Воду выключили. Прежде всего выбрали руками самородки. Потом снова пошла вода; двое рабочих в резиновых сапогах самым прозаическим образом стали в золотую пшенную кашу и специальными деревянными лопатками перемешивали (пробуторивали) осевшую массу, помогая воде уносить последние гали. Золото заметно очистилось от примесей. Верхний слой состоял из зерен, очень похожих на кабачковые семечки. «Семечки» собирались совочком и всыпались в белые жестяные банки.

Железные жалюзи убрали. Теперь на дне шлюза оставалось самое мелкое золотишко. Оно заполнило углубления: каждое чуть побольше яичного желтка. Впечатление такое, что перед тобою глазунья, в которой повар расположил желтки ровными линиями. Собраны и желтки. Съем золота закончен.

...В Билибино я возращался с караваном геологов. Они охотно приняли меня в компанию, но предупредили: придется идти пешком. Лошади — с вьюками и лишь одна — налегке: специально для того, чтобы через речку перевозить людей.

— Лошадей бережем, не ездим на них. Ведь здесь лошадь стóит знаете сколько: семнадцать тысяч. Завоз дорогой: самолетом. Вот и осторожность к ним большая.

Удивительны эти низенькие якутские лошадки: ходят только друг за дружкой. Та, что не была еще головной, ни за что не двинется первой; задние во всем полагаются на ведущую, идут за ней вслепую — глаза совсем застланы космами длинной гривы.

Перед нами изгиб Караля. Наверное, уже восьмой или девятый. На ведущую лошадь, укрытую большим вьючным седлом, садимся вдвоем. Эта лошадь, между прочим, имеет уникальное имя: Ретроспективная. Мой спутник шлепает ее ногами по бокам:

— Н-но-о-о, Ретроспективная!..

Лошадь, однако, не торопится. Она раздумывает минуту-другую, потом медленно, осторожно входит в воду, щупая дно передними копытами.

...Солнце только что скрылось. На западе, окрашенные в густые тона, лежат синие-пресиние сопки. Над ними оранжевые тучи. На востоке далекими террасами — одна над другой — сопки в нежнейших красках: ближние — голубые, потом — сиреневые, еще дальше — розовые, кремовые...

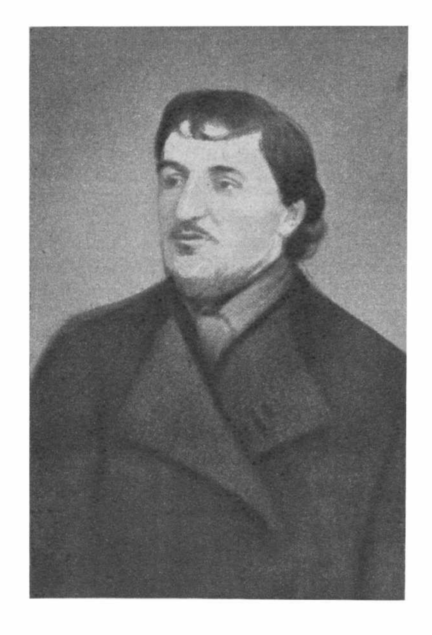
Перенесешь взгляд с неба на дно долины — в неподвижной глади озер отражается вся эта неописуемая красота. А Караль оранжево-желт, это не река, а поток расплавленного золота.

К концу перевоза небо на западе стало неузнаваемо: лучи исчезли, а вместо них таким же веером вытянулись огненные космы облаков. Казалось, будто за сопкой сидит волшебник и, вдохновленный кем-то, творит чудеса.

Я знаю, кто вдохновил этого кудесника: смелые люди, неутомимые и самоотверженные труженики, шаг за шагом осваивающие дикий, суровый, но богатый и прекрасный край!

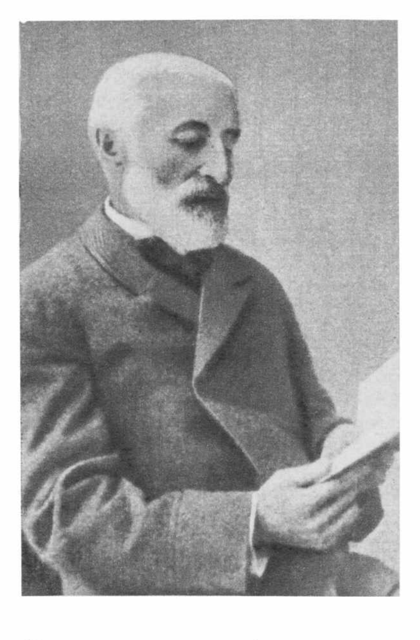
Начальник партии В. Крайнов (слева) и летчик Л. Сергеев.

Н. К. Судзиловский — студент Киевского университета.

ДОБРЫЙ РУССКИЙ ДОКТОР

Доктор Руссель в последние годы его жизни.

М. МЕЛЬНИКОВ

Человек этот прожил большую, необычайно бурную жизнь. Она протекала не только в его родной Белоруссии, в Москве, Петербурге, Одессе. «География» его скитаний включает Румынию и Болгарию, Швейцарию и Бельгию, Англию и Испанию, Италию и Францию, Соединенные Штаты и Гавайские острова, Китай и Японию, Филиппины и другие страны.

И где бы ни жил этот неутомимый скиталец, везде простые люди любили его, самоотверженного и приветливого человека из России.

Но кто же он?

Перед нами список учеников, окончивших в 1868 году гимназию города Могилева, нынешней Белорусской ССР. В списке читаем: «Николай Судзиловский». Это он и есть — Николай Константинович Судзиловский, известный в анналах русского революционного движения под именем «Руссель».

Николай вкусил от запретного плода вольнодумства еще в нелегальном гимназическом кружке. На юридическом факультете Петербургского университета он сошелся с руководителями революционного студенчества. За участие в волнениях студентов вынужден был «взять отпуск» из университета и уехать в Киев. Вместе с другом своим, болгарином Дебогорио-Мокриевичем, он создал там сильный студенческий кружок.

Потом эмиграция, Швейцария. Знакомство с П. Лавровым, М. Бакуниным и другими русскими эмигрантами много дало молодому революционеру. В сентябре 1873 года Николай Судзиловский снова в Киеве; он создает там знаменитую «киевскую коммуну» студентов, связанную с одесской организацией «Земля и Воля».

В списке «государственных преступников», разосланном царским департаментом полиции, Судзиловский значится под номером десятым. О нем сказано: «Бывший студент Киевского университета, сын отставного чиновника губернского города Могилева. Лет — 25, роста немного ниже среднего, волосы русые, лицо чистое, нос довольно большой, борода небольшая, редкая, одевается неряшливо, по костюму похож на мастерового».

Но юноша с такими приметами уже вскоре расхаживал по улицам Лондона. Незадолго до этого в Женеве он встретился со своим товарищем по гимназии и революционной борьбе П. Б. Аксельродом. Они вместе написали и издали «Золотую грамоту» для крестьян, в которой нашла яркое выражение мысль о свержении царизма.

Шел 1875 год. В середине февраля в Лондоне состоялось собрание под руководством легендарного польского повстанца, генерала Парижской коммуны В. Врублевского. Присутствующие с энтузиазмом слушали речи Маркса, Энгельса, Врублевского. От молодых революционеров России, Украины и Белоруссии выступил Николай Судзиловский. Ф. Энгельс в своей речи заметил, что он горячо поддерживает товарищей, выступавших от имени революционной России, в том числе и Н. К. Судзиловского.

Великий болгарский революционер Христо Ботев в одном из писем того времени ссылается на свою переписку с Николаем Судзиловским: «Мы готовы помочь вам и нравственно, и физически, то есть и словом, и мышцами,— пишет мой однокашник Судзиловский».

Судзиловский побывал и в Румынии, где находился в эмиграции Христо Ботев. Они вместе участвовали в транспортировке нелегальной литературы через границу в Россию, вместе изучали «Капитал» Маркса. В Румынии Николай Судзиловский, состоявший под надзором полиции, получил диплом врача и занялся медицинской практикой. Он вскоре стал пользоваться славой талантливого хирурга. Бедноту он лечил бесплатно и потому сам был беден. Тогда же он взял себе псевдоним «Руссель» (что значит «Русский»).

Март 1881 года. В одном из крупнейших зданий города Яссы собралось много рабочих, интеллигентов. В этот день исполнилось десятилетие Парижской коммуны. Собрание организовал Руссель и его друзья. Руссель начал свою страстную речь, но был тут же арестован.

Русские министры, легко находившие общий язык с румынскими правителями, добились ареста Русселя и высылки его с женой и малолетней дочерью в Константинополь. Там мятежного доктора должны были передать русским властям. Корабль шел к столице Турции; Русселя везли на верную смерть. Но получилось по-иному. По приказанию француза-капитана корабль подошел к Константинополю, высадил... конвоиров и тут же взял курс на запад. В одном из западноевропейских портов доктор Руссель и его семья были спущены на берег.

Начались скитания по Европе. Франция, Испания, Швейцария, Италия, Австрия, Бельгия... Повсюду самоотверженные друзья и озлобленные враги, всюду тяжелые объяснения с полицией, травля... Кто-то из наемников буржуазии посылает за границу статью, в которой доктора Русселя клеветнически называют агентом русского царизма. В защиту Русселя выступает один из его старых друзей. Он публикует гневное письмо и требует извинения перед Русселем. Под этим письмом подпись: «Георгий Плеханов».

Николай Константинович уезжает в Соединенные Штаты. Там, в Сан-Франциско, Судзиловского избирают президентом Греко-Российского общества, объединявшего славян и греков-эмигрантов. Это не понравилось руководителю русской церкви в США епископу Владимиру. А тут еще Руссель публично разоблачает епископа как развратника. Американская печать пристально следит за борьбой Русселя с реакционным церковником. Трижды епископ призывал Русселя «публично покаяться». Но по требованию Русселя и при поддержке американской общественности власти Сан-Франциско провели расследование, вскрывшее много грязных дел епископа.

И вот аршинные заголовки в газетах известили о богослужении, назначенном в православном соборе в Сан-Франциско. Сотни людей, десятки репортеров заполнили церковь.

Настал самый важный момент литургии. Громовой, рокочущий голос соборного дьякона провозгласил:

— Стенька Разин, Гришка Отрепьев, Емелька Пугачев — анафема! Злочестивый нигилист, богопротивный Николай Судзиловский — анафема-маранафа!

Так он был проклят, даже «страшнее», чем Разин и Пугачев. Судзиловский только рассмеялся, узнав о грозном жесте епископа. Но, согласно законам США, проклятие в соборе, как могущее «оказать влияние на доходы подвергнутого проклятию», могло быть предметом судебного разбирательства. Руссель решил использовать эту возможность.

В Петербурге поняли, что дело пахнет скандалом. Министр иностранных дел царского правительства дает телеграмму доктору Русселю и убедительно просит прекратить дело, сообщая одновременно, что «анафема-маранафа» отменена и епископ будет отозван в Россию. Сам прокурор святейшего синода Победоносцев присылает три письма и просит прекратить процесс, так как речь идет об «авторитете России». Руссель решает махнуть рукой на всю эту канитель, тем более что епископ уже успел удрать из США.

Американские друзья рекомендуют властям США доктора Судзиловского, принявшего американское подданство, для работы консулом где-либо на островах Тихого океана. Так Николай Константинович оказывается на Гавайских островах, в городе Гонолулу. Руссель, изъездивший острова вдоль и поперек, всюду оказывает помощь местным жителям — канакам. Они его называли «Каука-Рукини» — «добрый русский доктор». Происходят очередные выборы в сенат Гавайских островов. Было избрано только несколько белых, и среди них баллотировавшийся по первому округу доктор Руссель.

На этом дело не кончилось. Каука-Рукини был единодушно избран президентом сената Гавайских островов. Он внес в сенат закон о местном самоуправлении, о реформе системы налогов, об отмене смертной казни, о расширении кредитов на народное образование. Неуемный Руссель заявил в сенате, что канаки—народ очень музыкальный и что в Гонолулу будет создана консерватория для туземцев. Некоторые предложения Русселя уже были приняты сенатом. Руссель потребовал, чтобы представитель американского государственного департамента, без разрешения вошедший в здание гавайского сената, немедленно по-

кинул зал заседания. Американцу пришлось ретироваться.

Пришел 1900-й, за ним 1901-й. Николай Константинович покидает Гонолулу и уезжает в Азию, сопровождаемый эскортом американских детективов.

Кончилась русско-японская война. К генералу Гедройцу, руководителю союза русских военнопленных в Японии, явился какой-то русский «оригинал». Он рассказал, что работал врачом на Гавайских островах, был там даже избран президентом сената. Врач объяснил генералу, что приехал для разыскания мушек, которые поедают вредителей сахарного тростника: он хочет помочь гавайцам уничтожить этих вредителей. Когда во время разговора генерал сказал мимоходом, что «всех революционеров надо вешать», доктор, не моргнув глазом, добавил, что вешать нужно и всех ученых и изобретателей. Даже царский генерал подивился «реакционности» странного доктора.

Однако несколько дней спустя генералу доложили о докторе Русселе совсем иное. Руссель организует революционно-пропагандистскую работу среди пятидесяти тысяч русских военнопленных солдат, издает газету «Япония и Россия», распределяет полученную из-за моря нелегальную литературу. А главное, убеждает пленных солдат подняться на вооруженную борьбу с самодержавием, как только они ступят на русскую землю.

Генерал Гедройц воскликнул в гневе: «Так вот каких мушек он здесь ловит!»

Царское правительство, извещенное Гедройцем, обратилось в Вашингтон с просьбой отозвать «своего подданного» в США. Руссель, получив извещение госдепартамента, отказался возвратиться в Америку и был лишен американского паспорта.

Николай Константинович перебирается на Филиппины, живет и в других странах Восточной Азии. Некоторое время спустя он поселяется в Китае. Среди революционных деятелей Китая он имел немало настоящих и верных друзей. Один из них еще с 1906 года был очень близок с Судзиловским и регулярно переписывался с ним. Вот письмо, относящееся к этому году:

«Дорогой сэр!

Я с удовольствием прочитал Вашу статью «Китайская загадка». Она произвела на меня очень сильное впечатление. Ваша идея возвышенна, и Ваше сердце великодушно. Я редко встречал представителя Запада, который когда-либо так отстаивал идею возрождения Китая и практического обеспечения условий человеческого существования миллионам его страдающего населения, как это делаете Вы...»

Письмо подписано: «Сун Ят-сен».

Под влиянием Сун Ят-сена Николай Константинович на долгие годы связал свою судьбу с Китаем. Он отдает китайской бедноте свое искусство врача и, как везде, завоевывает искреннюю, горячую любовь тружеников.

Накануне первой мировой войны многие газеты обошла весть: в Китае умер знаменитый русский путешественник доктор Руссель. С сочувствием пишут о нем американцы и японцы, французы и болгары, румыны и русские.

Каково же было удивление, когда Руссель неожиданно прислал в Россию письмо, в котором просил выразить свою признательность авторам теплых некрологов о нем! И снова мировая пресса пишет о «воскресшем из мертвых» человеке.

Оторванный от родины, знавший о великих событиях 1917 года лишь из третьих рук, Николай Константинович стремится глубже понять смысл совершившегося. Он все еще остается в плену устарелых народнических воззрений. Но 12 декабря 1921 года Руссель пишет «Обращение ко всем левым силам мира»: «Выражаю свое одобрение многим левым деятелям других толков в оказываемой ими помощи Советскому правительству и рекомендую последовать их примеру и тех, кто до сих пор держался в стороне... Мы, левые всего мира, должны быть первой великой державой, признающей Московское правительство».

Большой интерес представляют письма Николая Константиновича к одному из ветеранов революционного народничества, тоже уроженцу Белоруссии, А. О. Бонч-Осмоловскому. Находившийся в то время в Тяньцзине Руссель жалуется своему далекому другу на гоминдановцев, которые создают вокруг него атмосферу травли. Он пишет, что это происходит «благодаря моей непопулярности среди реакционной тяньцзиньской буржуазии, не могущей забыть моего революционного послужного списка, особенно в русско-японскую войну...» Н. К. Судзиловский упоминает и о том, что заботами гоминдановских властей доступ его детям в здешние школы закрыт.

Много раньше, еще в 1906 году, доктор Руссель переписывался с А. М. Горьким, которого заинтересовала одна из статей Н. К. Судзиловского об Америке. Алексей Максимович рекомендовал ему напечатать ее в одном из заграничных революционных изданий.

Статья «Две Америки», напечатанная в 1925 году в США в газете русских дореволюционных эмигрантов «Рассвет», характерна для доктора Русселя. Он отдает дань уважения американскому народу, его гению в области техники и науки, его трудолюбию. Он пишет, что, не будь на земле России, он охотно поселился бы где-нибудь в Калифорнии.

Но тут же Николай Константинович в ярких и гневных словах говорит о «второй Америке». Он высмеивает систему двух партий в США: «республиканской (без республики), демократической (без демократии), солидарных в реакционности своей, одушевленных тем же духом торгашества и управляемых «боссами» на деспотических, цинических, игнорирующих высокую мораль началах».

Он отмечает, что такая система вела и привела к захвату чужих территорий, «например, островов Гавайи, присоединения которых я был свидетелем и которого будут стыдиться будущие поколения». Кто же руководит Америкой? — задает он вопрос. «Баснословные состояния, скопившиеся в немногих руках, наделили их обладателей экономической и политической властью, превосходящей власть королей и императоров, они управляют от имени «народа», как цезари и папы от имени непостигаемого «бога».

На склоне лет, живя в Китае, «добрый русский доктор» выступал решительным сторонником Советского Союза. Всесоюзное бюро политкаторжан и ссыльнопереселенцев назначило ему пожизненную пенсию, которая регулярно высылалась в Тяньцзинь. Во второй половине двадцатых годов Николай Константинович печатал свои статьи в советском журнале «Каторга и ссылка». В борьбе, развернувшейся между народными силами Китая и чанкайшистами, Руссель был, разумеется, на стороне народа.

Он писал друзьям, что хочет закончить свое «кругосветное путешествие», длившееся более пятидесяти лет, в родном краю. Далеко-далеко от Тяньцзиня, над маленькой речушкой Лобжанкой, раскинулась деревушка Судзилы, родина Судзиловского. Еще дальше на запад лежит на берегах Днепра Могилев, где он вырос, учился. Он страстно стремился в родные края.

Но эта удивительная жизнь оборвалась раньше, чем Судзиловский смог осуществить свою мечту. В восьмидесятилетнем возрасте его свалило воспаление легких. Китайские друзья положили его тело на костер на площади Тяньцзиня.

Так завещал он, таковы были обычаи страны, в которой он нашел приют. Дочь подожгла костер. Тысячи простых сыновей и дочерей Китая смотрели на пламя и скорбели о «добром русском докторе».

Заповедный уголок Москвы

Жемчужиной столицы недаром называют москвичи Останкинский дворец — выдающийся памятник русской культуры и искусства XVIII века.

По свидетельству придворных польского короля Станислава Августа Понятовского, посетивших вместе с королем дворец в 1797 году, «из тех нескольких сот мастеров и художников, которые там работали, можно было бы насчитать не более 4—5 иностранцев, а остальные были не только чисто русские, но почти все люди графа Шереметева».

Настоящим гимном дереву, исконному строительному материалу России, можно назвать резьбу, поражающую посетителей дворца. Многие часто даже не верят, что тонкие лепестки полевых цветов, ажурные венки и гирлянды вырезаны из дерева. Кажется, тронь их — и зазвенит бронза!..

Не менее чудесны и паркетные полы. Паркет набран из различных пород дерева: здесь и наши родные — береза, дуб, сосна, ясень, и иноземные — красное, черное и розовое дерево...

Особую славу и гордость Останкинского музея составляет редчайшая коллекция осветительных приборов; из 650 разнообразных светильников более 500 отечественного производства.

Сердце дворца — театр. Самое интересное то, что театр этот устроен с «превращениями». Требовалось всего 20—30 минут, чтобы сцена и зрительный зал после спектакля стали прекрасным залом для танцев и банкетов. Механизмы «превращения» театра в зал для танцев, различные приспособления для создания светового и звукового оформления спектаклей необыкновенно просты и оригинальны. Все это творения ума и рук талантливого крепостного механика-самородка Федора Пряхина.

Здесь, на останкинской сцене, были поставлены оперы первых русских композиторов XVIII века—Фомина, Матинского, Бортнянского, Козловского, Пашкевича. С неизменным успехом на подмостках театра играла выдающаяся крепостная актриса Прасковья Ивановна Ковалева-Жемчугова. Дочь кусковского кузнеца, она, как и многие ее подруги, была взята на сцену маленькой девочкой. Ее талант оперной певицы и драматической актрисы не знал себе равных...

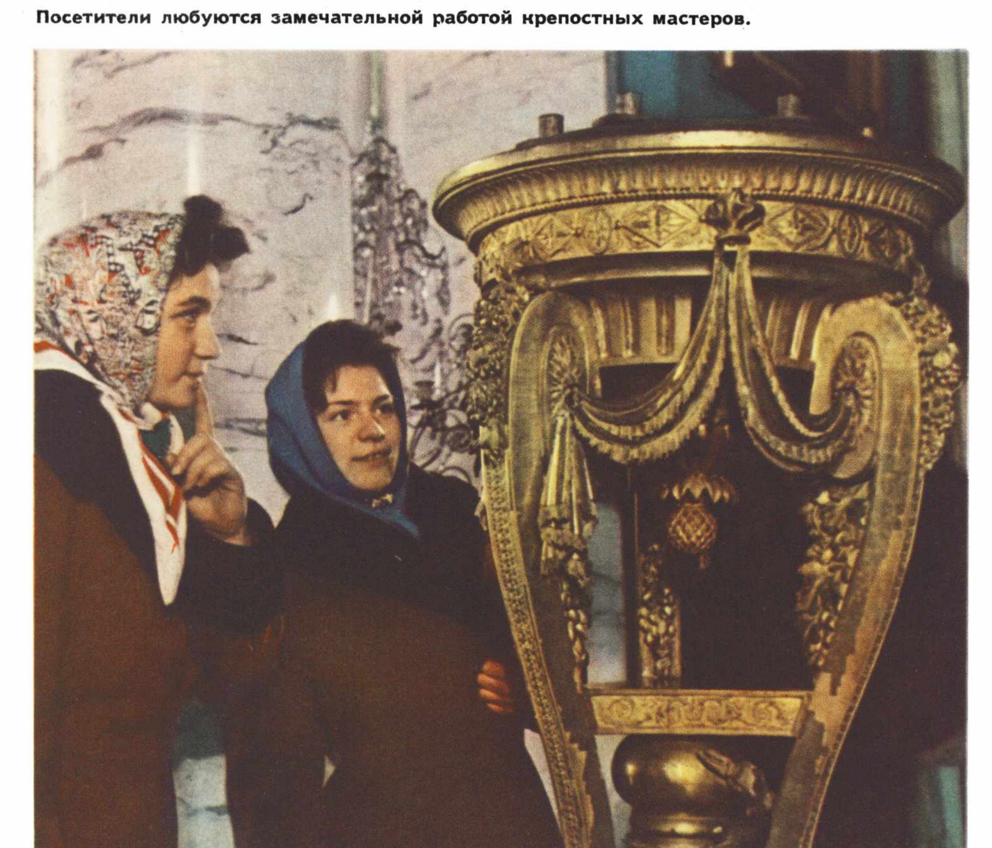
Наш народ бережно хранит культурное наследие и глубоко чтит память великолепных умельцев—крепостных мастеров. В любое время, даже зимой, несмотря на то, что дворец не отапливается, москвичи и гости столицы приходят в музей и подолгу любуются талантливейшими творениями замечательных русских художников.

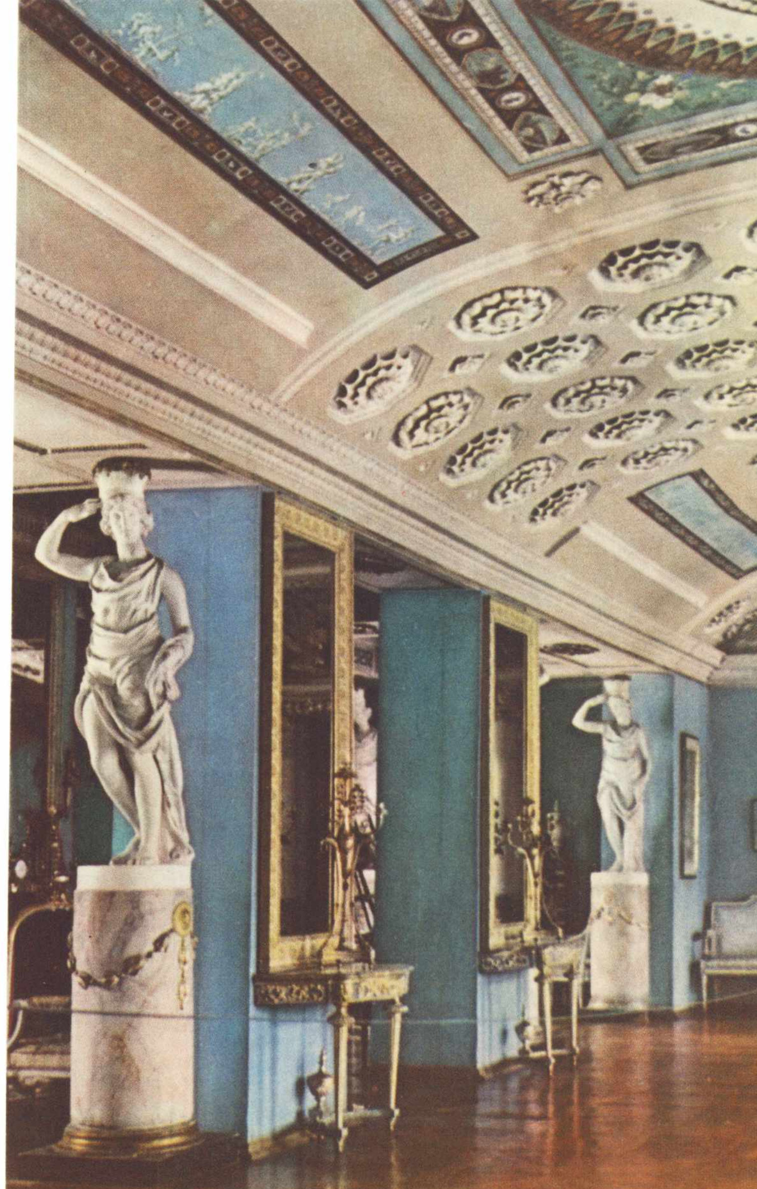
Директор музея М. ФОКИН

Останкинский дворец.

Проходная галерея.

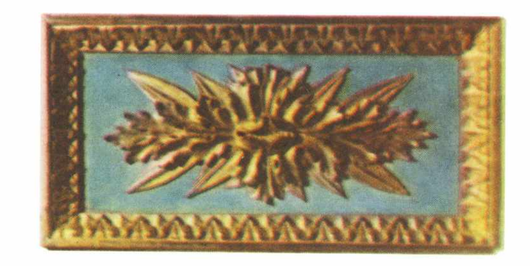
Посетители любуются замечательной работой крепостных мастеров.

Уголок голубого зала.

В картинной галерее.

Деталь торшера.

Фото Я. РЮМКИНА.

Узник №42

ДЖОН РИД В ФИНСКОЙ ТЮРЬМЕ

Снимок Д. Рида, сделанный финской полицией при аресте.

10 апреля 1920 года нью-йоркские газеты обошло сообщение о том, что в Финляндии казнен Джон Рид, автор книги «Десять дней, которые потрясли мир», друг Ленина. Сенсационная новость вызвала самые разнообразные отклики: печаль в прогрессивной части американского общества, ликование в реакционных кругах.

А в это время в финском порту Або в камере городской тюрьмы метался из угла в угол заключенный № 42. У него были темные волосы и серые глаза, как писал он впоследствии в «Вопросном листе». В тот момент глаза у «номера сорок два» вряд ли сохраняли обычное, ласковое выражение. Они затуманились гневом от сознания беспомощности. Ах, если бы он мог сейчас попасть туда, в Америку, на родину! С каким насаждением повторил бы он друзьям знаменитую марктвеновскую фразу: «Слухи о моей смерти были сильно преувеличены»!

...Это было после второго приезда Джона Рида в революционную Россию. Если в дни Октября его знали как способного и дружественно настроенного журналиста, то в ноябре 1919 года он был уже знаменит как выдающийся публицист, пламенный пропагандист пролетарской революции.

«Рид часто бывал у Ленина... и Ленин был рад его видеть не только потому, что он интересовался положением в Соединенных Штатах, но и потому, что ему нравилась жизнерадостность молодого американца... Они беседовали на разные темы часто до рассвета, и Риду все больше раскрывался гуманизм и величие этого человека»,— писал об этих днях Грэнвил Хикс в своей книге «Джон Рид», изданной в Нью-Йорке в 1936 году.

В начале 1920 года Рид собрался в обратный путь — на родину. Выбраться из России, окруженной кольцом блокады, оказалось нелегко. Попытка пробраться через границу Латвии потерпела неудачу. Тогда Рид спрятался в трюме финского корабля, шедшего в Швецию.

В порту Або его обнаружили финские власти и арестовали, обвинив в контрабанде.

Американский консул и государственный департамент США никак не реагировали на попытки Рида дать знать о себе.

Дни проходили за днями, узник № 42 сидел в одиночной камере. Тут и пришла ему в голову мысль, осуществить которую взялась финская общественная деятельница Айно Мальмберг. Это она умышленно сообщила американским репортерам о свершившейся якобы казни Рида.

И тогда 15 апреля госдепартамент был вынужден объявить, что Рид жив и что правительство Соединенных Штатов не желает влиять на дальнейшую судьбу Рида, поскольку он арестован согласно финскому закону о контрабанде.

Но дело уже было сделано: американские друзья Рида начали хлопотать о его возвращении на родину. К тому же времени, как пишет об этом биограф Рида, относятся предпринятые в России по указанию Ленина неофициальные попытки обменять Рида на двух финских профессоров, арестованных за контрреволюционную деятельность.

Заключенному № 42 в тюрьме Або разрешили переписку. 19 мая Джон Рид писал жене Луизе Брайянт:

«Финны просят американского посла Магрудера дать мне паспорт. Если он сделает это, что практически невозможно, то я немедленно отправлюсь в Стокгольм и, изучив ситуацию, буду действовать соответственно положению. Если он не даст паспорта, то финское правительство предложит мне покинуть страну в 24 или 48 часов... Я попросил, если мне велят оставить страну, поехать в Эстонию: прошу пропуска у эстонского правительства...»

Эти строки навели на мысль, что в архивах буржуазного правительства Эстонии должны храниться интересные документы. Эти документы найдены. Вот как рисуют они события тех дней.

Айно Мальмберг связала Рида с эстонским послом в Хельсинки Калласом, видимо, уже после того, как Риду стало известно, что разрешение на проезд через Эстонию в Россию надо получить у советского представителя в Ревеле Гуковского. 20 мая Рид пишет ему записку:

«Дорогой товарищ Гуковский, меня скоро освободят здесь из тюрьмы, и я желаю возвратиться в Советскую Россию через Эстонию. Я уже обратился за разрешением к эстонскому правительству. Пожалуйста, сделайте, что сможете, чтобы помочь мне.

С братским приветом

Джон Рид».

Вместе с этой запиской Рид отсылает Калласу заполненный им вопросный лист, на котором эстонский посол ставит следующую резолюцию:

«Мин. Иностр. Дел.

Гуковский сообщит министерству иностранных дел, получит ли Рид разрешение ехать в Россию (его попросили об этом).

Решение сообщить в эстонское консульство в Хельсинки».

Все эти документы были отосланы Калласом уже 21 мая. Документы узника № 42 были отправлены в Ревель, и снова потянулись дни ожидания.

25 мая Рид узнает, что финское правительство допустило американских представителей к его бумагам, среди которых были письма друзей Рида и, что самое главное, личное письмо В. И. Ленина — его предисловие к книге «Десять дней, которые потрясли мир». Рид тотчас же запросил американского посла Магрудера о выдаче паспорта, а также уполномочил Айно Мальмберг быть своим посредником.

30 мая Рид пишет жене: «...по какой-то странной причине никакого ответа не приходит, хотя теперь прошло десять дней с тех пор, как я обратился за разрешением». В письме от 31 мая: «Все еще ни слова из Эстонии».

А из Эстонии и не могло быть ни слова, так как письмо Рида Гуковскому передано не было, и 31 мая возвратилось к Калласу с сообщением, что граница закрыта. 1 июня Каллас посылает еще одно письмо Гуковскому.

2 июня Рид пишет жене: «Все еще ни полслова. Это ужасно — ожидать так, день за днем, да еще спустя три месяца. Мне нечего читать, нечего делать. Спать я могу только около пяти часов, а девятнадцать часов бодрствую, пригвожденный в маленькой клетке. Это моя тринадцатая неделя... 8 часов вечера. Только что, сию минуту пришла весточка. Я поеду в Ревель с субботним пароходом из Гельсингфорса...»

И вот тут-то начинается самое непонятное. Известно, что Рид получил разрешение на проезд через Эстонию 4 июня. А 5-го на пароходе «Виола» он прибыл в Ревель (Таллин) из Хельсинки. Как ни старались впоследствии эстонские власти найти следы пребывания Рида в Таллине, открыть способ, каким он попал в Россию, попытки их не увенчались успехом. А между тем Рид не только прибыл в Таллин, но и встретился на пароходе с итальянской рабочей делегацией, которая направлялась в Москву. 7 июня Рид послал из Таллина в Нью-Йорк телеграмму жене.

И все же ни в одном официальном документе не был зарегистрирован проезд Рида через Эстонию. Почему же?

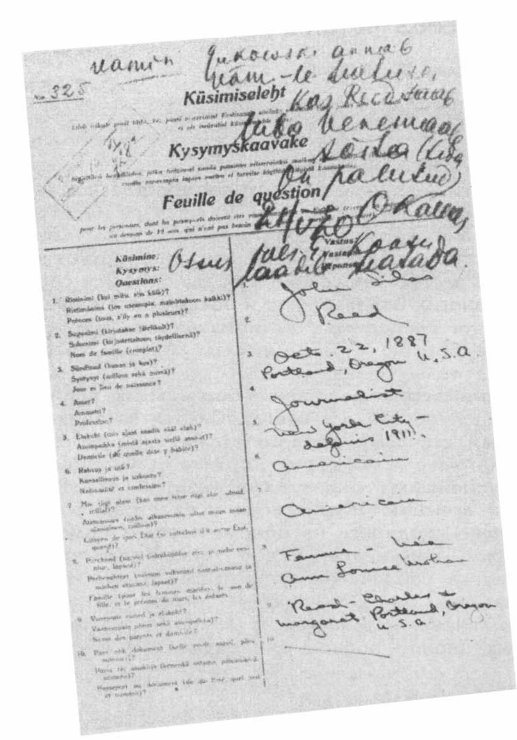
Риду удалось ускользнуть от бдительного ока эстонских пограничников и полицейских благодаря тому, что у него не было... американского паспорта. Единственным документом, который он имел, выезжая из Финляндии, было удостоверение личности № 1845 от 4 июня 1920 года, выданное эстонским консульством в Хельсинки. По странной случайности в графе «Подданство» было написано: «эстонское». Потому-то пограничные власти и не зарегистрировали Рида как иностранца и вообще не обратили на него никакого внимания.

Помогла Риду и бюрократическая машина эстонского министерства иностранных дел. Как говорилось выше, письмо Рида Гуковскому чиновники министерства отправили обратно, однако запрос Калласа и вопросный листок Рида пустили по инстанциям. 11 июня на нем появляется резолюция начальника полицейского управления Лауритса: «Можно было бы разрешить без остановки в Эстонии, но это не очень желательно». А 26 июня, то есть через месяц после прибытия бумаг в Таллин, они попадают на стол министру иностранных дел А. Бирку. И понятно раздражение, с коим министр начертал свою резолюцию: «Почему эти бумаги подложены мне? Гуковский сообщает, что Рид давно проехал через Эстонию...»

В этом году исполняется сорок лет со дня смерти Джона Рида, похороненного на Красной площади в Москве. Новые документы, найденные в архиве, раскрывают еще одну страничку в его замечательной биографии.

Э. РАЙДМАА

Вопросный лист, заполненный Ридом в тюрьме Або.

Küsimiseleht
Kysymyskaavake
Feuille de question
John Reed
Oct. 22, 1887 Portland, Oregon U.S.A.
Journalist

← Олимпийская эмблема — пять скрещенных колец — поднялась над Долиной индианок в горах Сьерра-Невады.

Фото Ассошиэйтед Пресс.

Пролог окончен...

ЧЕРЕЗ ЧЕТЫРЕ ДНЯ НАЧИНАЮТСЯ VIII ЗИМНИЕ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

В. ВИКТОРОВ

Первыми улетели в Скво Вэлли наши хоккеисты, и Америка с почетом встретила чемпионов VII Олимпийских игр. Удастся ли им столь же блистательно пройти весь путь к постаменту почета и на VIII Белой олимпиаде? Этот вопрос заставляет сейчас тревожно биться сердца многих болельщиков и воскрешает в нашей памяти последние дни, предшествовавшие началу борьбы в Доломитовых Альпах четыре года тому назад.

Еще сверкал девственно-зеркальный лед хоккейной арены, а в отеле «Савоя» за зеркальными стеклами первого этажа уже работали телетайпы, связавшие Кортина д'Ампеццо с крупнейшими редакциями газет и телеграфных агентств. Журналисты всех стран единодушно сходились на одном: первым номером Белой олимпиады будет хоккейный турнир. Другие соревнования, которые были представлены на Олимпийских играх, вызывали столкновение мнений, но в прогнозах хоккейных царило полное единодушие, и множественное число в разговорах о будущих победителях почти не применялось. Западные обозреватели не сомневались в том, что олимпийские медали достанутся канадцам.

Особой смелости такие прогнозы не требовали. Кто же не знал, что в олимпийских турнирах, которые предшествовали встречам в Кортина д'Ампеццо, канадцы выиграли шесть раз. А что могли противопоставить этому блестящему «послужному» списку советские спортсмены? Всего лишь одну победу, которую им удалось одержать на первенстве мира 1954 года. И все же первое олимпийское выступление советских хоккеистов закончилось полнейшим триумфом: они победили вслед за командами Швеции, Чехословакии, Западной Германии, США и канадцев, завоевав золотые медали.

Теперь в Скво Вэлли хоккеистам СССР снова предстоит встреча с той же канадской командой «Китченер-Датчмен», с которой они встречались на VII Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо. И судя по всему, канадская команда отлично подготовлена к предстоящей борьбе, усилена рядом сильнейших игроков. Но, несмотря на это, вряд ли теперь кто-нибудь решится заранее определить олимпийского чемпиона. С каждым годом все труднее приходится канадцам. Так, на последнем чемпионате мира в Праге их победа висела на волоске, и лишь лучшая разница в забитых и пропущенных шайбах позволила им занять первое место, оставив на втором команду СССР.

Команда СССР после своей олимпийской победы в Кортина д'Ампеццо претерпела в своем составе ряд больших изменений. Ушли на отдых такие выдающиеся спортсмены, как В. Бобров и Е. Бабич, не выдержали в самый последний момент трудных предварительных испытаний и такие мастера команды, как Н. Хлыстов, Д. Уколов, Ю. Пантюхов. Зато в команду включена отлично обкатанная и «обстрелянная» хоккейная молодежь. Ее девиз таков: «Смелого шайба боится!»

Вот это сочетание испытанной защиты, сохранившейся еще со времен Кортина д'Ампеццо, с молодыми нападающими может оказаться очень эффективным.

В отличие от хоккеистов, которые имели возможность в предварительных международных соревнованиях проверить силы своих соперников, конькобежцы получили такую возможность лишь в самый канун Белой олимпиады. Как известно, результаты прошлого сезона не радовали нас: ни в одном крупном соревновании нашим скороходам не удалось добиться победы. Чем же могут порадовать нас конькобежцы в Скво Вэлли? После ряда соревнований, состоявшихся в Москве и Алма-Ате, создана команда СССР, в которую вошла группа способной молодежи. Борис Стенин, Геннадий Воронин, Виктор Косичкин, Лев Зайцев, Валерий Котов, Николай Штельбаумс находятся в отличной форме, и каждый из них имеет все шансы добиться успеха в борьбе за золотые олимпийские медали. Правда, на европейском чемпионате нашим конькобежцам не удалось завоевать первенство, но Стенин занял второе место после Кнута Юханнесена, и это можно считать неплохим авансом перед отлетом в Скво Вэлли. Что это так, Стенин блестяще доказал, завоевав в Давосе первенство мира. После ряда неудачных выступлений снова прозвучало на весь мир имя Николая Штельбаумса. Выступая на алмаатинском катке, молодой скороход уже вторично перекрыл время официального мирового рекорда на дистанции 10 тысяч метров. Но и его результат не простоял и получаса. Уже в следующем забеге наш испытанный стайер Владимир Шилыковский показал еще более высокий результат — 16 минут 13,1 секунды.

Высоких рекордов можно ожидать на искусственной ледяной дорожке в горах Сьерра-Невады. Соревнования, проведенные на этом катке прошлой зимой, показали, что даже непревзойденный лед озера Мизурина не обладал такими выдающимися качествами. Во всяком случае, с помощью специального прибора удалось установить, что ледяная дорожка Скво Вэлли обладает еще большей степенью скольжения. Недаром финский скороход Ярвинен смог перекрыть в Скво Вэлли мировой рекорд Гришина и Михайлова, установленный ими на озере Мизурина. Наши постоянные соперники — норвежцы, шведы, финны — находятся в отличной форме и составят советским спортсменам серьезную конкуренцию.

Впервые в истории Олимпийских игр на старт выйдут женщины. И здесь мы имеем все основания рассчитывать на полную победу. Разве не говорит о силе наших спортсменок их блестящая победа, одержанная в конце января в Швеции на первенстве мира? На катке в Эстерсунде золотую медаль завоевала Валентина Стенина, а вместе с ней на постамент почета поднялись ее подруги Тамара Рылова и Лидия Скобликова.

Борьба сильнейших конькобежцев в Скво Вэлли будет проходить в исключительно благоприятных условиях, на отлично подготовленной ледяной дорожке, для которой не страш-

В Скво Вэлли предстоят горячие схватки на хоккейном поле, и советские спортсмены увозят с собой в Америку несколько связок клюшек. На первом плане — защитник сборной команды СССР А. Кучевский перед посадкой в самолет.

ны самые неожиданные капризы калифорнийского климата.

Но для лыжников условия борьбы в горах Сьерра-Невады будут чрезвычайно сложными: ведь искусственную снежную трассу пока еще делать не научились. Температурные колебания в Скво Вэлли таковы: минус пять градусов ночью, плюс восемнадцать градусов днем. Вот и попробуй подбери для таких условий мазь, которая безотказно действовала бы и ранним утром на твердом фирне и на жидком снежном месиве днем!

Метеорологи немало потрудились, изучая климат Скво Вэлли. Не меньше поработали там и врачи-физиологи. Как теперь стало известно, отправившись в Скво Вэлли зимой 1959 года для того, чтобы принять участие в открытом чемпионате США, европейские команды включили в свои составы врачей, которые тщательно изучали самочувствие своих спортсменов. Побывал в горах Сьерра-Невады и советский физиолог Н. Н. Яковлев. Он пришел к выводу, что на высоте 1 889 метров, где находится Долина индианок, требуется не только предварительная акклиматизация, но и специальный режим, который должен способствовать повышению жизненного тонуса. Можно представить себе, в каких трудных условиях придется выступать лыжникам, если учитывать, что их дистанции проложены на крутых горных трассах.

Нашим гонщикам предстоит исключительно упорная борьба со своими старыми знакомыми — скандинавскими лыжниками. Как известно, встреча на олимпийской лыжне в Кортина д'Ампеццо закончилась вничью: золотую медаль на 15 километров завоевал норвежец Х. Бренден, на 30 километров — финн В. Хакулинен, на 50 километров — швед С. Ернберг, а эстафету выиграла команда СССР. Нет никаких сомнений, что золотые медали будут завоеваны и на сей раз «большой четверкой» — командами Финляндии, Швеции, Норвегии и СССР.

Из четырех гонщиков, принявших участие в эстафетном беге на VII зимних Олимпийских играх, в Скво Вэлли будут выступать трое: П. Колчин, Н. Аникин и В. Кузин. К ним можно причислить еще двух «ветеранов», А. Шелюхина и А. Кузнецова. Но вместе с ними выйдут на старт и молодые гонщики, отлично зарекомендовавшие себя на отборочных соревнованиях: П. Морщинин, Г. Ваганов, А. Губин, И. Любимов.

Большой интерес будет представлять дебют участников самого молодого вида лыжного спорта — биатлона. Современное зимнее двоеборье зародилось всего три года назад, но уже сейчас имеет больших мастеров, достаточно искусных и в лыжном беге и в стрельбе. Советские двоеборцы завоевали первенство мира 1959 года. Надо надеяться, что и в Скво Вэлли они добьются заслуженного успеха.

Широка программа Олимпийских игр, трудно будет многочисленным зрителям, съехавшимся в Скво Вэлли, стать свидетелями всех соревнований. Ведь, помимо тех, которых мы перечислили выше, в горах Сьерра-Невады будут соревноваться представители лыжного двоеборья, состоящего из гонок и прыжков, прыгуны с трамплина, слаломисты, фигуристы...

Итак, осталось всего несколько дней до того часа, когда олимпийский огонь, зажженный в маленьком норвежском местечке Моргедаль, где жил свыше ста лет тому назад зачинатель лыжного спорта в скандинавских странах Сондре Норхейм, вспыхнет в горах Сьерра-Невады.

Принято говорить, что прошлое — это пролог. Сейчас уже отходит в прошлое трудная и долгая подготовка к Олимпийским играм, напряженная борьба сильнейших спортсменов мира за право представлять свою страну в Скво Вэлли. Позади многие соревнования. Уже подвели итоги спортсмены, тренеры, врачи, и 18 февраля высоко в голубое калифорнийское небо поднимутся флаги стран-участниц.

Пролог окончен. Начинается одно из самых захватывающих спортивных зрелищ — Белая олимпиада.

РЕВАНШ

ЧЕМПИОН МИРА — БОРИС СТЕНИН

После неудач советских скороходов в прошлом году наступил перелом: в Осло в дни европейского чемпионата свердловский скороход Борис Стенин, несмотря на крайне плохое состояние льда, сумел завоевать второе место, уступив первое норвежцу К. Юханнесену. В минувшее воскресенье Борис Стенин взошел на пьедестал почета и был увенчан лавровым венком чемпиона мира.

Это был реванш за поражение скороходов в прошлом сезоне. Стенин проявил блестящие качества и спринтера и стайера, и это позволило ему хорошо пройти все четыре классические дистанции. Уже в беге на 500 метров он показал 41,7 секунды, что дало ему возможность быть вторым за рекордсменом мира Е. Гришиным. Дистанцию 5 тысяч метров в тот же день Стенин прошел за 8 минут 17,4 секунды. В сумме очков двух дистанций Стенин вышел на первое место, опередив своего основного конкурента К. Юханнесена чуть ли не на 2 очка! Для соревнований подобного уровня такой отрыв — редкое явление.

На следующий день Стенин выиграл бег на 1 500 метров (2 минуты 10,7 секунды) и окончательно оторвался от норвежца. После третьей дистанции уже ни у кого не было сомнений в окончательной победе советского скорохода.

В Давосе обратил на себя внимание французский скороход Андре Куприянов. Впервые на международной конькобежной арене он появился совсем недавно — в состязаниях на первенство Европы в Осло. Но там его показатели были столь незавидны, что, естественно, никто и не обратил на него внимания. В Давосе Куприянов показал себя с лучшей стороны: он занял 7-е место на пятисотке, 4-е место в беге на 5 тысяч метров (впереди Т. Сейерстена, И. Нильсона, Я. Песмана и других) и показал хорошие результаты в беге на дистанциях второго дня.

После бега на 10 тысяч метров окончательно распределились места. На первом месте остался Борис Стенин (СССР), на втором месте — А. Куприянов (Франция), на третьем — Х. Кунерт (ГДР).

Следует отметить, что из четырех дистанций три выиграли советские скороходы: Е. Гришин (500 метров), В. Котов (5 тысяч метров) и Б. Стенин (1 500 метров). Это большой успех советских скороходов.

Итак чемпионами мира по скоростному бегу на коньках в 1960 году стали супруги Валентина и Борис Стенины.

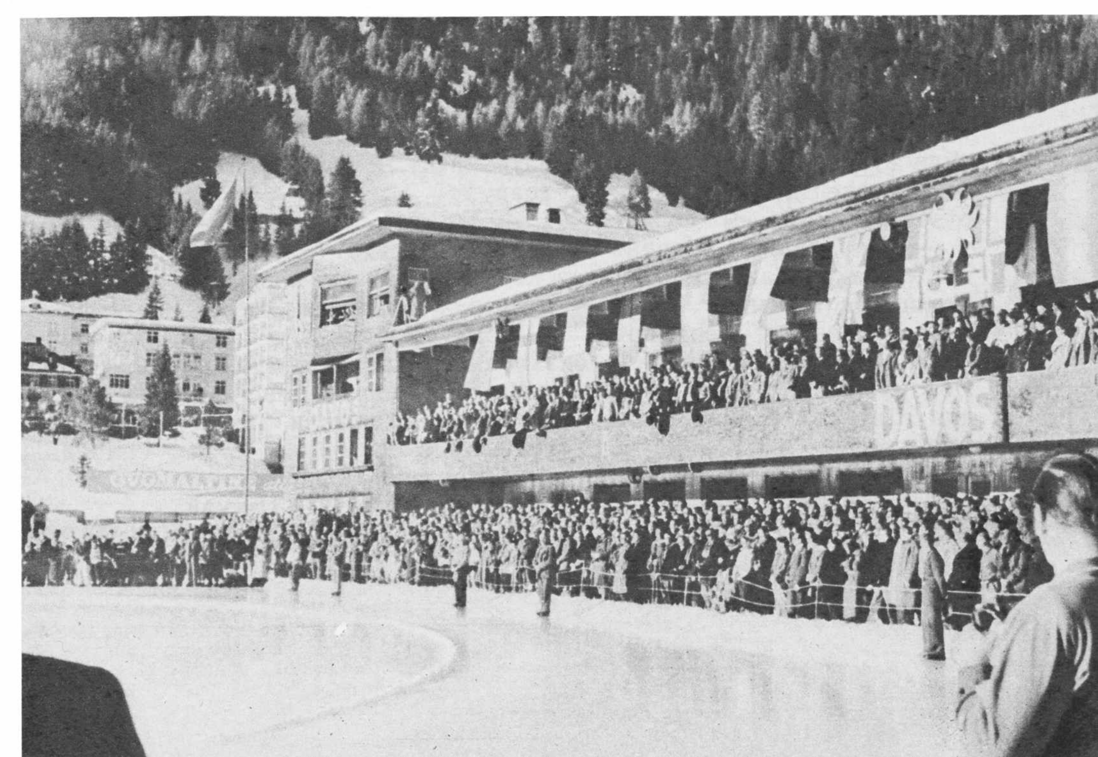
М. ИВАНОВ

Чемпион мира по скоростному бегу на коньках Борис Стенин.
Фото Б. Светланова.

Каток в Давосе.

Фото Н. Киселева.

Две страницы для детей

Рисунки Б. Жутовского.

МАРТОВСКАЯ ПЕСЕНКА

З. АЛЕКСАНДРОВА

Распушилась вéрба,
Солнце греет снова,
Ломкие сосульки
Весело звенят.
Сделаны дуплянки,
Домики готовы:
Мы гостей крылатых
Скоро ждем назад.

Мы без вас скучали
Долгою зимой,
Возвращайтесь, птицы,
Поскорей домой.

Для скворцов немало
Сделано скворешен
И у нас в поселке,
И по всей стране.
Слышишь, колокольчик
К облаку подвешен?
Жаворонок первый
Вьется в вышине!

Мы без вас скучали
Долгою зимой,
Возвращайтесь, птицы,
Поскорей домой.

Сергей МИХАЛКОВ

СНЕГ

Снег кружится,
Снег ложится.
Снег! Снег! Снег!
Рады снегу зверь, и птица,
И, конечно, человек!
Рады серые синички:
На морозе мерзнут птички.
Выпал снег — упал мороз!..
Кошка снегом моет нос!
У щенка на черной спинке
Тают белые снежинки.
Тротуары замело,
Все вокруг белым-бело.
Снего-снего-снегопад!
Хватит дела для лопат,
Для лопат и для скребков,
Для больших грузовиков —
Возят снег грузовики
От домов и до реки.
Только снежные завалы
Разобрали самосвалы,
Снег собрали, подгребли,
Погрузили, увезли —
Он опять летит, кружится
И на все вокруг ложится.
Снег! Снег! Снег!

Рады снегу зверь, и птица,
И, конечно, человек!
Только дворник, только
дворник
Говорит: — Я этот вторник
Не забуду никогда!
Снегопад для нас — беда!
Только снег подсоберешь,
Подскребешь и разметешь —
Он опять летит, кружится
И на все вокруг ложится.
Снег! Снег! Снег!

ДЯТЛЫ

Дятел Дятлу говорит:
— До чего ж башка болит!
Намотался вкруг стволов,
Так устал, что нету слов!
Целый день долблю, долблю,
А как день кончается,—
Равен мой улов нулю.
Вот что получается!
Надоело зря долбить!
Посоветуй, как мне быть!

Отвечает Дятлу Дятел:
— Ты с ума, должно быть,
спятил!

«Надоело зря долбить!»
Что за настроение?
Надо выдержанней быть
И иметь терпение!
Без настойчивой долбежки
Не добыть жучка и мошки!

Дятел с Дятлом говорил,
Дятел Дятла подбодрил.
И опять мы слышим звук:
«Тук-тук-тук! Тук-тук-тук!»

ЗМЕЙ-ХВАСТУНИШКА

Сказка

Валентин БЕРЕСТОВ

Однажды Витя взял бумагу, планки, клей, мочалку для хвоста и сделал Змея. День был пасмурный, а Витя нарисовал на Змее солнце. Витя отпускал нитку, а Змей поднимался все выше и выше, мотая длинным мочальным хвостом, и распевал песенку:

Я лечу,
Я парю,
Что хочу,
То творю!

— Ты кто такой? — спросили птицы.

— Разве не видите? — ответил Змей. — Я солнце!

— Неправда! Неправда! — закричали птицы. — Солнце за тучами.

— Это оно от меня прячется, — сообщил Змей. — Потому что с сегодняшнего дня я вместо солнца работаю.

Я лечу
И рею!
Я свечу
И грею!

— Неправда! Неправда! — опять закричали птицы.

— Цыц, короткохвостые! — рявкнул Змей, сердито мотая длинным мочальным хвостом.

В это время из-за туч выглянуло солнце.

— Заклевать хвастунишку! Выщипать ему хвост! — закричали птицы.

И набросились на Змея.

Витя начал быстро сматывать нитку, и Змей упал в траву.

— Ты что натворил? — спросил Витя.

— А что? И пошутить нельзя? — обиделся Змей.

— Шутить шути, — сказал Витя, — только, чур, не дразнить, не врать и не хвастаться. Ты должен исправиться.

— Вот еще! Новое дело! — проворчал Змей. — Пускай они сами исправятся. А я не буду.

— Ах, вот ты какой! Тогда я сам тебя исправлю.

Витя превратил нарисованное солнце в смешную рожицу.

Змей снова полетел в вышину, мотая хвостом и распевая песенку:

Я лечу,
Я парю,
Что хочу,—
Говорю!

Он и дразнился, и хвастался, но теперь все видели его смешную рожицу и думали, что он шутит.

— Вот молодец! Никогда не унывает! — радовались птицы.

— Цыц, короткохвостые! — кричал Змей, сердито мотая длинным мочальным хвостом.

— Ох, и насмешил! Ох, и уморил! Ну, скажи еще что-нибудь, — просили птицы.

Алешка, ведро воды и гвоздь

Сергей БАРУЗДИН

Рисунки Е. Афанасьевой.

ВЕДРО ВОДЫ

Раньше не раз так случалось: мать попросит о чем-нибудь Алешку — соль принести из соседней комнаты или воду вылить из чашки, а Алешка сделает вид, что не расслышал ее, и продолжает играть. Мать встанет — сама соль принесет, сама воду выльет, и дело с концом!

Но вот однажды Алешка отправился гулять. Только из ворот вышел, как очень повезло ему. Прямо возле тротуара огромный самосвал стоит, шофер капот открыл — в моторе копается.

Какой пятилетний мальчишка пропустит случай лишний раз на машину взглянуть?!

И Алешка не пропустил! Остановился, рот раскрыл, смотрит. Медведя блестящего на радиаторе увидел, руль в кабине шофера и даже колесо потрогал, что выше самого Алешки ростом.

Тем временем шофер капот захлопнул: видно, починил в моторе все, что нужно.

— А теперь машина поедет? — поинтересовался Алешка.

— Не поедет, пока воду не зальем,— ответил шофер, вытирая руки.— А, кстати, ты где живешь? Близко, далеко?

— Близко,— ответил Алешка.— Совсем рядом.

— Вот и добро! — сказал шофер.— Тогда я у тебя водички позаимствую. Не возражаешь?

— Не возражаю! — сказал Алешка.

Шофер взял пустое ведро из кабины, и пошли они домой.

— Я дядю привел, воды позаимствовать,— объяснил Алешка матери, открывшей им дверь.

— Проходите, пожалуйста!—сказала мать и провела шофера в кухню.

Шофер набрал полное ведро воды, а Алешка свое принес — маленькое, и тоже налил.

Шофер вылил воду из своего ведра в радиатор.

— И мое! — сказал Алешка.

— И твое! — сказал шофер и взял Алешкино ведро.— Теперь все в порядке. А за помощь спасибо! Бывай!

Машина взревела, как зверь, вздрогнула и поехала.

Алешка стоял на тротуаре со своим пустым ведром и долго еще смотрел ей вслед.

А потом вернулся домой и говорит:

— Мама! Давай я тебе помогу!

— Уж не подменили ли мне сына? — удивилась мать.— Что-то я его не узнаю!

— Нет, не подменили, это я! — успокоил ее Алешка.— Просто я помогать тебе хочу!

НУЖНЫЙ ГВОЗДЬ

Утром мать сказала отцу:

— Вечерком забей, пожалуйста, гвозди на кухне. Мне нужно веревки повесить.

Отец пообещал.

Мать в этот день дома была.

Собралась она в магазин.

— Ты поиграй пока, сынок,— попросила она Алешку,— а я быстро вернусь.

— Поиграю,— пообещал Алешка, а сам, как только мать ушла,— на кухню.

Молоток достал, гвозди и стал по очереди их в стенку забивать.

Штук десять забил!

«Теперь хватит»,—подумал Алешка и стал мать ждать.

Мать вернулась из магазина.

— Это кто же столько гвоздей в стенку позабивал? — удивилась она, войдя в кухню.

— Я,— с гордостью сказал Алешка,— чтоб не ждать, пока папа забьет.

Не хотелось матери Алешку огорчать.

— Давай поступим так,— предложила она,— эти гвозди мы вынем. Они не нужны. Зато вот здесь, выше, ты забьешь мне один гвоздь, побольше. Он мне пригодится, хорошо?

— Хорошо! — согласился Алешка.

Мать взяла клещи и вытащила из стены десять гвоздей. Потом дала Алешке стул, он забрался на него и забил большой гвоздь повыше.

— Вот этот гвоздь самый нужный,— сказала мать и повесила на него кастрюльку.

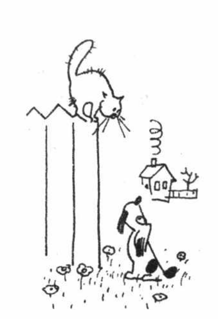
Теперь Алешка, как зайдет на кухню, так на стенку смотрит: висит кастрюлька?

Висит.

Значит, и верно, что он самый нужный гвоздь забил.

Собачкины огорчения

Борис ЗАХОДЕР

В лесочке над речкой
Построена дачка.
На даче живет
Небольшая собачка.
Собачка довольна
И лесом и дачей,
Но есть огорчения
В жизни собачьей.

Во-первых,
Собачку слегка обижает,
Что дачу
Высокий забор окружает.
Ведь если б не этот
Противный забор,
То с кошками
Был бы другой разговор!

Ее огорчает,
Что люди забыли
Придумать
Собачкины автомобили.
Собачка
Обиды терпеть не желает:
Она на машины
Отчаянно лает!

Ей грустно
Глядеть на цветочные
грядки:
Они у хозяев
В таком беспорядке!
Однажды собачка
Их славно вскопала,
И ей же — представьте! —
За это попало.

Хозяин
Собачку за стол не сажает,
И это, понятно,
Ее обижает:
Не так уж приятно
Приличной собаке
Сидеть на полу,
Ожидая подачки!

Но дайте собачке
Кусочек печенья —
И сразу окончатся
Все огорченья!

Знаки препинания

ПОДУМАЕМ
ПОГОВОРИМ
ПОСМОТРИМ

Из блокнота фельетониста

Ольга ПОЗДНЕВА

ПЕЙЗАЖ С ОГОВОРКАМИ

Начну с мажора, с восклицательных знаков. Первые впечатления от города нефтяников Ишимбая настраивают именно на восклицательные знаки. Выйдешь на главную улицу — Октябрьскую,— и сразу видно, как новый социалистический город ломает и перечеркивает старый поселок. Кварталы новых домов с гордым презрением смотрят на приплюснутые, барачного типа постройки. А большие магазины, а Дом культуры с колоннами, а библиотека, клубы, школы! Все эти приметы нового очень к лицу молодому городу — первенцу восточной нефти.

Однако, проходя главной улицей, можно обнаружить, что в ее пейзаж вписываются не только новостройки. Пейзаж как бы разбивается на секторы: сверху синее-синее южноуральское небо, ниже стройные силуэты новых домов и молодые, тонкие деревца, а на тротуарах и мостовых... Да, вот тут-то старый Ишимбай в прямом смысле не уступает дороги новому.

По всей улице вперемежку с весьма разнообразным мусором лежали снежные сугробы и прочие препятствия для пешеходов. Юные конькобежцы мчались на каток прямо по тротуару, сверкавшему ледяной тропинкой. На улицах, видимо, применялось не только снегозадержание, но и грязезадержание.

И тут восклицательные знаки потеснились и дали место знакам вопросительным. А чем же, собственно, здесь занимаются дворники, ревнители чистоты, мастера метлы, совка и лопаты? Из ворот нового дома вышел мальчик и приготовился бежать на лыжах по тротуару. Я спросила его, где бы найти дворника.

— А что такое дворник?

Юный лыжник удивился, как будто его спросили, где здесь поблизости можно найти снежного человека.

Вскоре контрасты местного пейзажа перестали меня удивлять. Оказалось, что в Ишимбае всего десять дворников при учреждениях. И как бы город ни рос, ни строился и ни озеленялся, его убирает один великий вечный дворник — сама природа.

Недаром полагается на ее труды Башкирский совнархоз, не желающий решать дворницкую проблему. Зимой бесплатный дворник припорошит грязь снегом, летом смоет ее дождями. Вот это служба!

ОДЫ ВМЕСТО ЖАЛОБ

Общественное питание так часто является мишенью для стрел критики! Что греха таить, я переступила порог городской столовой № 1 с некоторым скептицизмом.

В большом зале огляделась, постояла, потом села за столик и спросила себя: где же, собственно, нахожусь? И это — общественная столовая? Почему же она так полна домашнего тепла и уюта? За столиками сидели довольные люди, как будто они пришли с работы домой пообедать и отдохнуть. Запасы восклицательных знаков постепенно восстанавливались, ехидные вопросительные знаки приобретали более приятный оттенок, колючие кавычки и ядовитые многоточия отступали. Ну и ну!

Тюлевые занавески на окнах раздувались, как паруса; деревья в кадках блестели каждым листочком; меню, как в хорошем ресторане; чистота, как на военном корабле. За буфетной стойкой хлопотала белокурая буфетчица Машенька. И...

И тут пришлось отложить перо. А что, если не поверят?

— Подумаешь,— скажут,— невидаль какая: маленькая столовая в маленьком городе Ишимбае, и столько патетики. Вы бы еще белым стихом о ней написали!

Предвидя это, я попросила книгу жалоб и предложений. Читатели-скептики, если такие найдутся, вы видели когда-нибудь, чтобы эту самую книгу выдавали с гордостью? А я видела. Именно в этой маленькой столовой. И нашла в ней такие оды:

«После рабочего дня я зашел в вашу столовую. Очень приятно кушать, когда кругом такой уют. Я и мои друзья от чистого сердца благодарим вас. Спасибо, дорогие товарищи!» Или: «Спасибо за ваш честный, благородный труд!» Или: «В особенный восторг нас приводит продукция кондитерского цеха». А то просто: «Окрошка здесь — класс!»

Секрет такого успеха, оказывается, очень прост. Директор Иванов готов открыть его всем соратникам по общественному питанию.

— При всем мастерстве повара,— сказал Иванов,— ничего не получится, если обед без души приготовить. И мы не ждем, когда нам пришлют мастеров из Уфы, а сами их растим. Вот возьмите бригадиров Софью Бабичеву или Галю Баширову. Одна полтора года назад была раздатчицей, другая — рассыльной. А теперь они отличные поварихи...

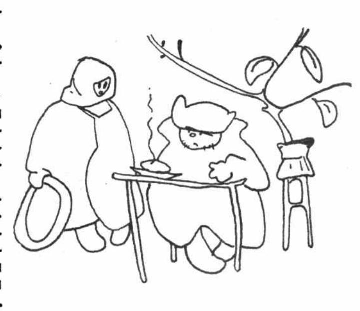
Можно добавить еще, что столовая снизила стоимость обедов за счет сверхплановых прибылей и что за кулинарными изделиями, за тортами и пирожными мастера-кондитера Александра Федоровича Вальтера люди мчатся на автобусах из Салавата и Стерлитамака.

ФИКУС В ЮБКЕ

В каждом городе есть свои контрасты. Есть они и в Ишимбае. Вот, скажем, столовая № 5. Здание столовой похоже на сарай, низенький фасад образует причудливую волнистую линию. Как объяснила директор этого учреждения Фролова, изгибы фасада происходят не от капризов архитектурной мысли, а просто от того, что здание намерено обвалиться. И просто удивительно, как оно еще не выполнило этой своей угрозы, будучи уже два — три года списанным из городского плана.

В небольшой комнате, скудно освещенной, мрачной, сидели рабочие, отдавая дань свойственной человеку привычке каждый день обедать. Посредине комнаты высился большой фикус, одетый в белую мадаполамовую юбку. Работяга-фикус нес огромную, непосильную нагрузку. Он олицетворял уют, тепло, комфорт, он был единственным оазисом в холодной, неприветливой комнате, с убогим буфетом и вешалкой, поставленной перед носом у обедающих.

В комнате администрации, где сотрудники сидели одетые, как участники арктической экспедиции, составлялось меню на несколько дней. И надо сказать, что оно оказалось неплохим. Плохими были условия, в которых перебиваются работники этой забытой столовой.

— Как мы работаем, я сама не понимаю,— жаловалась Фролова.— Продукты хранить негде: ни теплого склада, ни погреба. Вот сегодня замерзли бутылки с минеральной водой и тонна картошки. Не успеваю штрафы платить. А теснота-то! Днем у столиков очередь, у раздаточной давка, столпотворение! Кто успеет пообедать, а кто и так обойдется.

Столовая, однако, ухитряется давать прибыль, но это не трогает сердца руководителей управления «Ишимбайнефть». У них, очевидно, есть свои соображения. Вот сейчас в этой прескверной обстановке посетитель не рассиживается, не благодушествует. Ему впору кое-как осилить азу и опрометью выскочить из столовой, хлопнув дверью и на ходу застегивая пальто. Не правда ли, какая экономия времени для культурного досуга? Ну, и, конечно, экономия денег. Ведь дай посетителю комфорт и уют, так он, того и жди, разнежится и закажет себе не только азу, а еще курицу или пирожки с ливером.

Эх, «Ишимбайнефть»! Ну, как не поставить в кавычки такую заботу о рабочем человеке!

ЗАГАДОЧНЫЕ КАРТИНКИ

Заходим в один из лучших городских продуктовых магазинов. Поначалу выбор продуктов в этом магазине может показаться великолепным: конфеты и печенье из Москвы, сыры из Латвии, вина из Молдавии и Крыма, фруктовые соки из Украины, лимоны из Аджарии, варенье из Китая. Образуя стройные пирамиды, стояли банки с рыбными консервами; по их этикеткам рыбак-любитель мог бы изучить все места, где водятся и ловятся представители отечественной рыбной фауны...

И все-таки чего-то не хватало... Не было на прилавках молока. Не было и его производных: кефира, простокваши, творога.

Ничего этого не нашлось и в специализированном магазине «Молоко». Оказывается, компот из Китая и рыбное филе из Исландии легче доставить в Ишимбай, чем молочные продукты из окрестных колхозов.

— Летом молоко лилось рекой,— сказали в молочном магазине,— а теперь совсем почти не дают. Просили городские руководители Башкирский совнархоз: «Ведь у нас же нефтяники, им нельзя без молока»,— но получили в ответ казенные отписки.

Я не читала этих отписок, но, думается, их красноречие не сильнее карандашной записки «Молока нет» и не убедительнее звона пустых бидонов во дворе молочного магазина... И в нашем блокноте появились горестные многоточия. А многоточие, как известно, не только знак препинания, но и деликатная фигура умолчания...

На обширном городском рынке было людно и шумно. В удобных крытых павильонах топотали валенками краснощекие молочницы. По рядам, где шел торг, носящий выразительное название «барахолка», озабоченно прохаживался мой ишимбайский знакомый — знатный буровой мастер Герой Социалистического Труда Миниахмет Зениятович Гайфуллин. Мы поздоровались.

— Шапку себе ищу,— сказал Гайфуллин с раздражением.— Простую теплую шапку. В магазинах нет. Я всю Башкирию прошел, землю бурил, нефть искал. Это мое дело — нефть искать. А почему я должен целый день здесь ходить, шапку искать?..

Столь же удивительный торговый контраст я увидела и в промтоварном магазине на Октябрьской улице. Здесь стоном стонали патефоны и радиолы. Здесь можно было купить прелестный бархат, китайские веера и даже эгреты для шляп. На прилавках лежали прозрачные чулки со стрелками и вышитые дамские ночные сорочки с гиперболическим декольте. Но магазин говорил «нет» женам нефтяников, искавшим простой, практичный, дешевый трикотаж для ежедневной носки: теплые платки, чулки, белье.

Нет, мы не против эгретов для шляп, мы не против вееров и чулок со стрелками. Мы согласны даже, чтобы стрелки от чулок продавались отдельно, в целлофановых пакетах. Мы против безрукости. Безрукость мила и трогательна только у Венеры Милосской, а руководителям управления рабочего снабжения Башкирского совнархоза она ни к чему.

И на этом, мне кажется, не надо ставить точку.

. . . .

К вопросу о стоимости лекарств в США.

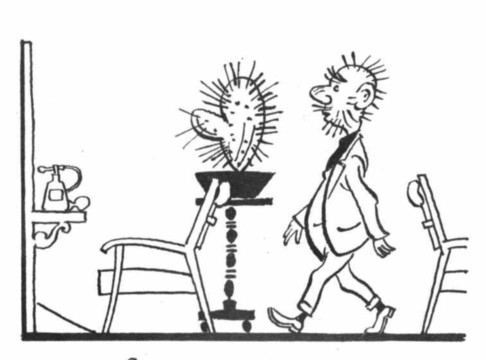
Рисунок Ю. Черепанова.

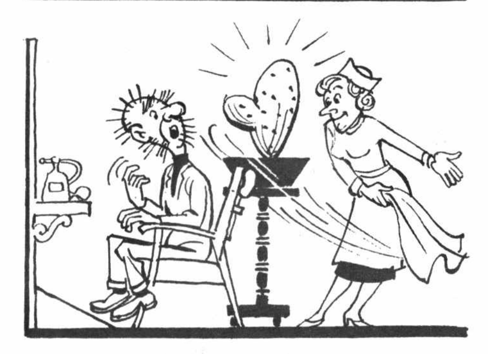

Рисунок Г. Оганесова.

Сверхневнимательность.
Рисунок Ю. Черепанова.

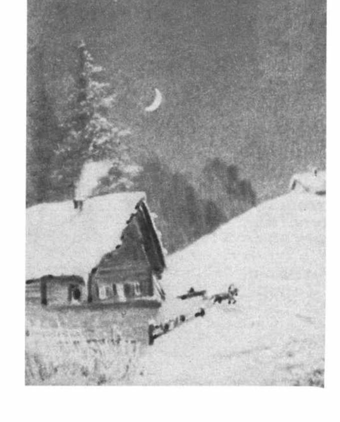

Вместо «дворника».
Рисунок А. Елагина.

— А справок маловато принесли, дорогой товарищ...
Рисунок И. Массина.

Чьи это картины?

Лет десять тому назад мы приобрели две картины. На одной из них изображен летний пейзаж, на другой — зимний. Картины прельщали своей красотой и глубокой задушевностью в изображении родной природы. Полюбовавшись, повесили их на стену. Много лет висели картины у нас в квартире, привлекая внимание друзей.

— Какие чудесные картины! — восклицали они в один голос.— Сколько в них лирики! Сколько выразительности!..

И никто не удосуживался взглянуть на подпись автора.

Но нашелся все-таки любопытный, который, вооружившись очками, всмотрелся в подпись автора.

— Боже мой! — вскричал он.— Так ведь это же картины Саврасова!

Действительно, на картинах хотя и не совсем ясно, но разборчиво было выведено: «А. Саврасов».

Гость начал нас распекать:

— Ну, знаете ли, обладать такими редкостными, ценными произведениями и не знать, кто их автор,— это по меньшей мере невежество!..

Мне было стыдно. Ну кто же из нас не знает картин Алексея Кондратьевича Саврасова! А тут вдруг приключился такой казус.

Но, может быть, эти картины и не принадлежат кисти А. К. Саврасова? Я прошу редакцию опубликовать фотоснимки двух картин. Возможно, они заинтересуют людей, любящих русскую живопись, которые и помогут ответить на мой вопрос.

Дм. ПЕТРОВ (БИРЮК)

Ростов-на-Дону.

МУЗЕЙ В ВЕРЕЕ

Если хотите познакомиться с историей одного из древних городов Подмосковья — Вереи, обратитесь к директору средней школы Сергею Александровичу Поспелову. Он покажет интересные находки. Диковинные окаменелости — это остатки кораллов девонского периода. Несколько тысячелетий тому назад были изготовлены искусными мастерами каменные топоры. Сабли и палаши наполеоновских солдат отыскали школьники на строительстве дорог.

В нумизматической коллекции собраны монеты разных времен — от серебряных копеек Ивана III до серебряных советских рублей. На одной из старых медалей рядом с гербом московских князей мы видим два дубовых столба. Символическое изображение Вереи говорит о том, что город издавна был воротами Москвы. Толковые словари русского языка разъясняют слово «верея» так: столб, на который навешивается створка ворот.

Н. ЧЕРНИКОВ

Москва.

— На сегодня достаточно, папочка. Завтра начнем уже только на ногах.
Рисунок Б. Семенова. Ленинград.

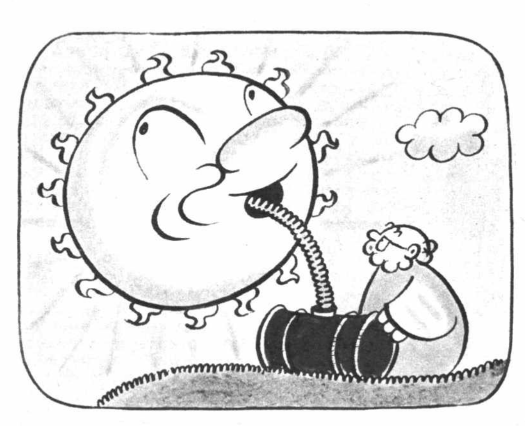
ПОДУМАЕМ
ПОГОВОРИМ
ПОСМОТРИМ

КАКАЯ ЗАВТРА ПОГОДА?

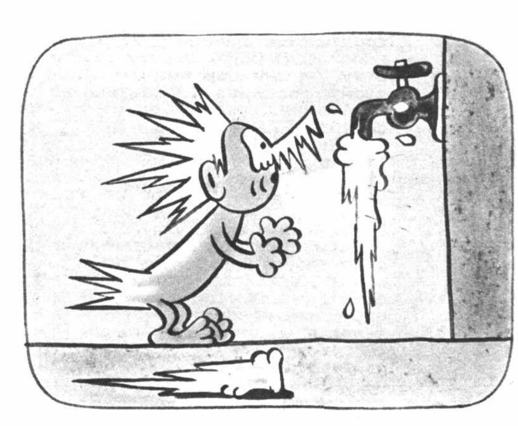

Давайте познакомимся: я — телевизионный Петр. Я предсказываю погоду в Чехословакии. Мой родитель — художник Йозеф Клика — создал уже тысячи коротеньких передач и ни разу не повторился. О себе скажу откровенно: я в меру нескладен, в меру лукав, а вообще добрый малый. Очень люблю, когда у телевизоров собираются семьи простых людей. А больше всего я люблю ребятишек. Они шлют мне подарки и письма, делятся своими мечтами. И они меня слушаются, посмотрев на телевизионного дядю Петра, идут спать: ведь потом начинаются передачи для взрослых.

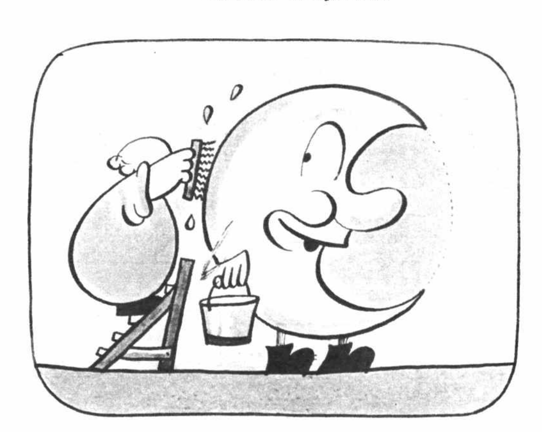
Некоторые мои выступления вы видите. Те, кому понравятся, могут поздравить меня, бородатого старичка, с днем рождения: в этом году мне исполняется три года.

Вы любите солнышко? Летом я заправляю его бензином, чтобы жарче грело.

Мой помощник — морозец. Сейчас он изготовляет сосульки.

Однажды я узнал, что к Луне летит космическая ракета. Надо было срочно потереть Луне спинку.

Ученик Лура

В квартире раздался телефонный звонок, и, прежде чем хозяин снял трубку, в одной из комнат кто-то прокричал: «Алле! Алле! Алле!»

Закончив разговор по телефону, Василий Осипович Топорков, улыбаясь, сказал:

— Это проказник Лурка безобразничает...

Мы подошли к клетке, и попугай отрекомендовался: «Лура!»

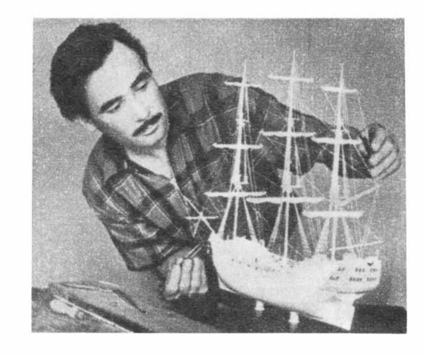
Народный артист СССР В. О. Топорков любит животных и птиц. Когда-то он увлекался певчими птицами, научился различать тончайшие нюансы их искусства. Затем было увлечение собаками.

— О попугае я мечтал с детства, — говорит Топорков.— И мне очень повезло! Лет двадцать пять назад я стал обладателем талантливейшего попугая породы жако. Он был настоящим полиглотом, говорил на трех языках: финском, английском и русском. Попугай этот плавал с одним финским моряком, пожил в Америке и потом поселился у меня. Теперь его место занял Лура, который обещает быть способным учеником.

В. БАТМАНОВ

Москва.

Слоновая кость, золото, рубины

Корабль из слоновой кости, золота и рубинов изготовил модельер симферопольских художественно-производственных мастерских Юрий Васильевич Смирнов. Это модель первого на Черноморском флоте корабля, который был спущен на воду в Херсоне в 1783 году. Первенец строился под наблюдением адмирала Ушакова и был им испытан.

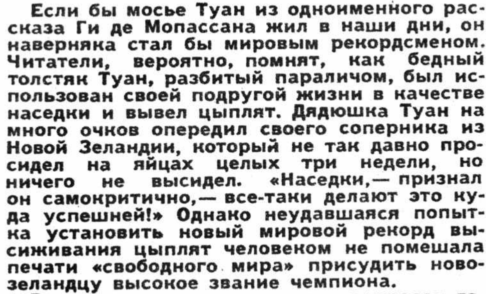
Модель собрана из трех тысяч деталей. Для оснастки такелажа надо было высверлить свыше тысячи отверстий, многие из которых не превышают толщины волоса. Мастер трудился над моделью восемь месяцев.

Модели Ю. В. Смирнова, сделанные в мастерских, хранятся в Херсонском, Феодосийском и Симферопольском музеях. Служба на флоте помогла модельеру хорошо изучить корабли. Сейчас Смирнов решил сделать из драгоценных камней и других материалов модель легендарного крейсера «Аврора».

Б. ФЕЛЬДМАН

Симферополь.

ЛАВРЫ ДЯДЮШКИ ТУАНА

Если бы мосье Туан из одноименного рассказа Ги де Мопассана жил в наши дни, он наверняка стал бы мировым рекордсменом. Читатели, вероятно, помнят, как бедный толстяк Туан, разбитый параличом, был использован своей подругой жизни в качестве наседки и вывел цыплят. Дядюшка Туан на много очков опередил своего соперника из Новой Зеландии, который не так давно просидел на яйцах целых три недели, но ничего не высидел. «Наседки,— признал он самокритично,— все-таки делают это куда успешней!» Однако неудавшаяся попытка установить новый мировой рекорд высиживания цыплят человеком не помешала печати «свободного мира» присудить новозеландцу высокое звание чемпиона.

Весьма компетентная в этих вопросах газета «Нью-Йорк геральд трибюн» пишет, что борьба за подобные «рекорды» продолжается с прежним азартом. Главными претендентами являются Великобритания и США. На данном этапе вперед вырвалась добрая старая Англия. Судите сами: в самый короткий срок «неутомимые бритты» установили такие рекорды мирового класса: 72 часа 45 минут подряд играла в бридж студенческая команда из Кембриджа; молодой человек сумел за 10 часов 10 минут пожать руки 9 001 соотечественнику; еще один англичанин сумел выдержать в течение 134 часов «игру» на фортепьяно; любитель прогулок совершил «беспосадочный» переход в темпе марша, покрыв расстояние в 110 миль за 36 часов 27 минут; любитель «хулахупа», некто Клод Гашет, 100 тысяч раз прокрутил обруч вокруг собственной оси за 13 часов 49 минут.

И все же, несмотря на эти бесспорные достижения англичан, американцы отнюдь не собираются выходить из игры. Они продолжают сохранять первое место по обжорству. До сих пор никто в мире не мог превзойти потомка Гаргантюа из штата Пенсильвания, который за один присест проглотил 77 пирожков с мясом и 8 дюжин сдобных булочек, запив их 22 стаканами молока и 6 бутылками кока-колы. Непревзойденным остается и другой американский рекорд — долгоречие. Его установила женщина, без устали проболтавшая 94 часа 32 минуты и 5 секунд.

Сорок два года печатала одна нью-йоркская газета любовную повесть «Признание жены», установив тем самым рекорд долгопечатания. Америка удерживает и международный рекорд бодрствования: молодой человек из Канзас Сити не смыкал глаз 168 часов 36 минут.

География подобных спортивных взлетов не ограничивается двумя странами. За Италией, например, числится рекорд «марафонского» обслуживания посетителей ресторана: официант проработал без передыха несколько суток. Один австриец, очевидно, желая превзойти древнегреческого философа Диогена, просидел целый год в стеклянной бутыли.

Запад одержим рекордоманией. Может быть, дойдет дело до рекорда, который оказался не по плечу даже дядюшке Туану.

«Местные шутники,—рассказывает Мопассан,— спрашивали его:

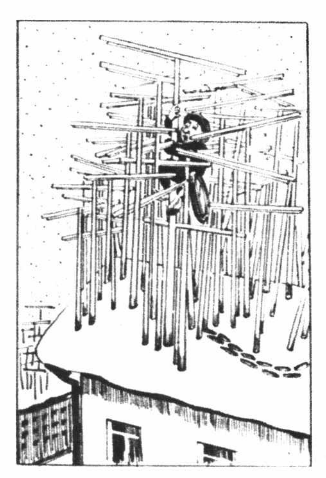
— Отчего бы тебе не выпить море, дядя Туан?

Он отвечал:

— Мне мешают две причины: во-первых, оно соленое, а во-вторых, его надо сперва разлить в бутыли — ведь брюхо-то мое не согнешь, чтобы пить прямо из этой чашки!»

Ю. СЕНИН

Рисунки Б. Жутовского.

Монтер:— Ау!..

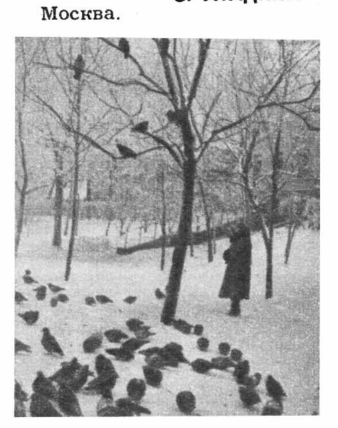
Рисунок В. Петрова.

Голуби на дереве

В начале зимы в Москве стояли суровые морозы. Туманная дымка повисла над городом. Деревья и провода оделись в серебряный иней. Трудно в эти дни приходилось птицам. На Гоголевском бульваре мне удалось заснять голубей, которые уселись на дереве. Это, по-моему, довольно редкое явление.

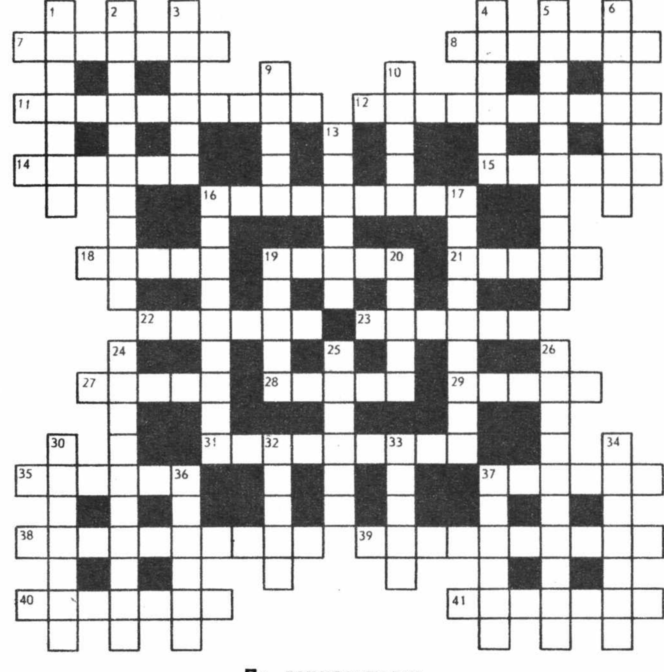
С. ГЛАДКИХ

Москва.

— Домашние голуби обычно не садятся на деревья,— подтвердил старший научный сотрудник зоологического музея Московского государственного университета Е. П. Спангенберг.— Голубей привлекла на бульвар подкормка, и они уселись на дерево в ожидании ее. Надо сказать, что бывали и другие подобные случаи. Так, например, в Иркутске голуби осенью и в начале зимы слетались на яблони сорта «китайка» и поедали мелкие плоды.

КРОССВОРД

По горизонтали:

7. Судоходство между портами одного государства. 8. Персонаж комедии "Горе от ума". 11. Союзная республика. 12. Город в Крыму. 14. Лиственное дерево. 15. Книга иллюстраций, чертежей. 16. Шахматный ход. 18. Горячий, сухой ветер. 19. Разновидность каменных углей. 21. Опера Р. Леонкавалло. 22. Местность с природными лечебными средствами. 23. Часть слова. 27. Начинание, инициатива. 28. Животное, распространенное в Приамурье и Приморье. 29. Роман Л. Фейхтвангера. 31. Глубоководная впадина Тихого океана. 35. Женщина-офицер, участница Отечественной войны 1812 года. 37. Спутник планеты Нептун. 38. Сатирическое изображение. 39. Раздел астрономии. 40. Русский просветитель XVIII—XIX веков. 41. Высокомолекулярное соединение.

По вертикали:

1. Молочный продукт. 2. Песня из кинофильма «Волга-Волга». 3. Мелководный морской залив. 4. Мужская одежда у оленеводов. 5. Растение семейства лютиковых. 6. Русский трагический актер. 9. Павильон, палатка. 10. Степень зрелости яблока. 13. Путь. 16. Автор группового портрета "Ночной дозор". 17. Размах колебания. 19. Древнейшее культурное растение. 20. Плотная ткань. 24. Построение художественного произведения. 25. Старинная столица Грузии. 26. Конусообразный отвал породы. 30. Столярный инструмент. 32. Поверхность шара. 33. Советский скульптор. 34. Памятник римской архитектуры. 36. Область в Испании. 37. Конская рысь.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 6

По горизонтали:

2. Камерун. 6. Существительное. 9. Вольфрам. 10. Смелость. 12. Шпала. 16. Чусовая. 17. Вавилов. 18. Краснолесье. 21. Клиника. 22. Наварра. 23. Асуан. 27. Кирсанов. 28. Тропинин. 29. Признательность. 30. Кальцит.

По вертикали:

1. Скульптор. 2. Каскад. 3. Есипова. 4. Нельма. 5. «Огородник». 7. Воодушевление. 8. Стихотворение. 11. Паприка. 13. Плинтус. 14. Любляна. 15. Бальзак. 19. Индустрия. 20. Бадминтон. 24. Учитель. 25. Родник. 26. Гранат.

Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Рукописи не возвращаются. Оформление М. Милославского.

Телефоны отделов редакции: Секретариата—Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00226. Подписано к печати 10/II 1960 г. Формат бум. 70×108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 700 000. Изд. № 167. Заказ 269.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, Д-47, ул. «Правды», 24.

Мотогонки на Центральном стадионе имени В. И. Ленина в Москве.
Фото А. Бочинина.

Цена номера 3 руб.